



ДОСТАВЬ

ИЛИ

УМРИ

Величайшая Империя распалась столетия назад на множество осколков, в порождённом хаосе мир сотрясает постоянные войны, интриги и стычки. Курьер культа Илмира просто исполняет свою работу и предназначение, однако у судьбы другие планы.

Глава 1

Ночь охватывает великий город Ковендар чёрными крыльями, а дождь заглушает свет от магических фонарей на главной аллее. Вода гремит по черепичным крышам, гудит в желобах и проливается на улицы, превращая их в мутные реки. Вспышки молний на мгновения рассекают угольные небеса, а рокот грома эхом мечется меж домов, будя и пугая детей. Город сбрасывает накопившуюся за первые недели лета грязь и пыль в переплетение каналов и переполнившуюся водой реку.

Ковендар богат и с гордостью носит звание бывшей столицы расколовшейся Империи. Незадачливый путник может оценить величие древних зодчих, что воздвигли огромные дома из блоков размером с быка. Храмы всех божеств и украсили город статуями. Может, но не будет. Ведь в такую ночь куда интереснее засесть с кружкой эля у камина в харчевне или дома, обняв жену, лежать под тёплым одеялом.

Очередная вспышка молнии осветила узкую площадь перед храмом Илмира, бога Знания. Выхватила из тьмы статую божества. Три этажа ростом, она выполнена из тёмного гранита и изображает Илмира в образе старца с густой бородой. Он стоит на короткой лестнице, что должно символизировать путь к знанию. Каменный плащ украшен золотом и серебром. В левой руке бог держит книгу, а в правой меч. Взгляд устремлён вдаль и во всей позе чувствуется мрачная мощь. Внимательный посетитель различит на плаще узор, похожий на карту, которой он и является, а на поясе инструменты писца.

За статуей темнее здание храма, с двух сторон стиснутое кирпичными домами, само такое же простое. Вход, двухстворчатые двери из потемневшего бука, к которому ведут протёртые ступени. Крышу над крыльцом подпирают гладкие колонны. В единственном окне горит свет, храм никогда не спит. Десятки послушников сортируют полученные отправления и готовят к выдаче. Илмир поощряет не только знание, но и доставку информации, любой. Письма и посылки, тоже информация, ценная для получателя не меньше, чем книги вековой мудрости. К тому же, это очень прибыльная деятельность для культа. Многие готовы платить огромные деньги, чтобы их письмо было доставлено быстро и безопасно. И то и другое культ Илмира может обеспечить.

Вспышка молнии охватила площадь вновь, но на этот раз и двигающегося через неё человека. Курьер закутан в чёрный плащ и слегка горбится под напором ливня. Вода плещет из-под сапог, и каждый шаг порождает мелодичный звук удара о мокрый камень. Нечто привлекло внимание и курьер подошёл к статуе, походивший сделал священный жест: коснулся тремя пальцами лба, а затем сердца. Остановился, озадаченно смотря на нечто лежащее в ногах бога.

Корзина, выдавшая виды, из прорех торчит солома, а содержимое скрыто за куском плотной ткани. Курьер приблизился, приподнял её и сразу отступил на два шага. Быстро взглянул в каменное лицо бога и вновь на корзину. Нервно повторил жест.

Внутри ребёнок, младенец пары месяцев от роду. Промокший и успевший посинеть от переохладения, но ещё живой... пока живой. А ещё от него ощутимо воняет.

Курьер поколебался, взял корзину и направился к храму. Поднявшись по скользким ступеням, загремел кулаком в дверь. Оглянулся, надеясь в очередной вспышке молнии разглядеть того, кто оставил корзину. Тщетно, неизвестный «родитель» скрылся задолго до его появления.

За дверью появились шаркающие шаги, грохнула щеколда и на уровне глаз открылась смотровая щель. Узкая полоса света упёрлась в курьера и спустя секунду тишины загредел засов. Дверь отворилась, и мужчина шагнул внутрь. Монах-привратник поклонился и замер, глядя на корзину, спросил осторожно:

— Новая посылка, брат?

— Увы.

Курьер снял тряпку, и монах умолк, глядя на младенца. Молчал долго, сбитый с толку, затем взял корзину и вновь поклонился.

— Мы сделаем, что сможем, отдыхайте.

Подбежавший прислужник перенял плащ, а курьер прошёл в отдельную комнату. Запер за собой дверь и остановился, оглядываясь. Стены задрапированы чёрным бархатом и пробковым деревом. Компактный диванчик, стол и табурет. На одной, раздвинув отделку красуется деревянная решётка, что не даёт рассмотреть помещение за ней. Однако там горит свет и рядом сидит человек, чей силуэт виден отчётливо. Курьер подвинул табурет, сел и наклонился, складывая руки в молитвенном жесте, забормотал под нос:

— Даруй мне мудрость и силу, Илмир, бог Знания. Направь на путь просвещения. Благослови меня остротой ума и памяти, чтобы я мог воспринять всё, чему научился и всё, что слышал, и смог применить это с умением и проницательностью. Пусть твой свет всегда светит на меня, ибо я чту тебя во всём, что делаю. От страха и сомнений, защити меня, Илмир. Даруй мне уверенность и мужество, чтобы я мог преодолеть любые трудности. И пусть я найду в твоём знании и мудрости утешение.

Слова молитвы слетают с губ непрерывным потоком, произношение идеальное, как и интонации. Курьер произносил её столько раз, что сможет отчеканить даже во сне или на смертном одре. Звуки окутывают разум, будто само божество снизошло до него. На той стороне раздалась ответная молитва и по голосу ясно, что служитель стар и опытен.

— Давно тебя не было, брат Эллион. — Сказал человек, закончив молитву. — Я готов выслушать тебя.

— На севере расплодились волки. — Начал Курьер. — Дорогу размыло проливными дождями, королевства Тарагант и княжество Болон устроили стычку на границе, а в деревне Голубых Озёр некая Марта родила двойню.

В тишине слышен скрип пера по бумаге, песец наносит информацию тайным языком, уместя целые группы слов в пару символа. Дальше скопившиеся данные отсортируют и поделят на два типа: ценная и сиюминутная.

— Это всё? — Спросил писец, задумчиво постукивая остриём пера по краю чернильницы.

— Да, я шёл безлюдными тропами, дабы успеть.

— Похвальное стремление, спасибо за труды брат, а теперь, отдохни.

Решётку с той стороны прикрыла деревянная панель, что отсекала другие звуки. Эллион поднялся, пригладил мокрые волосы, чёрные, как крыло ворона. Вышел из молельни и столкнулся нос к носу с послушником. Молодым мужчиной с шрамом через лицо, пересекающим левый глаз, отчего тот напоминает шарик белой глины. Он поклонился и сказал:

— Брат Эллион, позвольте проводить вас.

Курьер кивнул, хоть прекрасно знает путь до кельи, пошёл за послушником. Храм наполнен звуками дождя, разбивающегося о крышу, коридор освещают газовые светильники.

Эхо шагов отскакивает от стен и потолка, разносится далеко вперёд. Курьер и послушник проходят мимо крохотных дверей. За одной из них плачет младенец, а женский голосок поёт колыбельную.

— Хорошая ночь, — сказал одноглазый послушник, с лёгкой улыбкой, — у нас появился новый брат.

— Хорошая ночь, — подтвердил Эллион, — он лежал в ногах Илмира и молчал. Хороший знак.

Они остановились у двери, и спутник отступил, поклонился и пошёл прочь. Курьер вошёл внутрь, оглядел стену, завешанную оружием: короткие мечи, метательные ножи, тонкие цепи с грузиками и целый набор разномастных кастетов. У другой стены шкаф с одеждой и сапогами, рядом заправленная койка и парта с письменными принадлежностями. Эллион встал у большого зеркала и начал стягивать промокшую одежду. В тусклом свете единственного светильника тело влажно блестит, сухие мышцы играют и обрисовываются под тонкой и бледной кожей. Левая сторона груди покрыта татуировкой переплетающихся линий, перетекающих на плечо и шею. Годы тренировок оставили на коже множество шрамов и растяжек. Подняв руку, осмотрел пальцы, тонкие, как у аристократа, но с мощными костяшками, что твердей камня.

Человек в отражении гибок и быстр, как белка, способен бежать сутки напролёт и после короткого сна быть полным сил для нового марафона.

Эллион тщательно осмотрел тело на предмет фатальных изменений или скрытых травм. Старательно размял и разогрел основные группы мышц. Даже малейшая ранка может помешать исполнению священного долга, потому стоит исключить провал в самом зародыше.

Успел переодеться в хламиду, как раз когда в дверь постучали и новый послушник забрал грязную одежду. Следом пришла девушка с подносом еды. Овощной салат, стакан воды и белое мясо курицы в сметанном соусе. Курьер поблагодарил её и принялся за еду, сдержанно, хоть желудок и рычит от голода.

Закончив, достал из ящика парты толстый дневник, записи курьеров, что ночевали здесь до него. Сюда следует записать всё, что рассказал писцу.

Дочитав отчёты, начал подбирать одежду, молясь Илмиру, чтобы в этой ячейке была обувь его размера. На койку один за другим легли плотные штаны, льняная рубаша, и тёмно-зелёный плащ с глубоким капюшоном. Левый рукав по локоть ярко-красный, отличительный знак курьеров Илмира. К великому облегчению нашлись ботинки, даже в двух экземплярах, неприятно массивные, с железным носком и пяткой. Оружие, по сути своей, но способное замедлить движение.

Закончив, встал перед оружейной стеной, задумчиво провёл пальцами по кастетам. Затем снял два наруча, броню для голени и колен. Одевшись и облачившись в снаряжение, попрыгал на месте, сделал два выпада ногами, вскидывая пятку выше головы. Довольно хмыкнул и начал готовиться ко сну, заказ может поступить ранним утром.

Полдень следующего дня застал Эллиона в постоялом дворе близ Ковендара. Перевалочный пункт торговцев и путешественников. Зал полон народу, крестьяне из ближайшей деревни отмечают скорую свадьбу друга, отдельно сидят слуги купцов, а их хозяева занимают второй этаж. Залётный бард нещадно фальшивит, распевая балладу о славном рыцаре и злобной ведьме. Воздух пропах людьми, пивом и тушёной капустой с

мясом.

Эллион ест спрятав красный рукав под плащом, не к чему привлекать к себе лишнее внимание. В противоположном конце зала, в углу, сидит другой курьер Илмира. Совсем зелёный парнишка, не больше шестнадцати лет, с заячьей губой и толстыми угрями на щеках. Вот он рукав выставил на общее обозрение, положив руку на стол и будто красуется им.

Через плечо перекинута лямка увесистой сумки, а растрёпанные волосы говорят о долгом пути. Эллион поглядывает на него и других посетителей. Захмелевшие гуляки невзначай окружают паренька. Пятеро крепких мужчин, загоревших до черноты работая в полях. Молодой курьер заметно нервничает, чем только распалает их. Эллион почти слышит его мысли: не подходите ко мне, пожалуйста!

Жаль, пьяные этого не понимают.

Широкая ладонь хлопнула паренька по плечу, сдавила под дружный гогот, а её владелец, кряжистый малый, немногим старше мальчишки, наклонился к нему.

— Так ты курьер? — Пробасил он, широко улыбаясь.

— Да.

— О, а что несёшь? Дай посмотреть!

— Нет. Илмир велит хранить послания в тайне.

— Но ты же сам смотрел, чего я не могу? Слышь, я никому-никому не расскажу? Братцы, я ж не трепло какое?

Ответ ему, пьяный смех и выкрики показать ношу. А если там золотишко, а им ещё свадьбу справлять, как раз будет. Значит это им сам Илмир послал деньги! Эллион на миг зажмурился, лучше бы гуляке уйти. О, Илмир, пожалуйста, пусть они просто уйдут!

Здоровяк схватил лямку и дёрнул, мальчишку сорвало с лавки под гогот окружившей пьяни. Грохнулся на дощатый пол и получил оплеуху.

— Ну ты чё, я только одним глазом гляну!

Эллион выругался про себя и рванул к ним, прекрасно осознавая, что не успеет. Мальчишка выхватил нож, но его огрели сзади, отчего он вновь рухнул на пол. В отчаянии вскинул голову, наблюдая, как пахарь раскрывает сумку и заглядывает внутрь... Эллион с разбега ударил в стиб колена и приложил локтем в затылок, стоило здоровяку упасть на колени. Пьяницы среагировали с замедленно, слишком пьяные, чтобы осознать, во что ввязались. Кто-то ухватил за капюшон, но тут же завизжал, глядя на руку согнутую локтем во внутрь, как нога кузнечика. Молодой курьер вскочил, увидев красный рукав, выхватил сумку и прижал к груди, трясаясь от стыда и ужаса. Кованый носок ботинка ударил в пах очередного смельчака, тот согнулся вопя и закрывая самое дорогое ладонями. Эллион ухватил за уши и рванул навстречу колену. Смачно хрустнуло и обливающееся кровью тело откинулось назад, вытянулось на полу раскинув руки. По доскам застучали выбитые зубы, похожие на желтоватый жемчуг.

Таверна затихла, обычная пьяная драка приняла неожиданный оборот. Эллион мрачно оглядел обступивших гуляк, сделал условный жест младшему и тот передал ему нож.

— Вы напали на слугу Илмира. — Процедил мужчина, обводя стремительно трезвеющих деревенщин холодным взглядом.

— П-п-простите господин, простите пьяных дураков!

Через парней пробился старик, с круглыми от ужаса глазами, рухнул на колени, протягивая к курьерам руки. Его мелко трясёт, а щербатый рот кривится.

— Этот человек, — сказал Эллион, указывая на зачинщика, что хрипит и вяло пытается перевернуться на спину, — увидел посылку, нарушил таинство отправления.

— Сжальтесь, господин! — Взмолился старик, стремительно бледнея, по щекам бегут слёзы, заполняют тонкие морщины. — Он даже не вспомнит!

Эллион пинком перевернул здоровяка, взглянул в затуманенные пивом глаза. Резко опустил на колено и вогнал нож в горло по рукоять, рывком провернул и медленно поднялся.

— Наказание, смерть.

Старик издал задушенный вопль, на карачках посеменил к умирающему. Обхватил за плечи, вглядываясь в тускнеющие глаза и кровь, что хлещет изо рта. Завыл, забился в корчах, как раненный зверь. Курьеры встали над ним, оглядывая окончательно протрезвевших гуляк, как псы смотрят на загнанных в угол крыс.

— А ведь его невеста ждёт... — Прошептал кто-то в толпе и шмыгнул носом.

Входная дверь распахнулась и в постоянный двор вбежала стража, пятеро мужчин в кольчуге и с короткими дубинками. Бегущий первым затормозил и протяжно выругался, увидев курьеров над трупом. Сжал зубы и со злостью утёр лицо ладонью.

— Идиоты! — Выпалил он, глядя на пахарей, круглыми от бешенства глазами. — На кой ляд вам это случилось?! Вот на кой?! Отвечай Стриг! К тебе, дебилу, обращаюсь!

— Ну... — проямлил здоровяк с только проклюнувшейся бородкой, — Велкан решил пошутить...

— Дошутился?! Как вам, выродам, смешно теперь?! Чего не смеётесь?! Вашу ж мать...

Старик уткнулся лицом в грудь мертвеца и тихонько завывает, трясёт за плечи, не замечая мира вокруг. Эллион хлопнул младшего по спине и кивнул на выход. Вместе прошли мимо стражи, а те посторонились, будто гнев посланцев Илмира может коснуться их. На улице яркое солнце ударило глазами, а свежий, напоенный ароматами лета воздух вскружил голову. Во двор заезжает телега, запряжённая двумя волами, возница покрикивает на конюхов. У дальней ограды куры обследуют сырую землю под надзором здорового петуха, что наблюдает за двумя котами, что притаились в тени цветущего куста.

Эллион взял парня за плечо железным хватом и потащил за конюшню. Там, вдали от чужих глаз, развернул к себе и заглянул в бледное лицо.

— Спасибо, брат. — Растерянно пробормотал парнишка, опуская взгляд.

— Почему не ушёл? — Сухо спросил мужчина. — Ты же видел, к чему идёт дело.

— Я был очень голоден...

— Теперь ты сыт, а человек мёртв.

Эллион без замаха хлестнул младшего по лицу тыльной стороной ладони. Парнишка охнул и склонился ниже, полностью принимая вину.

— Скажи, чтобы случилось, не будь меня рядом?

— Я бы убил его, как и вы.

— А сколько людей увидело бы твою ношу? А если бы они убили тебя? Что бы случилось дальше?

— Храм... отправил бы карательный отряд.

Новый удар, по целой щеке. Парень всхлипнул, руки дёрнулись закрыться, но он сдержался и остался со склонённой головой.

— Мы бы вырезали всю деревню. — Процедил Эллион, стискивая плечо. — А всё, потому что ты был голоден и пренебрёг сохранностью груза.

— Да, мне жаль.

Курьер шумно выдохнул через нос, расцепил хватку и отчески похлопал парня по макушке.

— Иди, брат, и не забывай этот урок. Никогда.

— Да и... спасибо. Сам Илмир послал тебя.

Мальчишка поклонился и поспешил прочь, продолжая прижимать сумку к груди. Он не отпустит её, пока не доберётся до храма или получателя. Эллион проводил взглядом и, убедившись, что тот уже не увидит, потёр щёку. Выдохнул и пошёл в противоположную сторону.

Курьер не может устать настолько, чтобы оправдать опоздание. Большая часть маршрутов изучена многими поколениями и составлены карты движения, так что Эллион знает, сколько должен пройти за день, чтобы иметь роскошь поспать ночью. Сегодня получилось пройти чуть больше, помог ветер в спину. Так что, у курьера выпала редкая возможность полюбоваться закатом, сидя на вершине осколка скалы.

Раскалённый шар солнца продавливает горизонт и косые лучи заливают небо багрянцем. Тени вытянулись до максимума и неумолимо сливаются в ночь, что уплотняется и вытекает из леса. Посылка лежит рядом на плоском участке скалы, завёрнутая в плотную бумагу и скреплённая золотым сургучом. Ветер сменил направление и треплет волосы. Эллион зажмурился и в который раз предался мыслям о собственной жизни. Он бы мог взять коня в храме и вести доставку по тракту, пользуясь постоянными дворами. Но выбрал пеший путь через лес, ведь так напрямик и меньше шансов столкнуться с любопытными идиотами. Братья не одобряют такие маршруты, ведь с низким риском и низок шанс на получение ценной информации.

Холодает и сидеть на камне стало неприятно. Эллион спустился к основанию, обломок скалы торчит под острым углом и днём по её тени можно отмечать время. Привал устроил в ложбинке, а костёр развёл в укромной нише. Ночью в чаще бродят твари, которых не пугает пламя, а свежее людское мясо манит, как валерьяна кота. Сухое тепло и прогретый огнём камень, шелест ветра в кронах и посвист меж множества скальных осколков по всей долине. Эллион стянул обувь, снял одежду и закутался в плащ у огня, повернувшись к нему спиной. Вместо матраса сухая трава и листья.

Над лесом величественно проплывают Сёстры, Младшая как самая шустрая, уже вошла в фазу растущей луны, Старшая не торопится, она знает цену полнолуния. Особенного двойного, когда Сёстры сходятся так близко, что начинают тянуть воду к себе с двойной силой. В эти ночи нечисть слетает с катушек, а города полнятся воплями сумасшедших и слабых разумом. Эллион мысленно сопоставил фазы лун и день недели, вздохнул с облегчением. Он успеет до двоелуния. Костёр прогрел плащ, а через него и оголённое тело. Он бы мог остаться в одежде, но тогда завтра ноги будут ныть и умолять о милосердной смерти, а одежда пропитается потом, и смрад ещё долго не отстанет. Постепенно тепло проникло внутрь, и курьер забылся зыбким сном.

Очнулся резко, от осторожных шагов. Приоткрыл глаза, чтобы не подать вида, огляделся. Некто ходит за кустами, часто замирает и вглядывается в «спящего». Эллион медленно сел, кутаясь в плащ, бросил взгляд на тлеющие угли костра и на небо, близится утро. Незнакомец затаился за камнем и даже перестал дышать.

— Выходи и я поделюсь едой или можешь просто уйти, я не буду преследовать. — Зевая протянул курьер.

За камнем зашуршало, кто-то всхлипнул, и под свет Сестёр вышла девушка. Маленького роста, чумазая, волосы чёрные от грязи. Она замерла, как испуганный зверёк, отчаянно борясь с желанием подойти и убежать. Эллион медленно достал из рюкзака полкольца копчёной колбасы и ломоть чёрного хлеба. Положил на камень и отступил, продолжая кутать в плащ. Если девушка увидит его голым, храбрости ей это не добавит.

— Угощайся. Большого у меня нет.

Девушка осторожно, замирая от каждого шороха, приблизилась и схватила колбасу. Вгрызлась в середину, держа обеими руками и глядя на курьера, как голодная кошка. Младшая сестра почти ушла с неба, а Старшая склонилась над лесом, разглядывая странную встречу.

— Как ты здесь оказалась? — Спросил курьер, протягивая флягу.

Девушка промолчала, слишком поглощённая едой, но флягу вырвала из рук и жадно присосалась. Эллион отступил на прежнее место и сел на камень, гадая, как бы незаметно одеться. Не найдя ничего лучше, просто сгрёб одежду и отошёл за кусты, под чутким взором гостыи. Та торопливо догрызла остатки колбасы, вновь присосалась к фляге и плюхнулась на землю. Закончив переодеваться вернулся к ней, бросил взгляд на посылку, спрятанную меж камней, но та совершенно не интересуют странную девушку или просто не замечена. Оба варианта пока устраивают.

— Как тебя зовут?

Девушка открыла рот и издала мычащий звук, Эллион на миг закрыл глаза. У неё нет языка. Лунный свет выхватывает гноящиеся ссадины на запястьях и лодыжках. Запах соответствующий.

— Ты меня понимаешь?

Кивок.

— Умеешь писать?

Мычание и мотание головой. Курьер вздохнул, сел на корточки перед бедняжкой. Внимательно оглядел, пытаюсь понять, в каком она состоянии. На вид достаточно крепкая, хоть и измождённая, но это поправимо даже коротким сном. Загноенния и синяки вызывают больше опасений.

— Я курьер Илмира, увы, я не могу отвести тебя в ближайшую деревню, мой путь лежит в стороне. Ты можешь идти за мной, но придётся держать темп, однако если ты выдержишь, то в храме о тебе позаботятся. Платой будет твоя история и исследование тела. Ты согласна?

Девушка закивала и боязливо улыбнулась, нижняя губа треснула и выступила чёрная капелька крови. Эллион указал на место, где спал и подал беглянке плащ.

— Спи. Выдвигаемся на восходе.

Когда новая попугчица свернулась калачиком, курьер встал у костра и подбросил в угли кусочки коры с тонкими веточками. Оглянулся, но девушка забылась зыбким сном. В неверном свете разгорающегося пламени лицо её выглядит страшным. Грязное, со вздёрнутым носом, у которого кончик толще, чем полагается. Мочка левого уха разорвана, а щёки запали. Курьер покачал головой и склонился над костром. Пламя следует раздуть, ведь предрассветные часы самые холодные.

Дворец императора расположился на высоком холме, а вокруг раскинулся парк героев. Стиснутый со всех сторон огромным городом, некогда центром мира, а сейчас всего лишь одним из бесчисленного множества осколков империи. Роан эл Скван наступил на потрескавшуюся мраморную плиту в самой тёмной и заброшенной части парка. Садовники короля сюда не добираются, а горожане не доходят, предпочитая участок с озером и ухоженными аллеями. Роан любит это место с самого детства, которое кончилось не более недели назад. В тенистом полумраке на него взирают мраморные статуи великих людей прошлого, ныне забытые всеми. Суровые лица, горделивые позы и доспехи, от одного вида которых сердце замирает от восхищения.

Меж плит торчит трава, у постаментов бурно разросся кустарник и ползучий плющ. Роан прошёл к развалинам беседки, сел на остатки каменной лавки. В центре среди кусков камня осталась большая бронзовая чаша, служившая жаровней, но ныне полная дождевой воды. С поверхности на парня смотрит суровый молодой мужчина. Острый нос, вечно суженные глаза и рваный шрам от верхней губы к левому глазу. Как же отражение лживо! Роан боится, он в ужасе! Колени слабеют, а позвоночник обвит ледяной лозой.

Ему семнадцать лет, а значит, самое время стать воином короля, может даже рыцарем! Хотя, какое там! Отец лишь младший вельможа при дворе, денег едва хватило на меч. Парень коснулся навершия клинка, похожего на дикое яблочко. Рукоять выделана деревом, гарда короткая и едва защищает кисть. Парень вытащил меч, взвесил в руке, центр тяжести ближе к острию, на клинке видны следы от ударов молотом.

В груди приятно потеплело, а губы раздвинулись, показывая отсутствие одного зуба под шрамом. Роан торопливо сжал губы в линию, а блеск серых глаз сравнился с блеском стали. Он станет рыцарем, пусть не сегодня, но выслужит и король самолично опустит лезвие на плечо. Отец будет гордиться!

Парень зажмурился, погружаясь в водоворот фантазий. Вот он с мечом и щитом прорывается через коридоры горящего вражеского замка, рубит, колет и принимает удары на сверкающие латы! Вот благородные дамы кидают лепестки роз ему под ноги, а барды поют о его подвигах! Вот прекрасная принцесса падает в объятия и с обожанием смотрит в глаза.

Роан вздохнул, встал и всмотрелся в отражение. Пальцами подправил выражение, из-за шрама мимика слегка заторможена и приходится обращаться с лицом, как с глиной. Быть может, в будущем, когда он станет богат и знаменит, закажет лечение у магов. Да, ему сделают новое лицо и он, наконец, сможет улыбаться без страха!

Вдалеи вразнобой зазвенели колокола, множество храмов открыли двери и принимают страждущих. Нужно сбегать в храм Мардока и просить покровительства. Роан поднял ладонь, оглядел три косых шрама, следы прошлых пожертвований, ведь божество войны принимает только кровь и золото. Те самые вещи, что в обилии на любом поле боя, хотя золото зачастую и косвенно.

Парень ещё раз проверил выражение лица, зафиксировал в памяти и поспешил в храмовый квартал. Выбираясь из заросшей части парка столкнулся со стайкой девушек, весело смеющихся и спешащих в сторону озера. Заметив парня разом притихли, а самая младшая испуганно пискнула, прикрыла лицо ладонями. Малец торопливо склонил голову и поспешил прочь, а в спину ударил взрыв смеха. Женский смех хуже удара плетью, когда она смеётся над тобой. Роан сжал кулак и взмолился Селене, чтобы нашла та, кто не будет смеяться над его уродством.

Отец часто повторял, что шрамы украшают мужчину, но всё, что Роан замечает, это испуганные взгляды и смешки. Возможно, это только из-за его возраста, но чутьё подсказывает, что в зрелости мало что изменится. Люди всегда ярко реагируют на любое отличие. А его шрам совсем не героический росчерк через глаз или переносицу. Бугристая полоса изуродованной кожи, что ещё и болит перед дождём.

На входе в парк огромные солнечные часы отмечают полдень, что и без того ясно по звону колоколов. До встречи у дворца ещё несколько часов, так что он вполне успеет вознести хвалу Мардоку, вернуться и вновь пройти по заброшенной части парка. В пронзительно голубом небе виднеется Старшая Сестра, едва различимая она будто прилипла к небосводу. Младшая затаилась и наверняка выберется ночью. Роан коснулся шрама, нет, не

покажется, вечером будет дождь.

Выбежав из парка оказался на запруженных народом улицах бывшей столицы Империи, а ныне независимого города Голеар. Очень иронично, что такое же имя было у последнего правящего рода. Ветер приносит густые ароматы свежей выпечки и горячего металла. В квартале кузнецов работа не затихает. Короне нужны лучшие мечи и доспехи, они же нужны многочисленным торговцам и их покупателям в других государствах и полисах Осколков.

Протискиваясь через толпу прошёл мимо стройки. Рабочие вырыли котлован и теперь укладывают фундамент огромного дома. В какой-то момент зазевавшись упустил появление по центру улицы богатого экипажа и едва успел прижаться к стене. В спешке так и не разглядел герб на дверце. Наверняка богатый можа везёт сына на церемонию из загородного поместья. Роан едва удержался от плевка вслед. Прощмыгнул по временно опустевшей дороге к воротам храмового квартала.

Давным-давно в Голеар стекались богатства со всех концов империи, здесь жидились лучшие архитекторы, скульпторы и зодчие. После раскола единственное, что напоминает о былом величии, это дворец и храмовый квартал. Первый защитила заточенная сталь, а последний сами боги. Мальчик вышел на заполненную народом площадь, в бесчисленный раз поражаясь огромным статуям богов у каждого храма.

Вот Мардок вздевает над мраморной головой бронзовый меч, отполированный до зеркального блеска. В стороне от него Илмир беседует с братом Кирионом, олицетворяя вечный союз знания и мудрости. Грозная Валария простирает руки над очередью в храм, а к её ноге прислонён щит с головой льва. Её старшая дочь, Селена с улыбкой держит яблоко и зеркало, а в ногах её белые голуби. В храм последний очень оживлённая очередь из молодых парочек, жаждущих брачных кандалов.

Храм и статуя есть у каждого бога, кроме Аргантоса. Ведь его храм в каждой тёмной подворотне, а его служители готовы просветить вас ножом под рёбра.

Роан протиснулся через толпу к ступеням храма Мардока, с трепетом воззрися на величественную статую. От самого храма веет силой, неведомый архитектор придал сходство с крепостью или фортом, нарочито выставив на общее обозрение громоздкие блоки стен и отметя даже намёк на изящество. У входа стоят служители бога, ветераны отошедшие от дел, многие из них калеки, но гордо носят ритуальные мечи и монашеские кольчуги. Заметив парня один улыбнулся и довольно кивнул. Юнец только ступил на путь войны, но уже отмечен таким шрамом и выражением лица, которому и бывалые воины позавидуют!

Внутри сходство с крепостью только усиливается, а песнопения похожи на строевые песни. В бронзовых жаровнях сжигают зерно и женские волосы, пропитанные благовониями. Роан подошёл к алтарю, выполненному из множества мечей. Вытянул левую руку над ним, правой достал меч и бестрепетно полоснул рядом со старыми шрамами. Вспышка острой боли и на клинки часто закапала кровь. Мальчишка сжал кулак, зажмурился и взмолился божеству. В следующий раз он переступит порог храма будучи воином! Его меч и его кровь будут служить королю и Мардоку!

День выдался солнечным и ветреным, подгоняемые милостью Илмира курьер и девочка вышли из леса на ромашковое поле. Пошли мимо руин поместья, выступающими из зелени, как гнилые зубы. Огрызки дымоходов, стен и заросший кустарником фундамент, на прогретом камне устроилась изумрудная ящерица. Из-под ног выскакивают жирные кузнечики, девочка каждый раз вздрагивает при виде этих карликовых драконов. На небе застыла призрачная Старшая Сестра, почти слившаяся с пронзительной синевой.

Курьер сбавил шаг, заглянул в остатки дверного проёма, обвитые плющом. Внутри под защитой остатков стен цветёт молоденькая вишня. Девочка встала за спиной, прижала ладони к животу, ёжась и боязливо оглядываясь. За дни марша через лес лицо её заострилось, но щёки розовые, а глаза блестят жизнью. К поясу прицеплен заяц, пойманный курьером утром.

Эллион хмыкнул, отступил и пошёл дальше через поле к узкой полосе деревьев, прикрывающих дорогу. Всё идёт слишком хорошо, он опережает график на полдня, видимо Илмир благоволит за спасение беглянки. Возможно, она несёт в себе важное знание? Курьер обернулся, проверяя, не пропала ли девочка, а та широко улыбнулась. Просияла, как отполированный драгоценный камень. Языка жестов она не знает, писать не умеет, но зубы белые и ухоженные, как жемчуг.

Очень интересно.

Каждое утро она скребёт зубы пальцем или травинками, а когда Эллион проверял рану на месте языка, то не заметил ни единого пятнышка кариеса. Нагноения на руках и ногах, удалось вычистить на привале у ручья. Причём девочка сама нашла нужные травы.

Вышли на дорогу, прямую, как стрела. Под подошвами загудели плоские камни, уложенные с математической точностью. За столетия с развала Империи меж камней едва проклюнулась чахлая трава. Пройдут тысячи лет, прежде чем природа захватит творение древних инженеров. Эллион прикусил губу, вспомнив рассказы наставников о горящих библиотеках и сгинувших братьях.

Спутница притопнула ножкой, оглянулась, посмотрела вперёд и на чумазом личике отразилось изумление. Она нагнала курьера, вцепилась в руку, трясясь всем телом.

— Что такое? — Спросил Эллион, запоздало спохватился и добавил. — Заметила опасность?

Девочка интенсивно замотала головой, дважды мыкнула, тыча пальцем под ноги. Курьер на всякий случай глянул, задрал бровь.

— Ты впервые видишь имперскую дорогу?

Кивок, спутница ткнула пальцем в дальний конец дороги, провела в противоположный, изображая рукой змею. Эллион по-отечески улыбнулся, потрепал по голове.

— Нет, это не след змеи, это построили люди. — На ходу задумчиво поскрёб подбородок и покрутил указательным пальцем. — Кажется, за эту отвечал Муанр эл Двац, тысячу двести лет назад. Посредственный, но исполнительный инженер, закончивший жизнь довольно трагично. Его засунули в мешок со змеей, собакой и обезьяной. Хорошенько встряхнули и бросили в мелкую реку. Он не так посмотрел на дочь наместника.

Девочка вздрогнула, посмотрела на спасителя в ужасе и восхищении. Язык тела говорит о многом, но ничего конкретного. Эллион улыбнулся и пояснил, постукивая пальцем по

красному рукаву:

— Я последователь Илмира, по службе многое услышал и запомнил. Ты что же, до меня курьеров не встречала?

Спутница помотала головой. Ладно, это приемлемо, курьеров не так чтобы много и при жизни в глуши проще простого никогда их не встретить. Однако, имперские дороги пронизывают все Осколки, от Закатных Гор до Красных Песков, как артерии и вены тело человека. Нужно сильно постараться, чтобы не заметить их хотя бы пару раз в неделю.

Зелень обступает дорогу, пробует «на зуб» канавы и уложенные плиты. Деревья свешивают ветви, а в кронах поют птицы. С цветочного поля залетают бабочки и кружатся в хаотичном танце. Мир кажется покинутым и смиренным, а они будто последние люди в мире. Скоро выйдут на оживлённый участок, где дорога пересекается с трактом, так что самое время насладиться тишиной.

— Устала?

Кивок.

— Потерпи, до города осталось совсем немного. Там передам тебя в храм и о тебе позаботятся.

Он бы хотел послушать её историю, когда монахи обучат азам языка жестов, но вряд ли это осуществимо. Девочка оказавшаяся одна посреди леса, не видевшая имперских дорог, но с хорошими зубами и знаниями трав. Можно быть уверенным, что братья-искатели, разложат её на кирпичики и составят картину произошедшего, а уже из получившейся картины получат хотя бы крупницы ценной информации.

Подходя к тракту Эллион стянул плащ и набросил на плечи девочки, красный рукав закатал. Простое действие и вот в глазах обывателя он не слуга Илмира, а обычный путник с дочерью. Хорошая маскировка. Брат-настоятель предупреждал, что в Голеаре нынче беспокойно. Часть знати наточила ножи для спины короля, а другая целится меж лопаток уже им. Впрочем, как и везде на Осколках. Каждый норовит урвать побольше власти и грезит восстановлением империи. Увы, упражнения в политической некромантии заканчиваются реками крови и ни на йоту не приближаются к цели.

— Постарайся не выделяться, — сказал Эллион, поправляя плащ на спасёныше, — не подавай виду ни на что. Поняла?

Два интенсивных кивка и полный преданности щенячий взгляд.

Роан эл Скван закончил молитву, как раз когда кровь из раны перестала капать на алтарь. Древние клинки жадно выпили «красное вино» войны, а значит молитва услышана. За спиной нетерпеливо покашливает следующий посетитель, крупный мужчина в пышном наряде наёмника. Одевайся ярко, живи ярко, ведь завтра можешь не вернуться из боя!

Мальчишка выметнулся из храма и побежал к дворцу. Там он должен встретиться с отцом и поступить на службу. На выходе с храмовой площади почти налетел на отряд гвардейцев, марширующий куда-то в жилые кварталы. От него отмахнулись и для острастки огрели промеж лопаток древком копья. Парень отскочил, сжал кулаки до белых костяшек, но сдержал вопль боли. Мужчинам не пристало издавать такие звуки. Он просто дождётся и страшно отомсти подонку, когда продвинется на службе. Развернулся, наблюдая, как колонна растворяется в людском потоке, но так и не смог определить, кто именно ударил.

Затем случилось что-то странное, то чего просто не могло быть в столь солнечный и многообещающий день. Истошно закричала женщина, к ней присоединился мужской вой.

Вопль полный боли, ярости и страха. Толпа отхлынула к стенам и Роан увидел, как гвардейцы, окружив богатый дом, вытаскивают жильцов за волосы. На дороге лежит седой мужчина в богатых одеждах вельможи, лежит в луже собственной крови. Вот гвардеец выволок на улицу парня, ровесника Роана, но пухлого и холёного. На лице пламенеет свежая рана от хлесткого удара латной перчаткой, Роан невольно коснулся шрама и сжался.

Парня бросили рядом с убитым, хорошенько пнули в живот, чтобы прервать зарождающийся вопль. В доме завывала женщина... зазвенело разбитое стекло и в облаке осколков на улицу грохнулось тело в бело-красном платье. Безмолвная толпа уставилась на неё, а из окна смеясь высунулось двое гвардейцев. Пленник дёрнулся к неподвижному телу и... выгнулся дугой от удара коротким мечом в спину. Рубашка на животе вздулась, натянулась и треснула, выпуская окровавленное острие. Гвардеец пошурудил клинком, давая прочувствовать в полной мере, вырвал и брезгливо отряхнул.

Роан вцепился в рану на ладони, закусил губу и попятился. Торопливо развернулся и побежал. Нужно рассказать отцу! Не может же гвардия так бесчинствовать!

Эллион прошёл через городские ворота, держа ладонь на плече девочки. Двое постовых проводили скучающим взглядом, а проверяющие даже не обратили внимания, слишком занятые осмотром телеги купца и руганью с другими, ожидающими в очереди. Сборщик налогов лениво записывает что-то свинцовым стилем в бумажный планшет, спрашивает, цедя слова через нижнюю губу.

Город пахнет камнем, нечистотами и свежим хлебом. Девочка жмётся к Эллиону, пугливо косясь на толпу, ёжится от криков зазывал. Мимо фыркая и гремя подковами пронеслась лошадь со всадником в шляпе с красным пером. Уличный попрошайка потянулся к девочке, завывая о тяжкой судьбе:

— Прошу, сжальтесь надо мной, Селеной заклинаю, дайте монетку, я не ел два дня!

Девочка отшатнулась, как от огня, а Эллион прибавил шаг. Город трещит, как бочка с перекисшей капустой. Стены домов красуются облезлой штукатуркой, что открывает кирпичную кладку. Голеар неуловимо напоминает женщину, что лишилась красоты и отчаянно цепляется за прошлое. Величественные статуи соседствуют с развалинами домов и новостроем из досок и полотна, больше похожим на шалаши. Двое мужчин встали у стены и ничуть не стесняясь справляют малую нужду, продолжая беседу. Из подворотни за ними наблюдает тощая собака.

Гомон обволакивает со всех сторон, забивается в уши. Ветер доносит лязг, перестук молотов и аромат раскалённого железа. Эллион снял рюкзак и перевесил на грудь, придержал левой рукой, как ребёнка. Далеко впереди из дымки возвышается дворец на холме, будто мраморный храм посреди гнилого болота.

— Не отставай. — Сказал курьер, стиснул ладонь девочки и прибавил шаг.

Роан сбился с шага, плюхнулся на последнюю ступень и сипло дышит, свесив голову на грудь. Шрам пульсирует болью, ноет потерянный зуб, а в глазах темно. Гул крови в ушах оглушает, кажется, ещё одно движение и сердце выскочит изо рта!

Он глянул на парк и город, оставшиеся внизу. На лестнице никого, даже стражи нет, будто дворец вымер. Боги, что же случилось?! Лишь бы отец был в порядке! Роан сглотнул колючий ком, прижал ладонь к груди и повернулся к громаде дворца. Он многожды бывал внутри гостем на пирах вместе с отцом, но сегодня должен ступить в полном праве

пребывания. Стать воином короля, гвардейцем или рыцарем, если его Светлость будет милостив... Боги, он должен будет работать с теми, кто расправился с той семьёй на глазах у всех!

— Наверное, они были очень плохими людьми. — Пробормотал парень.

Собственный голос показался жутким, хриплый, с отчётливыми железными нотками. Так может говорить железный демон или какое другое чудовище, но точно не семнадцатилетний парнишка. Однако даже так, он странным образом успокоил и придавал уверенности. Да, наверняка убитые были грязными заговорщиками, а его испугал скорее метод расправы. Обычно король без затей велит повесить или отсечь головы. Видимо, они очень провинились.

Внизу, у подножия лестницы появилось две фигуры, мужчина и ребёнок в плаще. Роан сощурился, силясь разглядеть их, вдруг знакомые, но быстро махнул рукой. Да хоть родственники, сейчас важнее найти отца, если убитые были заговорщики, то такая жестокость говорит лишь о масштабе заговора. Вдруг на отца напали?

Кое-как успокоив сердце вошёл под мраморную арку, ступил во двор замка... Каменные плиты залиты кровью, на помосте для праздничных выступлений в троне сидит король, а перед ним на коленях стоят семеро связанных мужчин. Ещё двенадцать лежат безголовыми. Над ними ходит королевский палач в красном колпаке и с исполинским клинком в руках. Меч палача выкован лучшими мастерами в самый расцвет империи, но лишён острия, как и полагается орудию казни. Стража, все двадцать человек, резко обернулись на Роана и тот застыл, как пойманный с поличным кот, не решаясь броситься в бега.

Король крепко сбитый мужчина с едва начавшими серебриться висками, но морщинистым лицом, хмыкнул. Посмотрел на тела, среди которых Роан заметил знакомую куртку, такую всегда носит отец. Перевёл взгляд на парня, криво улыбнулся и провозгласил, указывая рукой:

— Тириона улыбается нам, за преступным семенем даже бегать не пришлось, само пришло! Хах, вот бы так всегда. Чего встали, взять его!

Прежде чем Роан осмыслил слова правителя, двое стражников схватили за руки, а третий сорвал с пояса меч. Брезгливо оглядел и отшвырнул. Парня поволокли на помост, стянули руки за спиной с такой силой, что кисти почти сразу начали синеть. Пинком скинули обезглавленный труп и на его место посадили Роана. Тот оторопело уставился на мертвеца, в котором признал дядю Юджина, близкого друга отца, который обучал азам фехтования. Шею прижали к сырой плахе и для верности придавили сапогом в спину.

— Гляди-ка, — рыкнул стражник позади, — а он даже в лице не изменился. Совсем тупой?

«Я не могу управлять лицом в полной мере», хотел ответить Роан, но челюсти остались сомкнутыми. Взгляд устремил на выход к лестнице, через который так опрометчиво зашёл... Палач встал у последнего в цепочке приговорённых, посмотрел на короля, тот с ленцой махнул рукой. Меч со свистом вспорол воздух, хрястнул рассечённый хребет и глухой стук металла в мягкое дерево. Голову отбросило фонтаном крови, Роан заметил её краем глаза. Разум сковал смертный ужас, а мысли застыли, как рыбы вмёрзшие в лёд.

Чем он заслужил такую судьбу?! Он должен был стать воином, рыцарем, что будет стяжать Осколки! Служить королю! Но вот он на плахе, а рядом мёртвый отец... Новый взмах, хруст и стук. Палач упёрся сапогом в плаху, с натугой дёрнул меч. Пальцем оценил остроту, хмыкнул недовольно и достал из кармана брусок для правки лезвия. Лёгкая

передышка, уж лучше так, всяко немного жизни...

— Почему остановился? — Рыкнул король.

— Клинок затупился, Ваше Величество. — С поклоном ответил палач, кончик колпака смешно свесился на «лицо», как у шута.

— И что с того? Руби, мне плевать, сдохнут они с первого раза или будут корчиться со сломанной шеей. Заговорщики должны умереть.

— Как пожелаете.

Палач с явным неудовольствием убрал брусок, покачал головой, как бы извиняясь перед приговорённым, что не может надлежаще казнить. Его от Роана отделяет пятеро смертников, пять взмахов... Парень набрал полные лёгкие и проорал:

— Ваше Величество, я не заговорщик! Прошу, будьте милостивы!

Он ожидал, что голос прозвучит слезливо, но он прогудел, как боевой рог. Палач застыл с поднятым мечом, а король озадаченно приподнял бровь. Дёрнул пальцем вверх и двое стражников подняли парня на ноги, развернули к монарху. Тот внимательно взгляделся в изуродованное лицо, с навечно прилипшим выражением мрачного спокойствия. Скривился.

— С чего бы мне шадить тебя?

— Я ничего не знал! Не участвовал в заговоре!

Снова, не голос, а бронзовая труба, только отсутствующий зуб слегка коверкает окончания. Король сощурился и покачал головой, порыв ветра шевельнул волосы и мантию. Слева от Роана кто-то зашёлся истеричной молитвой Валарии, умоляя о спасении. Ах, если бы боги действительно отвечали на подобные мольбы...

— Какая разница? Участвовал или нет, ты сын предателя, юный Скван. — Отмахнулся король. — Яблоко от яблони.

— Но...

— Вот видишь, — перебил правитель, с гримасой омерзения, — ты уже перечишь мне, как я могу оставить такого живым? Пожалуй, тебя стоит передвинуть в очереди...

Он замолк, в глазах мелькнуло удивление. Роан с трудом вывернул голову и его не остановили, ведь обернулись все. В арку входит черноволосый мужчина, идёт быстро и легко, а в руках держит бумажный свёрток. Палач вздрогнул, бросил взгляд на смертников, на короля и в нём отчётливо прочитался страх. Левый рукав незнакомца ярко-красный, а тёмные глаза смотрят прямо на правителя.

Дойдя до помоста, курьер поклонился и провозгласил:

— Досточтимый король Голеара, вам посылка.

— А?.. Да, давай её сюда.

Мужчина степенно поднялся на помост, опустился перед королём на колени и протянул свёрток, склонив голову. Дождался, пока посылку возьмут, а затем медленно протянул плотный пергамент. Король с явным раздражением ткнул перстнем, взвился едкий дымок и на пергаменте остался отпечаток. Магия! Осознал Роан, во все глаза смотрящий за действием. Вряд ли сам курьер маг, значит колдовство либо в пергаменте, либо в перстне.

— Желаете отправить ответ? — Спросил курьер, поднимаясь с колен.

— Нет. Свободен.

— Как пожелаете. — С поклоном ответил мужчина.

— Я хочу отправить посылку! — Выпалил Роан.

Голос боевым кличем отразился от стен дворца, прокатился по площади и мир разом застыл. В полной тишине страдальчески застонал палач, накрыл «лицо» ладонью, осознав,

что задумал мальчишка. Курьер повернулся к нему и с ледяным спокойствием спросил:

— Что желаете доставить?

— Себя, живым!

Тишина. Слышно, как далеко внизу бурлит город, а в парке поют птицы. Стража перешёптывается, король выпучил глаза и оскалился, сверля Роана полным ненависти взглядом. Курьер медленно кивнул, шагнул к нему.

— Принято.

Лицо короля вытянулось, левое веко задрожало, а губы перекошил нарождающийся вопль. Роан внутренне сжался, ожидая удара мечом по шее, но палач стоит неподвижно, клинок опущен. Оставшиеся приговорённые пучат глаза, один открыл рот крикнуть... палач сноровисто ударил в спину. Хрустнуло и несчастный издал булькающий хрип, обмяк и соскользнул с плахи на помост, давясь собственной кровью. Курьер не обратил внимания, игнорируя стражей идёт к мальчишке.

— А ну, стоять! — Завопил король, вскочил с трона, монарха трясёт от ярости, лицо бледное, а губы задралась, обнажив желтоватые зубы и бледно-розовые дёсны. — Он приговорён к смерти!

Курьер остановился, полуобернулся и сказал со спокойствием рыбака в погожий день:

— Этот человек, отныне посылка, пока не будет доставлен.

— Ты смеешь мне перечить?!

Палач втянул голову в плечи, затряс рукой пытаясь подать королю знак остановиться. Эллион чуть склонил голову, не спуская взгляда с правителя полиса.

— Илмир велит доставлять отправления любой ценой. Я не смею перечить воле божества.

— Тогда умрёшь. — Процедил король.

По взмаху руки к мужчине подступили стражники, двое направили короткие копья в грудь. Курьер проигнорировал их, будто это не тренированные воины, а дети с тростинками. Выпрямился и расправил плечи, став выше и внушительнее, солнце выскользнуло из-за облака и свет обрушился на курьера. Угольно чёрная тень пересекла площадь и «вышла» через арку.

— Вы готовы к последствиям? — С ледяным спокойствием спросил Эллион, глядя в глаза королю.

Роану пришлось вывернуть шею, чтобы разглядеть, как правитель раздувается подобно жабе. На виске вздулась и яростно пульсирует толстая вена, глаза лезут из орбит, а дурная кровь приливает к лицу, делая его похожим на переспелую сливу.

— Ты... ты! ТЫ УГРОЖАЕШЬ МНЕ?!

— Просто спрашиваю. ВЫ готовы к последствиям?

— Это каким? Думаешь, ты один сможешь нам противостоять?!

— Нет. Это невозможно, но...

— НО?!

— Храм Илмира откажет вам и вашим потомкам в услугах, как и всем вашим вассалам и дворянам полиса. Последним, до момента вашей смерти.

Роан сжался, ожидая финальной вспышки ярости и холодной стали. Слова курьера падают на головы, как стальные бруски, голос тихий, но продирает до костей. Стражники нервно переглядываются, а палач спрятал меч в ножны и скрестил руки на груди. Король шумно выдохнул через нос, сцепил челюсти до скрипа и выдавил:

— Хорошо... пусть будет так, как велит Илмир, владыка Знания.

— Да будет так. — Сказал Эллион и сдержанно поклонился, положив ладонь на левую сторону груди.

— И меня! Меня доставь! Меня! Нет, меня! Меня! Великий Илмир, пусть он доставит

меня!

Приговорённые взорвались визгливыми голосами, задёргались в путах, следя за каждым шагом курьера. Палач отвернулся. Эллион прошёл рядом с ним, холодно оглядел связанных и бросил.

— Сожалею, этот курьер уже занят, дождитесь другого или обратитесь в храм Илмира.

Двое стражников по сигналу палача вздёрнули Роана на ноги, срезали путы и подтолкнули к посыльному. Парень качнулся, ноги не держат, завалился лицом вперёд. Эллион схватил за плечо, придержал и направил к спуску, игнорируя скрежет зубов и пылающий взгляд, упёршийся меж лопаток.

Роан едва шагает, по сути курьер «несёт» его на вытянутой руке, держа за плечо. Перед глазами всё плывёт, а голова кажется невесомой переполненная пьянящей эйфорией.

Вместе прошли под аркой и направились к лестнице. За ними увязалась девочка, закутанная в плащ. Палач повернулся к королю, тот стоит сжав кулаки и рыча, лицо перекошено.

— Что прикажете, Ваше Величество?

— Остальных повесить. — Рыкнул король, разворачиваясь к входу. — Мальчишку убейте как хотите, но чтобы у илмиритов не было вопросов к нам.

— Будет исполнено.

Девочка с любопытством разглядывает новую «посылку», крутится вокруг, как любопытный котёнок. Роан шагает неестественно прямой и со стеклянным взглядом. Курьеру приходится подталкивать и поворачивать где надо, как магического голема низшего ранга. Расспрашивать его сейчас бесполезное занятие. Город вокруг бурлит жизнью, у лавок голоса зазывалы, в толпе снуют лоточники и карманники. От главных ворот тянется вечный поток паломников, что и подпитывает полис деньгами.

Эллион с огорчением посмотрел в сторону храмовой площади, он хотел туда зайти и сдать девочку. Однако мальчишка спутал все планы, теперь его нужно доставить неизвестно куда, взять соответствующую плату и охранять. С последним дело поставлено ребром. За ними уже десять минут следуют пять человек. Трое держатся в стороне, а двое перебегают по плоским крышам, прячась за хламом и развешанным бельём.

Роан кое-как пришёл в себя, мелко затрясся и всхлипнул, душа подступающие рыдания. Запоздалые и истеричные. Прохожие оглядываются на него, сторонятся и косятся, как на блаженного. Вид у него как раз подобающий: дикий взгляд, растрёпанные волосы и порванная одежда.

Спаситель идёт рядом, а молчаливая девчонка так и вьётся, трогает, щиплет. Заглядывает в глаза, а глаза у неё огромные и глубокие, как два колодца звёздного света. Роан так и не смог понять, какого они цвета, но это не важно... что ему делать?! Вся жизнь разрушена, отец мёртв, родной дом больше не родной. А он больше не будущий рыцарь эл Скван, теперь он НИКТО.

— Да отстать ты! — Почти завопил Рона, после очередного щипка за руку.

Девочка отскочила, а все взгляды улицы устремились к ним. Курьер ухватил мальчишку за ухо левой рукой, продемонстрировав красный рукав, потянул дальше, а все зеваки разом потеряли интерес. В дела слуг Илмира лучше не лезть...

— Тихо ты. — Рыкнул Эллион, притянул к себе и прорычал на ухо. — Не привлекай внимания, идиот.

— Но она ведь... — Пролепетал Роан.

— А ты, — курьер повернулся к девочке, — не лезь к нему, по крайней мере сейчас. Кивни, если поняла.

Та сноровисто кивнула и каштановые волосы разметало по плечам. Курьер выдохнул и повёл их дальше, к малым воротам из города. Тайком следя за преследователями. Те тоже заметили красный рукав и, кажется, поубавили интерес.

Лес подступает к городу обстоятельно, но каждый раз разбивается о топоры лесорубов. Однако, в отдельных местах он таки подобрался к крепостной стене, что воздвигли не более столетия назад. Возможно, виной тому бывшая система каналов и водоочистки, что после Раскола превратилась в полное комаров болото.

Мощно пахнет тиной, воздух звенит от звона крыльев и кваканья. Земля под подошвами прогибается, а следы быстро наполняются смрадной водой. Переплетения ветвей и кустов скрывает путников от остального мира.

Эллион указал на поваленное тонкое деревце, и детишки с готовностью сели на него. Девочка свесила ноги и начала болтать ими, с любопытством оглядываясь. Парень сгорбился и смотрит под ноги, плечи трясутся, а из глотки то и дело вырывается булькающий всхлип.

— Итак, — сказал курьер, оглядывая его, — куда тебя отвезти и чем ты готов расплатиться?

— Я... я... я не знаю...

— Чтобы я тебя доставил куда-либо, мне нужна плата. — Вздохнул Эллион, качая головой. — Илмир не велит работать бесплатно.

— В соседний город, может быть... — Вскрикнул Роан, сглотнул тяжёлый ком. — Я могу отработать, в вашем храме ведь нужны слуги?

— Нет.

— Но... но... я могу... я сделаю всё, что захотите!

— Денег у тебя нет?

— Только это...

Роан достал из кармана кожаный кошелек и высыпал на ладонь пяток затёртых медяков. Протянул курьеру, отводя взгляд. Девочка с любопытством наблюдает за ними, дёргается, когда на шею садится комар. Эллион с горечью осмотрел деньги, на такую сумму можно купить хлеб и кружку вина. Но никак не путешествие в другой город на троих человек. Следует просто отвести парня в храм, тем более хвост они сбросили... Через какофонию болота отчётливо проступили голоса. Эллион застонал и накрыл лицо ладонью.

— Этого недостаточно? — Пролепетал парнишка. — Я могу.. не знаю... но только скажите!

Слова путаются, взгляд бежит туда-сюда, он не в себе. Девочка заметила приближающихся и тревожно замычала, тыча пальцем на тропку, по которой пришли. Курьер кивнул и развернулся, как раз чтобы увидеть группу мужчин, выходящую из зарослей кустарника. Незнакомцы остановились, в руках сверкнули короткие мечи и тонкие ножи. Всего семь человек, крепких, опасного вида с подрезанными ушами, символом банды. Самый крупный щеголяет золотой серьгой с меткой Аргантоса.

— Курьер, — просипел он, поигрывая ножом, — предлагаю тебе разойтись миром. Ты нам мальчишку, а мы тебе жизнь. Тем более, ему всё равно нечем тебе заплатить.

— Мы обсуждаем плату. — Отмахнулся Эллион, следя за движениями бандитов.

— Ты не понимаешь? Нас больше, мы вооружены, а ты нет. Просто отдай мальчишку и забудь, Илмир не обидится, даже не заметит.

— Я замечу, и я обижусь.

— Упёртый... — вздохнул жрец Аргантоса. — Думаешь, раз курьер, то всё можно? Кому будет мстить храм, в случае если мы тебя убьём? Всей преступности? Нет, просто настоятель побеседует с ханом и получит отступную. Так что давай, не будем доводить дело до выплат?

— Ну и зачем вам парень? — Спросил Эллион, двигая носком и невзначай разминая лодыжку.

— Он хоть и урод, но крепкий, продадим в южные полисы.

За кустами по правую сторону угадывается движение, ухо ловит скрип характерный скрип сгибающегося лука. Эллион чуть сгорбился, обратился вслух. Совершенно ясно, что бандиты не намерены отпускать его живым, один пропавший курьер после доставки не заинтересует храм в должной мере.

— Пожалуй, откажусь, мы ещё не обсудили плату.

— Ну, как знаешь... ВАЛИ ЕГО!

Щёлкнула тетива, короткая стрела вспорола густой воздух и пронеслась через место, где миг назад стоял курьер. Не отпрыгни, стальной клюв пробил бы бок и разорвал печень. С двух сторон на Эллиона напрыгнули бандиты. Девочка булькающе «вскрикнула» юркнула за поваленный ствол. Парень схватился за меч, стража побрезговала отнимать или просто брать в руки, но так и остался сидеть, трясаясь, как прачка на морозе.

Курьер отскочил, тыльной стороной ладони хлестнул снизу вверх по руке с ножом и сразу сместился, спасаясь от удара мечом. С разворота ударил локтем в висок. Голова бандита дёрнулась, а тело мешком повалился в едва подсохшую грязь. Попытался подняться, но руки подломились и он остался лежать. Эллион перехватил руку с ножом, дёрнул на себя и закрылся бандитом от удара мечом. Щёлкнула тетива и стрела скользнула в опасной близости от бедра, воткнулась в землю.

Глаза курьера стреляют по сторонам, схватывают клочки хаотичной информации. В спину заходит жрец, как и положено адепту Аргантоса, избегает прямого столкновения с сильным врагом. В кустах лучник накладывает третью стрелу. Трое отвлекают внимание, четвёртый умирает от нанесённой товарищем раны, а пятый уже мёртв в грязи.

Умиравший тянет к земле, снижает подвижность. Ситуация смертельна, мозг мечется ища выход и не находя его... Истошный визг резанул по ушам, парализовал нервы на мгновение. Жрец дёрнулся развернуться, выгнулся, широко распахнув рот. Одежда на солнечном сплетении вздулась, ткань затрещала и наружу высунулось окровавленное остриё. Лучник дёрнулся, и третья стрела пронеслась над головой.

Эллион швырнул мертвеца на бандита справа, выхватил нож из слабеющей кисти и метнул в кусты. Развернулся к оставшимся, встав в агрессивную стойку, готовый перехватывать удары и контратаковать... Бандиты улепётывают, как всегда при потере главаря. Наверное, это прописано в постулатах Аргантоса или просто поганая натура.

Жрец рухнул на колени, глядя на рану и беззвучно разевая рот. По губам и подбородку бежит кровь, лицо кривится от боли, но глаза стремительно тускнеют. Парнишка с натугой выдрал меч из спины, схватил тугой кошель с пояса и протянул курьеру, почти плача:

— А этого хватит?!

Шрам налит кровью, но лицо мертвецки спокойное, только уголки губ подрагивают. Девочка выглядывает из-за дерева, стреляет глазами. В кустах булькает последний «живой»

бандит, слышно, как он пытается уползти, ломая тонкие веточки.

Эллион взвесил кошель в руке, хмыкнул и замедленно кивнул.

— Этого будет достаточно. Так куда тебя доставить?

— Подальше отсюда! — Выпалил парень. — В Долину Мардока!

— Это очень далеко. — Заметил Эллион, сжимая кошель.

— Ты отказываешься? — Всхлипнул Роан, разом съёжился и будто превратился в отчаявшегося ребёнка.

— Нет. Просто констатирую факт.

**Если вам нравится моё творчество, прошу поддержать любой суммой.
Ваша помощь просто неоценима!Сбербанк: 4274 3200 6585 4914ВТБ: 4893 4703
2857 3727Тинькофф: 5536 9138 6842 8034 YooMoney: 4048 4150 1190 8106
(карта)QIWI: 4693 9575 5981 6777 (карта)**

Костерок трещит в глубокой ямке и свет едва освещает крошечный пятачок, со всех сторон укрытый кустами. Девочка нанизывает зайчатину на тонкие прутики и пританцовывая крепит их у края ямы, наклоняя к огню. Эллион сидит на камне, боком к огню и склонив голову, как спящий. Со стороны его можно принять за такого, но губы курьера шевелятся, а пальцы складываются, будто ведя счёт. Роан поглядывает на спасителя, но всё чаще на мясо, сглатывает вязкую слюну и прижимает ладонь к животу.

Желудок озлобленно бурчит, требуя схватить вон тот прутик, на нём как раз мясо поджарились и блестит от стекающего жира. А можно и просто сырое! Зайчатина такая нежная и сочная, что её даже готовить не надо!

Безымянная девочка издаёт тихие звуки, нечто среднее между мычанием и пением. Отсветы костра сверкают в её глазах, а руки порхают над мясом. Роан запоздало осознал, что она посыпает зайчатину перетёртыми травами. От одного вида и запаха которых желудок дёргается и требует жрать.

Курьер выпрямился, ритуально повёл кончиками пальцев по лицу, ото лба до подбородка. Вдохнул и сказал, глядя на «доставку»:

— Зачем тебе в долину Мардока?

— Я хочу стать избранным воином бога! — Выпалил Рона, на миг позабыв про голод и страх.

— Зачем?

— Ради мести.

Эллион долго молчал, глядя прямо в огонь и будто не замечая мяса, затем медленно кивнул и потянулся за прутиком. Девочка сноровисто подскочила и шлёпнула по кисти, нахмурилась и погрозила пальцем. Мужчина улыбнулся и послушно убрал руку, а девочка принялась проворачивать прутики, следя, чтобы мясо пропеклось равномерно.

— А почему у неё нет языка? — Спросил Роан.

— Не знаю. — Ответил курьер, и в голосе послышалась неловкость. — Она не знает языка жестов и писать не умеет. Но отлично слышит.

Роан ойкнул и пробормотал, глядя в спину девочки:

— П-прости, мне просто любопытно.

— Мне тоже. — Вдохнул Эллион. — Надо бы дать ей имя, пока не узнаем настоящее.

— Может «Молчунья»? — Робко предложил Роан.

Девочка резко развернулась, с самым зловещим выражением лица, на которое способна женщина. Ткнула в сторону парня заточенным прутиком и шумно выдохнула носом. Роан рефлекторно вскинул руки, с тревогой осознав, что ещё одно необдуманное слово и прутик окажется в нём. Курьер, конечно, обещал доставить его в долину, но ничего не говорил о целостности.

— Похоже, она не любит иронию. — Равнодушно заметил Эллион и перенял прутик из рук девицы. — Другие варианты есть?

Роан благоразумно замотал головой, тем более в её руках уже два прутика и глаза у него как раз два. Курьер стянул зубами первый кусочек, начал жевать, распахнув рот и обмахиваясь ладонью. Торопливо проглотил и широко улыбнулся.

— Горячее, не рассчитал. Ну так, девочка, может у тебя есть варианты?

Та с готовностью закивала, улыбнулась и приложила палец к губам, а затем к уху и, вытянув руку, помотала им, как бы обводя полянку.

— Загадка? — Сказал Эллион, приподнимая бровь. — Я люблю загадки. Молчание, слух и ночной лес?

По тону ясно, что он уже придумал ответ, но просто тянет время, чтобы насладиться лёгкой игрой. Ночь только началась, и сон придёт нескоро, так что можно и развлечься. Роан сглотнул слюну, не отрывая взгляда от прутиков в руках девочки, сказал осторожно, готовый отпрыгнуть:

— Тишина?

Лёгкий кивок и движение пальцами, имитирующее ножницы.

— Тишь. — Сказал Эллион, с широкой улыбкой.

Девочка просияла, как солнышко, на мгновение затмив свет Старшей Сестры. Луна, не вытерпев такого позора, спряталась за чахлым облачком, а затем за другим, а спустя мгновение вовсе скрылась из виду. Роан запоздало вспомнил про боль в шраме, и о том, что она предвещает.

— Тишь. — Повторил курьер, пробуя слово на вкус. — Да, это куда красивее, чем «Молчунья». Ох... похоже, дождь собирается... Тишь, будь добра, подай мой плащ и рюкзак.

Спустя десяток минут плащ превратился в крохотную палатку над ямкой с костром. Трое поместились внутри, но новоявленной Тиши пришлось закинуть ноги на Роана, а плечами лечь на живот курьера. Горячий воздух выходит через отверстие наверху и щели у земли. Их постарались заткнуть сухой травой и листьями, но решение вышло так себе. Тем более, поднялся ветер и Роану пришлось придавить собой конец плащ-палатки. Странно, когда его днём носила Тишь, он конечно выглядел большим, но не настолько же!

— Это дар Илмира его верным курьерам, — пояснил Эллион, придавливая плащ со своей стороны и ёрзая в тщетных попытках устроиться поудобней. — Хорошая обувь и вот такие вот плащи.

— Как-то это мало... — Заметил Роан. — Мардок даёт своим верным последователям клинки и доспехи!

— Я не воин. — Беззлобно отмахнулся Эллион. — Мне достаточно быть сухим и согретым в любую непогоду.

В словах курьера есть зерно истины, но Роан помнит, как на того смотрели воины короля. В глазах тренированных мужчин, прошедших большую часть жизни с оружием в руках, был страх. Тот самый страх, с каким грибник смотрит на голодного медведя. Да и стычка с разбойниками не была похожа на встречу «Не война» с опасностью. Парень закрыл глаза, ушей коснулся далёкое ворчание грома и... смачный хруст стали, пробивающей плотное мясо и кости. Роан распахнул глаза, грудь часто вздымается, одежда мерзко липнет к телу. Идёт дождь, водяная пыль залетает через вентиляционное отверстие. Стенки прогибаются под напором воды и ветра.

От ямки с костром идёт мягкий жар, а угли горят так ярко, что алый свет будто пропитывает стенки. Роан осторожно, чтобы не разбудить Тишь, смахнул пот со лба и выдохнул.

— Первое убийство?

Шёпот Эллиона прозвучал одновременно с раскатом грома, но парень услышал. Сглотнул и ответил сдавленно:

— Да... я теперь всегда буду так просыпаться?

— Зачем? Нет конечно. Всё уйдёт и затеряется в глубинах памяти. Останется только сам факт. Ты убил человека, вот и всё, ничего особого.

— Но... но я думал, это будет иначе!

— Как?

— Не знаю... иначе! В балладах это описывали... возвышенной.

— Потому что никто не хочет слышать о хрипящих умирающих, о вывалившихся языках и штанах полных дерьма. Такие образы плохо продаются. Менестрели всегда скрывают от нас неприглядные стороны. Войны, любви и прочих подвигов.

— Наверное... — Прошептал Роан. — Но если я услышу, как хрипит король, увижу, как его штаны наполняются дерьмом... Я буду счастлив!

— Вот видишь, — зевнул Эллион, — даже в такой мерзости есть приятные стороны. Спи, завтра долгий день.

Первой проснулась Тишь, начала хлопотать, пытаясь разжечь костерок из запасённых хворостин. Отчего проснулся Эллион, а следом и Роан. Лес пронизан светом, пахнет сырой почвой и зеленью. Поют птицы и над кустами порхают пёстрые бабочки. С изумрудных листьев срываются капли и если прислушаться, весь лес пронизан их мелодией.

Курьер отошёл в сторону, встал у одинокого дерева и начал разминаться. Поочерёдно упираясь руками и растягивая плечи, затем буднично закинул ногу выше головы и потянулся к носку. У Роана отвисла челюсть, движения илмирита выглядят такими естественными, но здравый смысл подсказывает, что это почти невозможно. По крайней мере для Роана и Тиши.

Закончив с разминкой вернулся к костру и зашептал молитву, смысл которой сводится к просьбе даровать остроту ума и крепкую память. Всё-таки илмириты странные, как и говорил отец. У богов нужно просить удачи, сил и богатств. Вещи которые помогут тебе, которые можно использовать!

Вот какой толк от острого ума, когда есть острый меч? Толку от памяти? Всё важное можно записать в книги.

Закончив молитву курьер стянул обувь и почти застонал от наслаждения. «Почему именно сейчас?» хотел было спросить Роан, ведь ноги могли бы отдохнуть за ночь. Заметил стальные набойки на подошве и прикусил язык. Учитывая, как курьер может махать ногами, то такая обувь это скорее оружие. Спать в ней, всё равно что спать с мечом под рукой.

Эллион не спал большую часть ночи, вот поэтому он сразу среагировал на пробуждение Роана. Курьер вёл караул!

Сбербанк: 4274 3200 6585 4914 ВТБ: 4893 4703 2857 3727 Тинькофф: 5536 9138 6842 8034 YooMoney: 4048 4150 1190 8106 (карта) QIWI: 4693 9575 5981 6777 (карта)

Сёстры показались с разных концов небосвода, едва заметные на фоне безоблачного неба и за ветвями, что пытаются его застлать. Эллион бодро шагает по лесной тропе, скорее звериной, чем человеческой. Роан и Тишь следуют за ним в тщетных попытках не отстать. Поют птицы, стрекочут насекомые и ветер поёт протяжную песнь в кронах.

Роану это кажется сном или посмертной галлюцинацией. Вдруг его голова лежит под плахой, а душа заперта в калейдоскопе видений? Но нет, мышцы болят взаправду, левая стопа ноет из-за стёртой кожи на пятке и под пальцами. Обувка совершенно не подходит для походов через лес. Да и ухо ловит звон комариных крыльев, назойливый и выбешивающий этим.

Девочка идёт повесив башмачки на шею, походкой похожей на детский танец — вприпрыжку. Посматривает на Роана, точнее на жуткий шрам от губы к глазу. Ведь из-за него лицо не более чем безэмоциональная маска. Особенно сейчас, когда у него нет ни зеркала, ни спокойной лужи, чтобы «слепить» нейтральное выражение.

Кроны то сходятся над головой в сплошную крышу, что едва пропускает свет, то поспешно разбегаются. В такие моменты курьер замирает и быстро оглядывается по сторонам. Чему-то хмыкает и идёт дальше, но порой меняет маршрут.

— Куда мы идём? — Не выдержав, выпалил Роан, когда илмирит в бессчётный раз сменил направление.

— В Долину Мардока, — не оборачиваясь ответил курьер, — ты сам же просил.

— Куда мы идём конкретно сейчас?

— А... нам нужно зайти в монастырь Илмира, ордена песцов.

— Зачем?

— Пополнить припасы, уточнить маршрут. Я ещё никогда не делал доставки в долину.

— И это всё?

— Нет. Мне нужно разобраться, что делать с Тишь и... имею ли я право доставлять людей.

Слова ударили, как гром, Роан ощутил колючий иней вдоль хребта. Дёрнулся всем телом и выпалил, перекрыв щебетание птиц:

— Ты же взялся за доставку!

— Я не жрец, а с таким впервые сталкиваюсь. — Пояснил курьер и, полуобернувшись, виновато улыбнулся. — Может статья, взвалил слишком много на себя.

Роан открыл рот выкрикнуть «почему же ты вообще взялся?!», но захлопнул. Илмирит спас его и снятие с плахи сам по себе великая удача! Так что даже с учётом оплаты, он не может требовать немедленной доставки.

Парень медленно кивнул и вздохнул:

— Монастырь так монастырь.

Лес живёт собственной жизнью и будто игнорирует людей. Однако, то и дело среди буйных зарослей мелькает огрызок стены или затянутый плющом фундамент. В один момент Роан едва не вскрикнул, заметив среди кустарника множество могильных плит, покрытых мхом. Подбежал и смахнул зелёные наросты, вгляделся в резьбу. Буквы знакомые, но складываются в тарабарщину. Рядом встала Тишь и тоже внимательно смотрит на надгробие.

— Не понимаю, что здесь написано? — Пробормотал парень, ведя пальцем по словам.

Несмотря на древность, надписи отчётливые, а сам камень гладкий, как мрамор. По краю тянется тончайшая резьба и только нижняя часть утратила лоск и покрыта сетью трещин.

— Лармар, сын Орранда. — Прочитал Эллион, встав за спинами. — Покойся с миром о достойный муж, не снискавший громкой славы, но жизнь закончивший достойно. Твоя семья скорбит и горе их безмерно. Спи спокойно, ушедший в Ночь.

— А почему я не могу прочесть? — Спросил Роан. — Буквы ведь знаю!

— Это старое наречие, оно не используется почти пять сотен лет. — Вздохнул Эллион. — В общем оно устарело ещё до Раскола.

— Но что они делают в лесу?!

— А здесь не всегда был лес.

Эллион развернулся и пошёл дальше не оглядываясь. Оставив парня и девочку недоумевать и строить догадки, как так вышло, что здесь теперь дремучий лес. Хотя ответ напрашивается сам собой, Раскол. Великая Империя рассыпалась на тысячи тысяч осколков, и большая часть территории пришла в запустение. Однако, лес здесь был и до развала.

Эллион поднял взгляд к небу, к едва заметному силуэту Младшей Сестры. Сегодня будет двоелуние, а значит нужно либо бежать, либо готовить лагерь заранее. Оглянулся на спутников и горестно покачал головой. Если парень может бежать долго, то девочка свалится через пару часов. Солнце перевалило через зенит и тени неумолимо тянутся к горизонту, будто спасаясь от безумного светила.

Курьер идёт быстро, оглядываясь и подбирая с земли мелкие камешки. Роан молча наблюдает, гадая это ритуал илмиритов или спасителю просто нравятся камни забавной формы. У отца был друг, который коллекционировал кусочки янтаря формой похожие на кошек. Однако курьер выбирает камни размером с фалангу большого пальца и складывает в мешочек на поясе, рядом с кошельком. Должно быть, ловушка для расторопного карманника.

Тишь прилипла к нему и начала жестами выпрашивать нож, а получив отошла в сторону и погрузилась в заросли трав. Вскоре вернулась с двумя пучками корешков и срезанных стеблей. Гордо продемонстрировала добычу. Курьер озадаченно покачал головой и вернулся к сбору камней.

Привалом выбрали холм на поляне с руинами не то крепости, не то усадьбы. Высокие стены из разноразмерных, но странно гармоничных и обтёсанных глыб, обглоданы ветрами и растениям. С солнечной стороны скрыты густыми зарослями плюща, что красуется необычной крупными листьями с болезненно-жёлтыми прожилками. На пути к руинам под подошвой нечто хрустнуло, Роан наклонился и поднял крошечный осколок стекла. По форме напоминающий уродливый боб или фасолину, мутный и грязно-зелёный. Скорее похожий на окаменевшую козьявку, гладкий и округлый, будто долго пролежал в реке. Если присмотреться, то под травой полного таких кусков.

Внутри руин чахлая трава едва пробивается через щели и трещины в каменных плитах. А ещё Роан заметил наносы странного песка, скорее похожие на окаменевшую пыль. Вот только откуда может взяться столько? Роан вертит головой, пытаясь найти хоть какое-то объяснение, а Тишь бойко вскарабкалась в пустой оконный проём и села, свесив ноги наружу. Курьер, осмотрев помещение и прилегающие, вернулся к спутникам и хлопнул парня по плечу.

— Помогай тащить вон то дерево. — Сказал Эллион, указывая на поваленный ствол на краю поляны.

— Эм... зачем? Ведь полдень только миновал!

— Сегодня будет двоелуние.

Парень прикусил губу и судорожно дёрнул плечами. Со всеми страхами и события совершенно забыл о Танце Сестёр! Сглотнул колючий ком и торопливо кивнул. Вдвоём оттянули кривой ствол к руинам, затем ещё один и ещё, и ещё. Курьер споро ломает толстые ветви, пусть и разбухшие от недавнего дождя. Заточивает засапожным ножом и складывает в примитивные, но действенные ловушки, вокруг руин. Прячет в траве, в наспех вырытых голыми руками ямках. Устанавливает самодельные силки в виде сплетённых трав. Тишь наблюдает за ним с детским любопытством и старается не мешать, катает в ладони горсть стекляшек. Зеленоватые катышки мелькают меж пальцев и стучаются с тонким и мелодичным звуком.

Обе луны уже видны, а расстояние между ними сократилось вдвое! Старшая почти не изменилась, а вот Младшая стала куда больше! Если приглядеться, можно различить элементы каньоны и безжизненные долины. Курьер поглядывает на Сестёр и беззвучно молится, устраивая баррикады в проходах из дерева и камней. За работой разделся до пояса, подставляя сухое тело тёплому солнцу. Роан поперхнулся, увидев странную татуировку, узор сплетения множества линий и завитков, покрывает левую сторону груди, плечо и подбирается к шее. Куда примечательнее мышцы, хоть они не отличаются размерами, если на то уж пошло то у Роана грудные куда больше, да и бицепс крупнее. Однако в движении проступает каждое волокно и жилка. В движениях курьера чувствуется мощь натянутой до предела тетивы. Множество шрамов оттягивает внимание на себя и Роан озадаченно икнул.

Пару лет тому отец провёл его в общественные бани, крайне специфичное место, если ты не любитель голых мужчин и жара. Там ему довелось увидеть лучших воителей полиса, бойцов закалённых в сотнях сражений. Но даже у них не было столько шрамов! Парень коснулся своего, рубец плотный и отвратительный, он бы с радостью поменял его на левую кисть или ухо. Лучше ухо... Курьеру повезло, его шрамы выглядят гармонично и даже мужественно красиво, как резьба на плотной древесине.

В лесу темнее куда быстрее и тьма обступила поляну, над которой Сёстры почти сошлись. На сумрачном небе обе луны горят дьявольским жёлтым светом, а вокруг них пляшут линии зелёного сияния. Танец начинается. Лес затих в предвкушении ужаса и магии.

Эллион сжал кулаки, не спуская взгляда с чащи. По мере сближения Сестёр тело ощущается всё легче и легче, кажется, только подпрыгни и взлетишь на добрых сорок локтей над лесом. Роан напихивает в карманы камни, один самый крупный, размером с курицу, левой рукой прижал к груди.

— Ты чего делаешь? — Спросил Эллион, вскидывая бровь.

— Не хочу улететь. — Пробормотал парень.

— Чего?

— Мать говорила, что во время танца можно улететь так высоко, что после, от удара о землю, от тебя вообще ничего не останется!

— Эм... ладно.

— Тем более, я видел, как ты сам собирал камни! — Уличил парень, указывая на мешочек у кошелька курьера.

— Собирал, — Эллион кивнул и добавил спокойно, — но это для других целей.

— Это каких?

— Ну, надеюсь, ты сегодня не узнаешь. А лучше, если вообще никогда не узнаешь.

Младшая Сестра почти сравнялась со Старшей, а та слегка удалилась и, будто танцуя на волнах зелёного сияния, начала движение вокруг Младшей, а то закружила вокруг сестры. Танец. Роан сцепил зубы, чувствуя ужасающую лёгкость и будто призрачный ветер скользит по обнажённым нервам.

Настала ночь дикой магии!

Если у вас есть желание и возможность, прошу, поддержите мой труд рублём. Если у вас нет ни того ни другого, но вам нравятся мои истории, поделитесь ими в соц сетях, оставьте комментарий. Это всё тоже помогает.

Сбербанк: 4274 3200 6585 4914

ВТБ: 4893 4703 2857 3727

Тинькофф: 5536 9138 6842 8034

YooMoney: 4048 4150 1190 8106 (карта)

QIWI: 4693 9575 5981 6777 (карта)

Спасибо за ваше внимание.

Сёстры начинают танец и сверкают в потоках зеленоватого сияния, что дымчатыми волнами застлали небо. Рона вцепился в стену, тело будто утратило вес и слегка приподнимается над землёй. Лес наполняется воплями невообразимых тварей, от которых кровь стынет, а внизу живота и в коленях растекается слабость. Тишь приоткрыв рот наблюдает за началом танца, а курьер привалился к стене и через пролом наблюдает за лесом. Правая ладонь держится у мешочка с камешками, и пальцы теребят завязки.

Танец Сестёр это время волшебства, когда магия сходит с ума и переполняет мир, пробуждая нечто под землёй. В Голеаре жречество устраивает шествия в честь божеств, а на главной площади собираются горожане и устраивают танцы. Однако за пределами мощных стен ночь танца это волшебный кошмар, когда смерть это лучшее, что может с тобой случиться.

Свечение осело на лес и затаилось в чаще, блуждая меж деревьев, как сонм неприкаянных душ. Вопли вспарывают густой воздух, бьют по ушам. Земля мелко трясётся и стонет. Старшая Сестра скрыла за собой Младшую, но та почти сразу показалась с другой стороны, объятая призрачным огнём. На краю видимости над лесом собираются облака, закручиваются спиралью и до людей долетает протяжный гул ветра.

Мир засыпает и просыпается нечто другое, совершенно чуждое человеку. Роан стиснул меч, сжал зубы следя за чем-тодвигающемся за деревьями. Эллион также жадно всматривается в неизвестное, складывая пальцы в странные фигуры. Очередная вспышка выхватила контур змееподобной твари, что сцепилась с чем-то похожим на лося с человеческой головой.

Луны завершили полный круг и вместе сместились к горизонту на два локтя. Чувство невесомости ослабло, и собственный вес почудился чем-то неестественным. Змееобразная тварь задушила «лося» и начала заглатывать с задних ног.

— Боги... — Прошептал Роан, закусил губу не в силах отвести взгляд от омерзительного представления.

— Молчи. — Шикнул курьер. — Если привлечём внимание, нам конец.

— Что это вообще такое?

— Безымянные.

— Я... я думал это детские сказки.

— Увы.

Чудовище закончила проглатывать и свернулась вокруг дерева, прислушиваясь к лесу. Тишь мыкнула, тыча пальцем через плечо курьера, а тот мрачно кивнул.

— Вижу.

Из чащи одно за другим движутся мелкие твари, бледные и едва заметно светящиеся. Тела их колышутся на ветру и Роан готов поклясться, что видит под кожей органы. Стоит перед ними оказаться живности, как существа набрасываются и обволакивают собой. На глазах парня две твари поймали зайца и тот буквально исчез в них. Змееподобное чудовище наблюдает с холодным любопытством, высовывает длинный язык и втягивает. Белые её сторонятся и идут мимо холма, на котором расположился курьер с «посылками».

Несколько двинулись к вершине, покачиваясь и издавая булькающие звуки. Роан с мучительной ясностью осознал, что ему не победить и не убежать. Только покажись из

укрытия и огромное чудовище выпотрошит за мгновение. Останься, и белые растворят в себе...

Краем глаза заметил смазанное движение и ближайший монстр опрокинулся на спину без головы. Белёсые брызги застыли в воздухе призрачным инеем. Эллион выхватил второй камешек, сжал между пальцами оценивая форму и швырнул изо всех сил. Снаряд пробил вторую голову и скатился вниз по склону, пока тварь валится в траву.

Третий камень, курьеру пришлось отступить от пролома и встать пошире. Прицелился, новый бросок от которого заныли все мышцы. Снаряд умчался с едва слышимым свистом, пробил очередную голову. Твари, только начавшие восхождение, замерли, смотря на убитых сородичей. Самые умные скосили направление и двинулись вдоль склона. Те что потупее продолжили путь к вершине. Курьер выругался и начал швырять камни, один за другим. Про себя проклиная выбор не брать пращу. С другой стороны, свист раскручиваемого шнура привлечёт лишнее внимание.

Тишь вскарабкалась на стену, прильнула к узкой трещине. Роан зажмурился и забился в дальний угол, беззвучно вознося молитвы Мардоку:

— О Мардок, воинов защитник, Ты вечный странник в небесах. Веди нас сквозь мрак и мглу битвы, смелость и мужество в нас вселяя.

Эллион продолжает метать камни и на лбу курьера выступил пот, губы сжаты в тонкую линию, а нижняя прикушена. Тонкая струйка крови сбегает по подбородку. Белёсые монстры валяются в траву, их ошмётки медленно оседают, как серебряная пыль.

Сёстры почти завершили танец и вот-вот начнут расходиться. Сияние тускнеет, а Младшая становится всё меньше и меньше. Тишь смотрит на них сложив ладони лодочкой у груди и обе луны отражаются в огромных глазах. Сама девочка тянется к ним, встав на цыпочки и бездумно распахнув рот.

Похожее на змею чудовище выскользнуло из чаши, чешуя засверкала, как серебряные щиты. Извиваясь поползло вдоль холма, лениво хватая мелких тварей пастью и проглатывая, как утка, не жуя. Замерло, подняло голову и Роана прошиб холодный пот, кажется, чудовище смотрит прямо ему в глаза. Будто решает, стоит ли лакомство усилий подняться на вершину... Монстр медленно опустился в траву и заскользил к лесу.

Луны «расцепились» и прекратили танец. Белёсые твари поникли и как прокисший кефир, ушли в траву. Эллион привалился спиной к стене и шумно выдохнул, смахнул пот со лба тыльной стороной ладони.

— Оно так всегда за городом? — Пробормотал Роан.

— Нет, просто здесь место не хорошее. — Ответил курьер, глядя ему за плечо, и добавил. — Не самое плохое, конечно, есть и куда хуже.

Оттолкнулся от стены лопатками и направился к Тишь. Девочка стоит на коленях и беззвучно плачет, плечи мелко трясутся, рот кривится, а по лицу бегут ручьи. Курьер отечески обнял, опустившись на колено, погладил по затылку приговаривая:

— Тише, всё кончилось, монстры ушли.

Немая зарылась личиком в грудь, схватилась за одежду и завывала. Звук жуткий, мучительный, полный боли и отчаяния. Курьер повёл пальцами по шее и быстро ткнул в две точки, Тишь всхлипнула и обмякла в объятиях, как тряпичная кукла. Эллион бережно положил её на землю и подоткнул под голову рюкзак. Повернулся к Роану и кивнул на щель в стене:

— Караулим посменно. Ты первый.

— Но... Разве танец не кончился?

— Кончился, но не все твари уходят сразу. — Терпеливо пояснил илмирит. — Тем более, тут должно быть полно охотников.

— Охотников?

— Ну да, — кивнул Эллион, расстилая тонкий спальник и перекладывая Тишь, — монстры оставляют после себя ценные вещицы, а иногда и проходы в которых есть сокровища былых эпох.

— Но... как они вообще пережили это вот?!

— Как и мы, только на верхушках деревьев.

— А почему мы не... — Начал Роан, но осёкся, поймав взгляд курьера.

Они бы забрались, но увидев монстра рядом, он бы не сдержал крика. Находясь за стенами руин, это и так потребовало немерено сил.

— Когда старшая преодолеет половину пути, разбуди меня. — Сказал курьер, ложась в траву. — Ну и если кто-то будет к нам подбираться.

Ночь тиха, уставшие после Танца Сёстры разбегаются по своим делам, но кончики пальцев покалывает. Роан сидит у входа в руины за остатками стен пристройки и сжимает рукоять меча до боли в костяшках. Вглядывается в темноту меж деревьев. Лес мертвенно тих... крик, перерастающий в истошный вопль, разорвал тишину. На поляну, ворвалось трое мужчин и Роан похолодел осознав, что они бегут к нему! Точнее, к руинам.

Парень подобрался метнуться внутрь и разбудить курьера, когда из леса выскочило чудовище. Молочно-белое, с кошачьим телом, но больше крупного пса, оно в три прыжка настигло самого медленного, прыгнуло на спину, повалило в траву и сомкнуло челюсти на затылке. Оставшиеся двое завопили и ускорились, глядя на руины, как на божественное спасение. Чудовище настигло их одного за другим, последнего ударило когтями по сгибу колена всего в десятке шагов от укрытия Роана. Парень вжался в стену и зажал рот ладонью с такой силой, что вот-вот сломает челюсть.

Чудовище зло огляделось, задержало взгляд на развалинах и укрытии Роана, фыркнуло и принялось за еду. Очень громко и аппетитно хрустя тонкими костями и разрывая плоть. Затем схватило за ногу и потянуло вниз, там перехватила поудобней и... заскочило на дерево вместе с трупом. Спустя несколько минут оно вернулось за остальными. Затащило мертвецов на дерево и лес вновь стал безмятежно тихим. Роан в надежде поднял взгляд на небо. Сегодня он не уснёт, но хотя бы дежурить не одному!

Старшая сестра преодолела лишь четверть пути.

Глава 8

Утро застало Роана привалившимся спиной к стене и свесившим голову на грудь. Солнечный свет припекает макушку, поют птицы и мощно пахнет сырой землёй и зеленью. Тишь прутиком ворошит угли костерка и разогревает кусочки зайчатины. Курьер разминается, скупое и совершенно неинтересное, со стороны это кажется ленивыми потягиваниями. За малым исключением, Роан и представить не мог, что человеческое тело вообще способно выворачиваться таким образом.

Заметив, что посылка проснулась, Эллион кивнул на костёр и сказал:

— Рано встал, до полудня лес ещё опасен. Бледные звери ещё не ушли.

Будто в подтверждение над лесом разнёсся кошачий рёв, будто два огромных кота выясняют отношения.

— Боги... — Выдохнул парень, делая кистью жест отгоняющий зло. — Она тут не одна!

— Ну конечно, не одна, — кивнул курьер, — это ведь просто животное. Хоть и искажённое.

— А если они за нами придут?

— Не придут, Танец кончился и они заняты собой. Сезон размножения, как никак. Сегодня у нас ведь двадцать второе Ветра?

— Эм... да...

— Вот, сезон начался. — Сказал Эллион, кивая собственным мыслям. — А я, дурак, совсем потерял счёт дат. Старею.

Тишь замычала, активно размахивая над головой двумя прутиками мяса. Мужчины живо переметнулись к костру и принялись за еду, под крики больших кошек. В которых теперь отчётливо читается сладострастие и животная ярость. Мясо горячее, пресное и его преступно мало. Эллион подцепил горсть золы и посыпал порцию тонким слоем. Сорвал зубами первый кусок и начал с аппетитом жевать. Тишь наблюдает за ними с тем особым женским выражением лица, которое появляется, только когда они кормят мужчин.

Время идёт незаметно, вскоре вся группа выдвинулась в чащу следом за курьером. У подножия холма Роан подхватил из травы рюкзак, забрызганный бурым. Открыл и озадаченно воззрился на пучки трав и серебристые камешки, недоумённо показал курьеру. Эллион пожал плечами.

— В танец много всякого можно собрать, а я не эксперт...

Тишь почти с головой сунулась в рюкзак и радостно мыча вытянула пучок полупрозрачной травы с длинными, закрытыми цветками, похожими на купли мутного стекла. Широко улыбаясь, сунула под нос курьеру и, почти танцуя от радости, спрятала в сумку.

— Чего это она? — Спросил Роан, глядя на спутницу с опаской, вдруг умом тронулась и покусает.

— Не знаю... — задумчиво протянул курьер. — Не знаю...

Крепость илмиритов появилась внезапно, будто выскочила из леса и загородила дорогу группе. Приземистая и широкая, отгородившаяся от леса толстой стеной. Ближайшие деревья срублены, а земля болезненно голая с редчайшими пучками чахлой травы. На дозорной башне стоит скучающий мужчина в хламиде с книгой в руке. Заметив путников он

сощурился и дёрнул шнур. Спустя несколько минут, когда группа приблизилась к воротам по широкой дороге, что тянется через лес на восток, в правой створке отворилась калитка. Навстречу грузно вышел лысый воин с лицом похожим на кусок глины, который хорошенько побили топором. Он выпрямился, оказавшись на две головы выше Эллиона и куда шире в плечах.

Роан ощутил благоговейный ужас, верзила может поднять его одной рукой и скомкать, как грязную тряпку. За пояс заткнут топорик, игрушечный в сравнении с ладонью. Грудь укрыта кольчужной рубахой, а на ногах красуются латные наголенники, прикрывающие сапоги.

— Курьер?

— Да, брат. — Ответил Эллион и поклонился, особым образом сплетя пальцы и прижав ладонь к центру груди.

— Хах, мы не ждали курьеров сегодня. — Заметил верзила, оглядывая Роана и Тишь, как мясник оглядывает новых зверушек.

— Так уж вышло. Мне нужна помощь советом от старейшин.

— Они заняты.

— Как ни странно, я не тороплюсь.

— Вот как... — прогудел здоровяк. — Ну, проходи, брат и твои спутники тоже.

Он посторонился и кивнул на распахнутую калитку. Первой прошла Тишь, следом Роан с благословляющего толчка в спину. Замешкавшись, парень ударился плечом о створку и почти упав ввалился внутрь. Охнул. Он ожидал увидеть обычный двор крепости, так знакомый по рассказам бывалых солдат. Голый, с заготовленными котлами для масла или смолы, лестницами и площадкой для тренировок. В крепости илмиритов его встретили мастерские и широкие пространства.

На одной стороне вдоль стены сгрудились деревянные хранилища, куда работники стягивают древесину, распиленную на одинаковые брёвна и солому с тростником. Через двор течёт река, на берегу которой возвышается настоящая мельница с огромным колесом. Позади неё, на другом берегу виден фундамент ещё двух! Из мельницы кряжистые мужики тянут бадьи с вязкой кашцей. В стороне, на самом освещённом участке двора расположились странного вида плиты из отполированного гранита. На них выкладывают мокрые листы, а успевшие подсохнуть скovyривают деревянными лопатками. Складывают на тележку и увозят.

— Что они делают? — Пробормотал Роан, озадаченно оглядываясь.

— Бумагу. — Ответил Эллион проходя мимо и увлекая за собой, положив ладонь на плечо. — Это же орден писарей. Без них служение Илмиру почти невозможно. Пошли, нам главное здание.

Река протекает через крепость заложив петлю и у Роана складывается чувство, что это дело рук илимиритов. Проходя через двор он не заметил ничего способствующего удержанию крепости. Да и она сама, слишком несуразная, даже глупая! Высокая, но со множеством огромных окон, а ворота закрываются на единственный тонкий засов! Для реки в стенах огромные прорехи, да и сама она достаточно глубокая, чтобы враг на паре лодок без затей пробился внутрь! Да и в конце концов, что эта крепость защищает? Лес?

Тишь отбилась было от группы и сунула нос в одну из множества мастерских, откуда её вытянули за шкурку, как нашкодившего котёнка. Верзила, сопровождающий их, покачал головой с видом полного разочарования. Весь двор полнится звуками активной работы и

запахами древесины. Однако, стоило дверям крепости закрыться за ними, как громкие звуки исчезли. Если прислушаться, то становится различим скрип сотен перьев по бумаге и лёгкие покашливания.

Навстречу вышел сторбленный мужчина в белой сутане, сощурившись оглядел Эллиона и приветствуя поднял ладонь.

— Давно вас не было, брат Эллион.

— Рад что вы в добром здравии, старейшина Лайон. Я прибыл просить совета с доставкой.

— О! А вот этого вообще не случилось!

Роана и Тишь взяли под руки илмириты в чёрных робах и по жесту старейшины повели прочь. Парень дёрнулся высвободиться, но Эллион остановил взмахом руки, всем видом показав, что беспокоиться не о чем.

Старейшина двинулся вглубь коридора, заложив руки за спину и будто позабыв о курьере. Мужчина двинулся за ним, будто тень, не осмеливаясь задавать вопросы. Стены расходятся, потолок поднимается, образуя широкий зал. На стенах красуются гобелены с деяниями илмиритов древности. Эллион невольно засмотрелся на них, вновь ощущая себя ребёнком.

Вот Просветитель Дензал помогает страдающей от засухи деревне при помощи огромного винта. На гобелене это изображено наклонённый винт в два человеческих роста, по резьбе которого поднимается вода. Крестьяне изображены коленопреклонёнными и протягивающими руки к просветителю.

Он видел этот винт, огромный, до половины вросший в землю, посреди руин города. Деревянная труба давно сгнила и обратилась в прах, а на дне колодца вместо воды смрадная жижа.

Рядом красуется гобелен просветительницы Иуран, придумавшая, надёжную систему очистки воды. Ткач изобразил её распростёршей руки перед чередой рукотворных озёр, вода перетекает в них из реки и заполняет поочерёдно. Старейшина прошёл к дубовым дверям, открыл их и оглянулся на Эллиона, что засмотрелся на гобелены.

— Смотрю тебе нравится Иуран. — Заметил старец, отечески улыбаясь.

— Да, она меня восхищала с детства.

— Не Дензал? Он ведь тоже отметился добычей воды.

— Добыть воду бывает сложно, но очистить её для целого города почти невозможно. — Заметил Эллион, отходя от гобелена и входя в открытую дверь.

— Да, она была воистину великой личностью. — Сказал Лайон, закрывая дверь за собой. — Однако, кипячение воды, по-моему, всё ещё эффективнее.

Зал мал и пуст, на стенах горят газовые светильники, а под потолком темнеют вентиляционные шахты. Вместо окон картины, изображающие заливные луга и возвышенные горы. Эллион встал у массивного стола, дожидаясь, пока старейшина опустится в кресло.

Лайон неспешно обошёл стол, задумчиво покачивая головой и рассматривая картины. Повёл ладонью по матовой столешнице, будто проникаясь богатой историей дерева и событий, творившихся в зале.

— А где остальные старейшины? — Спросил Эллион.

— Вчера был Танец. — Сказал Лайон, отодвигая кресло и садясь, опустил локти на столешницу и сложил пальцы пирамидкой. — Ах, да, ты ведь можешь быть не в курсе. По велению верховного жреца после этого Танца часть старейшин должна отбывать в главный храм.

— Зачем?

— Увы, узнаю когда они вернутся. А теперь... давай разберёмся с твоим вопросом.

Роан рухнул на койку и зарылся лицом в чистые, накрахмаленную простыню. У края в ногах сложено тонкое одеяло из овечьей шерсти и упругая подушка. От простыни идёт

тонкий аромат лесных трав и смолы. В широкое окно льётся свет и звуки активной работы водяной мельницы.

Если выглянуть, то видно, как в неё завозят тележки с щепой. В стороне дюжие мужики колют дрова, монотонно, как магические големы. Ветер приносит ароматы наваристой похлёбки с кухни.

Парень снял ножны вместе с ремнём, бросил рядом на кровать и перевернулся на спину. Раскинул руки, глядя в низкий потолок. Кажется, совсем недавно он нежился в родной постели, а теперь даже такая койка кажется чем-то невероятным... Ледяная лапа сжала сердце, тряхнула изо всех сил. Родного дома больше нет... Мать... Боги, что же стало с ней?

Вряд ли её убили, всё-таки она родственница короля, пусть и неблизкая. Но ведь и он, Роан, родственник! Холодный пот прошиб по всему телу, парень зажмурился, силясь прогнать дурные мысли. Всё с ней будет хорошо! Ведь они с отцом никогда не были особо близки. Наверняка мать спряталась в поместье деда и... возможно, даже рада.

Перевернулся набок, подтянул колени к груди и обхватил руками. Слезы предательски подступают, уголки глаз щиплет, а горло давит спазм.

В любом случае теперь у него нет семьи. Более он не Роан эл Скван. Шрам налился горячей болью, тонкие мышцы лица подрагивают, как раскалённые нити. По привычке пальцами поправил выражение и спрятал лицо в ладонях. Заглушённые в последние дни эмоции наваливаются, как горный обвал, сокрушают душу.

Чего он добьётся если прибудет в долину Мардока? Какой шанс, что божество выберет его своим воином? Его, мальчишку, что так и не стал мужчиной!

Из бури образом и ярких эмоций всплыл сочный хруст стали, пронзающей плоть. Он ощутил сопротивление и дрожь клинка, когда лезвие прошло толстые мышцы. Ладони с лица переползли на виски, сдавили, запустив пальцы в волосы. В груди зарождается сиплый вопль, но пройдя через глотку ударяется о стиснутые зубы и превращается в густой стон.

— Убью... Всех убью!

Послушница вошла в келью и застала Тишь сидящей у окна. Девочка дёрнулась, увидев в руках незнакомки медный таз, прижалась спиной к стене, издавая звуки испуганного котёнка. В уголках губ треснула кожа, выступили рубиновые капельки.

— Тише, тише! — Протараторила послушница, делая самое взволнованное лицо. — Я просто помогу тебе привести себя в порядок.

Тишь с великой осторожностью отошла от окна, двигаясь боком и не спуская с девушки взгляда. Та натянуто улыбается и продемонстрировала чистую и горячую воду в тазике. Подбородком указала на полотенце, свисающее с плеча и щётку зажатую в подмышке.

— Всего лишь мытьё.

Девочка сощурилась, но опустила на койку, положила ладони на колени. Послушница поставила таз рядом, опасливо взялась за завязки одежды. Тишь дрогнула, но стерпела оголение, вновь вздрогнула, когда горячее и мокрое полотенце скользнуло по телу. Затем вся перебралась в таз и сжалась, позволяя сильным пальцам мять мышцы, а щётке соскребать грязь.

— А тебе сильно досталось. — Материнским тоном сказала послушница, оглядывая рубцы на спине.

Длинные и тонкие, они пересекают друг дружку, образуя угловатые кресты. Есть парочка рваных шрамов, до жути широких и уродливых, будто девочку рвали крюками.

Следы ожогов и относительно свежие синяки. Девочка дёргается, когда щётка касается их, но сразу же выгибается, как кошка и блаженно щурится.

— Ты ведь меня понимаешь?

Кивок.

— А писать умеешь или может язык жестов? Я слышала немые им владеют...

Тишь тяжело вздохнула и помотала головой.

— Ладно, когда мы закончим, с тобой поговорит старейшина. По крайней мере, попытается.

Дверь приоткрылась и вошли ещё две послушницы, одна с тазиком, другая с кувшином и чистыми полотенцами. Тишь покорно перебралась в чистую воду, расслабилась и безропотно приняла гребень, довольно жёстко впившийся в волосы. Только кривится, когда зубья дёргают колтуны.

— Вот видишь... всё не так уж и плохо! — Проворковала первая послушница, проводя по волосам влажным полотенцем. — Ты настоящая красавица! Надеюсь, тот, кто совершил это с тобой сгнил от проказы!

Тишь вытянулась, яростно замотала головой.

Привет! Если вам нравится моё творчество, а может быть и я сам. Прошу, поддержите звонким рублём, это лучший способ ободрить автора. Ведь Лит Блог существует исключительно на поддержке читателей. Сбербанк: 4274 3200 6585 4914 ВТБ: 4893 4703 2857 3727 Тинькофф: 5536 9138 6842 8034 YooMoney: 4048 4150 1190 8106 (карта) QIWI: 4693 9575 5981 6777 (карта) Все собранные средства пойдут на оплату счетов и еду. Увы, голодный писатель ничего не пишет, он ищет еду. Так же, бросаю клич! Вдруг у кого из читателей завалялся годный микрофон или веб камера. С радостью приму их для использования по прямому назначению.

Вечер после Танца расцвечен нитями зелёного сияния, вытянувшимися по линии движения Сестёр. Работа во дворе затихла, и свет горит только в трёх точках на стене. Мистическое сияние отражается от ряби и мелких волн реки. Скрипит мельничное колесо, прокручивающееся вхолостую. Роан покусывает кончики большого пальца и вслушивается в каждый шорох за дверью.

На столике перед койкой стоит пустая деревянная тарелка, ложка и кружка. Рядом, на листе коричневой бумаги с пятнами жира, лежит кус чёрного хлеба и огрызок колбасы. Парень шагает от стены до стены и обратно, одна рука закинута за спину, а другая тычет большим пальцем в зубы. Ножны хлопают по бедру, а рукоять меча, как скучающий пёс ищет ладонь, чтобы ткнуться «лбом».

С первого этажа доносится монотонное песнопение илмиритов. Слов не разобрать, но наверняка что-то про знания и информацию. Песни это общее всех культов богов, все служители поют, но о разном и с разной целью. Песни последователей Мардока сплочают воинов, побуждают действовать синхронно, даже дышать одновременно. Богиня домашнего очага и любви склоняет песней к спокойствию и объятиям. Илмириты песней тренируют разум, для запоминания информации.

Глупое занятие, когда у тебя есть книги! Просто бери и записывай, зачем запоминать всё?

В дверь постучали. Роан вздрогнул и порывисто выдохнул:

— Д-да?

— Вас просят пройти к старейшине.

— З-зачем?

— Будет решаться вопрос целесообразности вашей доставки.

Дрожь. Липкий и холодный пот покрывает спину, пропитывает рубаху. Роан открыл рот, закрыл, открыл вновь и сказал:

— Сейчас выйду, только оденусь.

Он одет, но нужно взять себя в руки, привести лицо в порядок. Буквально. Вздрагивая, налил воду в тарелку, часть воды расплескало по столку, и взгляделся в искажённое отражение. Зажмурился, выжидая пока гладь успокоится, взглянул вновь. Уголки губ опущены, шрам перекошен. Левая сторона онемела. Роан привычными движениями поправил выражение, приминая лицо как мягкую глину. Какое лучше придать сегодня? Дружелюбное? Нейтральное? Парень вздохнул и привычно подправил в спокойное.

Самый лучший вариант для сохранения собственной гордости. Он не будет умолять, не будет даже просить, а просто примет решение старейшины. В любом случае он уже спасён от плахи. Стать настоящим воином и страшно отомстить успеет.

Дверь отворилась легко, Роан сощурился от света фонаря. Илмирит ждущий у противоположной стены, приветствовал покачиванием головы. Низкий и невероятно широкоплечий, такое ощущение, что он в ширину больше, чем в длину. Кустистые брови прикрывают глаза, а крючковатый нос красуется двумя шрамами на ноздрях. Первейший признак пойманного на потреблении «алмазной пыли».

Свет фонаря искажает тени и коридор, превращает в бесконечный туннель. Илмирит держит его небрежно, опустив руку и покачивая вперёд-назад. Роан следует за ним, держа

спину прямо и расправив плечи. Челюсть выдвинута вперёд, а ладонь лежит на навершии меча.

Эхо шагов уносится вперёд и назад, но затухает в темноте за пределами колеблющейся полосы света. Бывший наркоман остановился у дубовой двери, повернулся к парню и сказал:

— Заходи, я буду ждать здесь.

— Я запомнил дорогу.

— Молодец, но я всё равно буду здесь.

Толкнув дверь оказался в крохотном зале, освещённом газовыми светильниками торчащими из стен. За прямоугольным столом сидит старейшина Лайон. Роан ощутил, что взгляд илмирита пробивается под кожу, ощупывает мышцы и кости.

— Роан эл Скван. — Сказал старик, указывая на дальний стул. — Присаживайся.

Парень подчинился, с отполированной и лакированной столешницы на него взглянуло отражение каменного лица. В распахнутое окно задувает прохладный ветерок, сквозняк стелется по полу и старается укусить за ноги.

— Во-первых. — Начал старейшина, когда Роан сел. — Я должен подметить, что ты поставил нас в сложное положение. Ссора с правителем полиса может много стоить церкви Илмира.

— Курьер мог отказаться от доставки. — Твёрдо ответил Роан.

Лайон мягко улыбнулся, покачал головой и сказал:

— Нет, не мог. Ты это прекрасно знаешь.

Роан смолчал.

— Во-вторых, случай не уникальный, увы. Просто впервые такой трюк провернули на казни в присутствии главы полиса. Ну и дистанция доставки... огромная.

— Вы отказываете?

— Просто рассуждаю вслух. — Успокоил Лайон. — Поля Мардока это ведь другой конец континента... Скажи, ты знаешь, кто такой Эллион?

— Курьер, илмирит.

— Да, очевидный ответ. — Старейшина покачал головой. — Эллион не просто курьер, он лучший курьер. По многим параметрам. Исполнительный, даже фанатичный, способный и достаточно сильный. Сотня доставок за год и ни одной ошибки. Очень ценный слуга Илмира. Знаешь, он доставлял такие вещи, что сильные мира всего отгрызли бы себе руки, лишь бы подержать их.

Лайон поднялся, подошёл к шкафу возле окна. Достал бокал и кувшин, налил странного напитка, грязно-зелёного цвета.

— Извини, что не предлагаю, но тебе не понравится, это настой из местных трав. Очень полезно для желудка, но крайне мерзко на вкус. Так... собственно говоря, тебе не кажется, что занять такого ценного работника твоей доставкой слегка нецелесообразно?

Роан не нашёлся с ответом и мрачно молчит. Старейшина глотнул настой, скривился и отставил бокал. Густая капля скользнула по внешней стенке к ножке. Лайон впери́л тяжёлый взгляд в парня, заложил руки за спину.

— Я жду ответа, мальчик.

— Так дайте мне другого! — Почти плача выкрикнул Роан.

Шрам заболел, голос искажается, это не похоже на всхлип, скорее нечто среднее между ним и рыком.

— Я старейшина писцов. У меня нет курьеров, а ближайший, не считая Эллиона, находится в твоём родном полисе. — Сухо ответил старик. Так что я спрашиваю, почему твоя доставка так важна, что за неё должен взяться Эллион?

— Я её оплатил!

— Это не важно. Золото второстепенно для нас. Отвечай!

Роан вздрогнул, дрожь прокатилась по хребту, ударила в копчик и растеклась на колени, превратив их в хлипкий студень... Кулаки сжались, парень озлобленно вскинул взгляд, упёр прямо в лицо старейшины.

— Я дам вам историю!

— Вот как? О своём путешествии? Уволь, у нас таких множество.

— Я соберу все Осколки в единое! — Прорычал Роан, стискивая кулаки до боли в костяшках, до крови под ногтями. — Я построю новую Империю!

Привет! Если вам нравится моё творчество, а может быть и я сам. Прошу, поддержите звонким рублём, это лучший способ ободрить автора. Ведь Лит Блог существует исключительно на поддержке читателей. Сбербанк: 4274 3200 6585 4914 ВТБ: 4893 4703 2857 3727 Тинькофф: 5536 9138 6842 8034 YooMoney: 4048 4150 1190 8106 (карта) QIWI: 4693 9575 5981 6777 (карта) Все собранные средства пойдут на оплату счетов и еду. Увы, голодный писатель ничего не пишет, он ищет еду.

Старейшина сощурился, как лис, заметивший курицу за оградой курятника. Впился взглядом в лицо и глаза парня. Роан напряг спину и живот, это единственное проявление эмоций, которое он может выказать. Не считая мелкой дрожи и пота. Шрам болит всё сильнее, взгляд илмирита ощупывает лицо, цепляясь за каждую мимическую морщинку.

— Даже так? — Наконец, протянул Лайон. — А с чего ты решил, что нам это вообще нужно и мы поверим, что ты на такое способен?

— Я эл Скван. — Отчеканил Роан. — Но моя мать, урождённая Сиринар, кровь от крови Веряна первого, основателя Империи! Я прямой потомок.

— Ну... не такой уж и прямой. — Заметил старейшина, опускаясь в кресло и сцепляя пальцы в замок перед носом, поставив локти на стол. — Всё-таки, ты Скван. Да и род Сиринаров, мягко говоря, в упадке не одну сотню лет.

— Да. Но к моей родословной нет вопросов! А нынешний правящий род полиса ещё до раскола подвергали... сомнению.

— Хм... хорошо. Я верю, что ты можешь претендовать на такое свершение. Однако, зачем это нам?

— Библиотеки. — Отчеканил парень, отчаянно цепляясь за малейшую возможность отомстить. — Целая сеть императорских библиотек, по всей империи.

— У нас уже есть такая сеть.

— Я выдам статус и полное самоуправление.

— Мы и так на полном самоуправлении. — Ответил Лайон и по тону стало ясно, старик порядком устал и теряет интерес, быстрее чем проколотый бурдюк воду.

Шрам разрывает от боли, которая ничуть не влияет на каменное выражение лица. Роан вытянулся, мышцы спины и живота одеревенели, начинают болеть. В глазах темнеет от отчаяния. Что такое нужно илмиритам, для полного счастья? Что он может им пообещать, чего они не имеют или не могут достичь сами?! ЧТО?!

Старейшина Лайон хлопнул ладонями по столу, начал подниматься, по-старчески медленно и сдавленно кряхтя, с явным намерением уйти.

— Школы. — Перехваченным голосом выдавил Роан, со стороны это звучало, как тяжёлое слово, гранитной глыбой перевалившееся через губу.

— Что?

— Я открою школы, с обязательным обучением. В каждом осколке.

— Хм... и зачем это нам?

Лайон вновь опустился в кресло, склонил голову к плечу и подпёр кулаком. Холодные глаза вновь ощупывают лицо парня, а на их дне плещется сдержанный интерес.

— Информация. — Ответил Роан, внутренне трясась от ужаса и напряжения. — Образованные люди генерируют больше новой информации.

Когда парень вышел, Лайон обессиленно откинулся в кресле и коснулся лба кончиками пальцев. Хмыкнул, не обнаружив пота, во время разговора казалось, что с него течёт в три ручья. Парень молод, нет и восемнадцати, но это лицо! Непроницаемое, с жутким шрамом и стеклянными глазами хищника. Маленькое чудовище и амбиции под стать!

По взмаху руки шкаф в дальнем конце зала бесшумно сдвинулся в сторону. Из тайного

хода вышла женщина в серой сутане и низко поклонилась. Лайон нетерпеливо помотал кистью, не глядя на неё, сказал:

— Что скажешь?

— Роан эл Скван, род Скванов. До Раскола очень властный и могущественный, не раз заключавший браки с королевской семьёй. — Сказала женщина голосом мягким, как шёлк, вымоченный в цветочном мёде. — Королевской крови в нём куда больше, чем он сам думает. Проницательность, тоже на высоте.

— Подходящий кандидат?

— По первичным параметрам, да. По вторичным... сложно сказать, я не смогла его прочитать.

— Что?

— Вы и сами видели... это лицо! Жуть... как будто наблюдаешь за демоном. Мне до сих пор кажется, что он знал, что я там!

— Ладно. — Лайон раздражённо дёрнул плечом и сполз по спинке кресла, давая застоявшейся крови растечься по ногам. — Пошли гонца в главный храм с запиской о кандидате и всеми данными.

— Поручить Эллиону?

— Нет. Пусть отдыхает, он и без того не брал отпуск уже... — Старейшина задумчиво постучал пальцем по подбородку, повернулся к женщине и спросил. — А он вообще отдыхал за всё время служения?

— Насколько мне известно, нет. Утверждает, что отдыха на привалах во время доставки более чем достаточно.

— Эх... если бы все были такими! — Вздохнул старейшина.

— Брат Эллион святой подвижник. — С поклоном ответила женщина. — Такие сподвигают нас на великие дела, но вся организация держится на плечах простых служителей.

— Да... да... я понимаю. Но и иногда ведь так хочется, чтобы все вокруг были ответственными и исполнительными!

Эллион ударил ногой в шею, деревянный манекен покачнулся, а значит, взрослый мужчина упадёт получив такой удар. От простого некогда движения мышцы взвыли, а сухожилия натянулись как струны лютни. Ох, недолго ему так махать ногами, если не будет ежедневно упражняться.

Свет в тренировочный зал проникает через узкие оконца под потолком. Пол устлан тростниковыми циновками, приглушающими шаги курьера. Эллион гол по пояс и бос, в тусклом свете тело влажно блестит и от каждого резкого движения с волос срываются брызги пота.

Атакует тренировочный манекен без остановок, обходя выставленные руки-кольшки. Никакого сравнения с настоящей схваткой, но отличный способ тренировки скорости и точности движений. Набитые костяшки ударяются о дерево с глухим стуком, оставляют свежие вмятины и срывают тонкие щепки. Удары ускоряются, в ход идут локти и колени. Со стороны может показаться, что курьер в безумной ярости пытается убить деревянного болвана. Вот на разлохмаченной древесине появляются красные брызги, алые капли разлетаются во все стороны мелкой моросью.

Эллион прошёл в ближний контакт и с ходу ударил локтем деревянное лицо. Будь на

месте человек, он бы умер мгновенно, оттого, что нос ввалился, а кости лица превратились в крошево. Курьер отступил хрипло дыша и сдавленно выругался, осматривая сбитые костяшки и подранную кожу.

Похоже, он действительно слегка увлёкся. А такие мелкие травмы, особенно на ступнях, могут серьёзно замедлить доставку почты.

Утёр лицо ладонями, медленно, позволяя пальцам слегка оттянуть нижние веки и губу. Он просто нервничает от безделья. Если бы не мальчишка, уже бы давно шёл выполнять долг илмирита-почтальона. А теперь несколько дней сидеть в лесной крепости!

Ладно, ладно... спокойствие. Этот отдых лишь возможность отточить навыки, возможно, Илмир готовит к будущим испытаниям!

От дальнего конца зала раздались аплодисменты, настолько бурные, будто целая толпа зрителей. Эллион обернулся туда так быстро, что хрустнула шея. Тишь, поняв что замечена, окончательно протиснулась в щель между дверью и стеной. Встала, прижав ладони к груди, а затем, мучительно медленно сложила пальцы в несколько фигур.

«Красиво».

Эллион повернулся к ней, быстро задвигал пальцами.

«Ты уже научилась языку жестов?».

На лице девочки отразился страх, отчаяние и стыд. Она задвигала кистями активнее, но по неаккуратным и несколько неверным знакам Эллион понял, что переоценил возможности странного найдёныша. Попытайся кто-нибудь озвучить «речь» Тиши, получился бы монолог косноязычного, шепелявого зайки. Но для пары дней учёбы даже это прекрасный результат.

«Нет. Медленнее, прошу.»

Только это и разобрал Эллион.

Эллион взял со стола лист бумаги, поднёс к лицу, глядя на просвет. Опустил и посмотрел на Лайона. Старейшина сидит за столом сложив ладони шалашиком и смотрит на курьера. Свет из окна бьёт ему в спину. В кабинете только они, снаружи дожидается Тишь и Роан.

— Всё-таки вести парня в долину? — Вздохнул Эллион.

— Ты против?

— Нет, но я не понимаю, какую пользу делу Илмира это принесёт.

— Скажем так, потенциал большой. Нужны ещё объяснения?

— Нет. — Курьер сдержанно поклонился. — Какие сроки?

— Не больше года. В остальном... неважно, главное сохрани «посылку» в целости.

Ещё один поклон.

— Что делать с девочкой?

— Она выразила желание пойти с вами. — Вздохнул старейшина. — Так что решай сам. Я не собираюсь держать её против воли.

Брови курьера взлетели на середину лба. Технически и он не имеет права запрещать немой следовать за ним. Нет ни одного предписания, запрещающего спутников... просто, так не принято. Это не неправильно, но ощущается, как злостное нарушение.

— Пока ты здесь, посети курьерскую и возьми всё, что посчитаешь нужным.

— Для себя?

— Здесь только ты курьер.

Курьерская представляет собой широкую келью без окон. В дальнем конце заправленная койка, стол и стул. Одну стену занимает стенд с оружием и шкаф с одеждой и полка обуви различных размеров. Эллион повёл пальцами по рукояткам ножей различной длины, топорикам, стилетам, коротким мечам и кастетам. Дубинки из твёрдых пород и окованные бронзой, шнуры из шёлка и совсем уж дивные экземпляры.

В шкафу нашёлся подходящий плащ, плотная рубашка и штаны. Эллион переоделся, закрепил на предплечьях матовые наручи, проверил, как сидят наколенники. Лёгкие, будто бумажные, они всё-таки могут спасти ногу. Тем более, голени защищает крепкая полоса брони, копирующая вид древних доспехов. Движений не сковывает. Лёгкие башмаки сменили массивные подкованные ботинки, с подошвой мягкой и непривычно тонкой.

Курьер взял со стены пращу, ремень с метательными ножами, каждый не больше пальца в длину. Оружие довольно бесполезное, если не уметь пользоваться, а Эллион может считаться мастером среди мастеров. Каждый нож щеголяет медной полосой на тыльной стороне, вместо второго лезвия. С первого взгляда деталь скорее бесполезная, но это позволяет блокировать удары не опасаясь, что вражеский клинок соскользнёт.

Короткий меч, скорее декоративная деталь, отпугивающая дураков, занял место у левого бедра. Настоящее оружие осталось, как всегда, неприметным. Эллион сжал кулаки, медленно разжал и с сожалением потёр правый рукав, лишившийся красной ткани.

Он всё ещё курьер Илмира, но миссия диктует правила. Ему придётся скрывать свою принадлежность, во избежание кривотолков, по настоянию старейшины. Что ж, в этом случае он может сойти за отца с детьми, перебирающегося в осколок поспокойней. Может

быть, даже к тёплому морю, тем более долина рядом.

Эллион повёл плечами, сгорбился и преобразился в замученного жизнью крестьянина-беглеца. Каких множество курсирует от осколка к осколку. Есть риск нарваться на патруль, но... Эллион коснулся бумаги, спрятавшейся в нагрудном кармане. С этим это не проблема.

В коридоре загремел голос Роана, ему ответил сухой женский голос. Следом раздался характерный шлепок по ладони, парень охнул и умолк.

Поразмыслив, Эллион взял мешочек стеклянных шариков, прозрачных, как горная вода. Спрятал в кармашек на плаще и опустил на колени для молитвы.

Рона трясёт кистью, стараясь не смотреть илмиритку, что картинно поигрывает стеком из дерева и кожи. Та грозно сдвинула брови к переносице и следит, чтобы гость не посмел потянуться к дверной ручке. Ведь за дверью находится курьерская, а вход туда позволен только курьерам Илмира! Непосвящённый осквернит святое место!

— Я просто хотел узнать, когда он выйдет. — Прошипел Роан, растирая покрасневшую кожу.

За спиной илмиритки беззвучно смеётся Тишь. Она делает это накрыв рот левой ладонью, а правой складывая знаки, по всей видимости, обозначающие смех. После купания и причёсывания её можно даже назвать красивой. Волосы стянуты в короткий хвост, а на лбу перехвачены серой лентой. Одежда выстирана и, вроде как, подшита по фигуре. Глаза сверкают жизнью, а в их уголках собрались тонкие морщинки, от вечной улыбки.

Так и не скажешь, что некто вырезал ей язык.

Неожиданно для себя, Роан ощутил жгучую ненависть к выродку, что искалечил Тишь. Пальцы скрючило от острого желания вырвать ему язык через зад или рассечённое горло. В последнем случае можно попробовать повесить за язык.

Роану стоило огромных усилий отвести видения кровавой расправы. Нет толку от пустой ярости. Он никогда не встретит этого человека, а гнев имеет противное свойство изливаться на ближайших.

Интересно, а какой голос был у Тиши? Наверняка звонкий, как серебряный ручей, а смех заразительный и мелодичный. Роан отвернулся от девочки, поймав себя на том, что почти пожирает её взглядом. Зажмурился. Если... нет, нет... КОГДА он станет королём, первым указом велит вешать работотворцев.

Дверь отворилась и в коридор лёгкой походкой вышел Эллион, облачённый в дорожный плащ. Илмиритка разом забыла про Роана и низко поклонилась, светясь от счастья, будто увидела святого.

— Господин! Всё готово для вашей доставки!

Под «всё» имелось в виду три рюкзака и низкая, лохматая лошадка, груженная остальными вещами. Роан решил, что ему, как будущему королю, стоит взобраться в седло. Однако Тишь обогнала, схватилась луку и взлетела на спину лошадки. Села по-женски, свесив ноги на одну сторону. Выпрямила спину и горделиво осматривает двор крепости. Эллион прошёл мимо, ухватил поводья и направился к распахнутым настежь воротам.

Здравствуй, дорогой читатель. Если тебе нравится моё творчество и есть возможность, прошу, поддержи любой суммой. На дворе 15 число, осталось пять дней, а необходимой суммы собрана едва ли половина. Что ужасает меня и вгоняет в панику.Сбербанк: 4274 3200 6585 4914ВТБ: 4893 4703 2857

**3727Тинькофф: 5536 9138 6842 8034YooMoney: 4048 4150 1190 8106
(карта)QIWI: 4693 9575 5981 6777 (карта)**

Они покинули крепость писцов за час до полудня, под рабочую песню. Тишь идёт пританцовывая и норовит сунуть нос в каждый куст, как игривый котёнок. Роан мизинцем массирует шрам, прощупывает повреждённые и плохо сросшиеся тонкие мышцы. Свет бьёт им в спины и на безоблачном небе угадывается крохотный кружок Старшей. Курьер шагает в спокойном монотонном темпе, который позволяет идти сутки напролёт.

Древняя дорога то разрезает лес, то уходит под рыхлую почву с отчётливыми отметинами колёс. Меж плоских камней пробиваются пучки трав и вездесущие одуванчики, жёлтые, как цыплята. Ветер лениво скользит над кронами, лишь изредка опускаясь, чтобы дунуть в затылок.

Роан всё крутит в голове обещание данное старейшине Лайону. Стать королём и объединить все Осколки! Да... это он лихо заявил, теперь стыдно и страшно. Ведь илмириты не соседские девки, на которых можно сколько угодно обещать свадьбу, а они и рады верить. Эти спросят, стрясут должок!

Запоздалый страх и осознание грядущих последствий сковывают колени. Внутренний голос стенает, а ему отвечает значительно ужавшаяся решимость. Ведь он всё равно собирается убить короля! А все правители осколков спят и видят, как объединяют расколотую империю. Вот и он будет пытаться...

А что, если Мардок не выберет его?

Мысль прошила сознание ледяной молнией. Парень запнулся и чуть не сшиб Тишь. Девочка пружинисто отпрыгнула, глянув на него озадаченно и слегка испуганно. Роан виновато улыбнулся, точнее, попытался улыбнуться. Мышцы лица не подчинились, только веко сдвинулось на толщину волоса. Немая сделала жест левой рукой, нагнала Эллиона и принялась сноровисто дёргать пальцами, складывая фигуры разной степени знакомости.

— Далеко. — Ответил курьер, с трудом разбирая «слова» спутницы.

Девочка обучается поразительно быстро, но пройдёт год или два, прежде чем с ней можно будет провести полноценную беседу. Пока только короткие слова, которые нужно расшифровывать и додумывать.

«Идти. Время. Ноги.» — Спросила Тишь, указывая на дорогу и глядя щенячьими глазами. — «Красиво?».

— Да, будет много красивого. — Кивая, ответил Эллион, умалчивая, что страшного и тяжёлого будет больше.

На обочине щедро рассыпаны белые цветы с острыми лепестками и почти прозрачным стеблем. Роан остановился у одного, разглядывая диковинку.

— Это что такое? — Наконец, спросил парень.

— Лунница. — Сказал курьер, даже не глядя на цветы. — Вырастают после танца, бывают красивые, но сорняк беспощадный. В былые времена у крестьян была поговорка «Взошла лунница — начинай плакать».

— Почему?

— Рядом с ним пшеница не растёт. Совсем. Кажется, он выбирает из земли что-то нужное ей или попросту «убивает» семена.

— Как? — Выдохнул Роан, разворачиваясь и торопясь за курьером.

— Никто, пока, не знает.

Тишь издала звук похожий на вскрик с кляпом во рту, отскочила от кустов. Эллион в мгновение оказался рядом, придержал за плечи, не давая запнувшейся девочке упасть. Передал подоспевшему Роану, парень успел выхватить меч и прижал трясущуюся спутницу к себе левой рукой.

Едва уловимый смрад кольнул ноздри, Эллион нахмурился и сдвинул ветви куста. Свет упал на искажённое лицо, похожее на оплавившийся воск, покрытое слоем слизи. Кажется, что мертвец ухмыляется, вывалив чёрный язык.

— Что там? — Осторожно спросил Роан, поглаживая девочку по затылку.

— Ничего опасного. — Вдохнул курьер, отходя и отряхивая ладонь о штанину. — Последствия Танца. — Что-то поймало беднягу, но не успело утащить под землю.

— Та огромная кошка?

— Нет, то был просто зверь.

Эллион резко обернулся на шорох в кустах с другой стороны дороги. Ладонь хлопнула по поясу с ножами и... застыла. Из густой листвы торчит лисья мордочка, животное с опаской наблюдает за людьми и дёргает носом.

— Никогда бы не подумал, что Танец может быть таким страшным. — Пробормотал Роан. — А ведь я любил эти празднества... Особенно в месяц Обновления...

— В городах он действительно красивый. Особенно если артисты выступают хорошие. — Кивнув, ответил Эллион и улыбнулся. — Я однажды видел, как два акробата перелетели через всю площадь в Алтазе. Да ещё вертись, как бешеные белки.

— О! У нас такие тоже выступали! — Закивал Роан, невольно проваливаясь в детские воспоминания.

...Акробаты, тощий парень и болезненно худая девочка, держась за руки, летят над изумлённой толпой. Волосы девочки развиваются густым шлейфом, будто в толще воды...

— Красиво было!

— Да, жаль редко удаётся посмотреть выступления. — Вдохнул Эллион и на миг в голосе проскользнуло искренние сожаления, будто и он сам хотел выступать в ночь Танца.

Роан покосился на спутника. А ведь он и правда мог бы. Пусть не так, как молоденькие акробаты, в которых веса не больше, чем в кошке, но достойно.

— Ну, может, выпадет шанс. — Успокоил Роан, силясь выдавить хотя бы намёк на улыбку из парализованного лица.

— Что?

— Ну... это... мне показалось, что ты хотел бы и сам... вот...

Эллион несколько секунд смотрел ему в глаза, а затем рассмеялся, хлопнул парня по плечу и кивнул на дорогу.

— Пошли.

Стоило им удалиться, лиса выбежала из кустов, воровато оглядываясь пересекла открытый участок и юркнула в заросли с мертвецом. Чуткое ухо уловило довольное фырканье, Эллион не стал оглядываться.

На привале Роан принялся упражняться с мечом, атакуя воображаемого противника. Тишь отошла в сторонку и рыщет в траве, как торгош потерявший грош. Курьер развёл костёр и разогревает котелок с водой, набранной в ближайшем ключе. Когда вода начала закипать, достал мешочек и сдержанно сыпнул горсть порошка, похожего на муку. Добавил соли и сушёных трав. Роан вздрогнул, учуяв густой аромат мясной похлёбки, изумлённо оглянулся

на курьера. Тот методично перемешивает булькающее варево, успевшее загустеть и сменить цвет на аппетитно желтоватый, как куриный бульон. Даже Тишь отвлеклась от поисков и поторопилась к костру.

— Это какая-то магия Илмира? Как и палатка? — Спросил Роан, утирая пот со лба тыльной стороной ладони и слясь сдержатъ рычащий от голода желудок.

— Нет, просто мясной порошок. — Пояснил Эллион, попробовал похлёбку на вкус и довольно прицокнул. — Берётся мясо, высушивается и перетирается. Может это не так вкусно, но зато не портится и носить с собой можно большой запас.

— По запаху очень вкусно!

— Да, — вздохнул курьер, — капусты бы или картошки. А лучше и то и то, да с перцем!

— Ты ещё и кулинар?

Брови Роана подпрыгнули на середину лба, а пот скользнул по ним к вискам. Пара капель злорадно угодила в уголок глаза, и будущий король зашипел, сгорбился, слясь вытереть их фалангой согнутого пальца.

— Ну, а что? Должно же быть у меня хобби? Илмир велит не зацикливаться, но давать духу отдохновение в другой деятельности.

Если вам нравится моё творчество, прошу, поддержите рублём. Сейчас это необходимо, как никогда. Сбербанк: 4274 3200 6585 4914 ВТБ: 4893 4703 2857 3727 Тинькофф: 5536 9138 6842 8034 YooMoney: 4048 4150 1190 8106 (карта) QIWI: 4693 9575 5981 6777 (карта) Я надеюсь на вас =) Ну и на решение суда, которое прекратит мои страдания, но увы, в лучшем случае это будет только 5 июня.

Воздух тягуч и напоминает горячий кисель, даже обычно юркие комары в нём будто плавают. Лес молчит и с вершины холма слышно, как внизу потрескивают камни дороги. Будто они не в сердце континента, а в самой глубине Стекло́нной Пустыни! Ризар Красный лежит на расстеленном плаще и задумчиво жуёт травинку. Иссечённое шрамами лицо от солнца прикрывают сплетения ветвей кустарника. Безрукавка распахнута, выставляя напоказ волосатую грудь.

Остальная шайка лежит молча, усиленно вглядываясь в дорогу и вслушиваясь. Дозорные подадут условный знак, соловьи́ную трель, когда заметят добычу. Но они молчат весь день и Ризар медленно закипает. Это явственно читается в кривизне губ и злобному блеску глаз.

Сегодня кто-то будет убит.

Среди Шайки ходят слухи, что атаман тайный жрец Аргантоса. Одни считают их чистой правдой, другие бредом, ведь каждый преступник, по сути, жрец бога преступлений. Каждый проступок, есть молитва и подношение божеству тёмных подворотен. Однако, даже среди отъявленных мерзавцев есть люди идейные. Жрецы. Они не афишируют этого, ведь жрец есть сосредоточие культа, культ порождает общину, а община, закон. Чего Аргантос не приемлет ни в каком свете. Жрецы Преступного бога творят преступления не ради наживы, а ради самого факта.

Если бы в обществе преступлением была кротость и миролюбие, без сомнения, они были бы самым кроткими и миролюбивыми отморозками из всех.

Ризар Красный поскрёб полустёртую татуировку под мышкой, символ жреца, который знают только другие жрецы. Перевернулся набок и затуманенным взглядом оглядел позиции сообщников. Он не совершал преступлений уже несколько дней, считай с самого Танца. Так недолго недолго и милость Аргантоса утратить. Ничего, сегодня стража не выехала на разъезд, посчитав, что лесные твари угомонились после пляски лун. Часть распустили по домам, осталась только постовая служба.

«Может убить кого из них?» — Подумал Ризар, касаясь рукояти ножа, «подарка» от беженца из Стекло́нной пустыни. Да, это могло бы решить проблему, но только беда в том, что убийство разбойника не преступление. Как минимум придётся надругаться над убитым, чтобы нарушить, хотя бы, законы морали. Да и свои действия придётся объяснять. Увы, разбойники, вопреки воле Аргантоса, как и все простые люди, стремятся к упорядоченному поведению. Так что потребуют доказательств вины убитого, а после начнут попытки зарезать самого Ризара. Что является омерзительнейшим проявлением первичной законности, но в то же время и преступлением против воли Аргантоса.

Ризар поскрёб подбородок, выбритый до синевы, ноготь среднего пальца царапает кожу плохо срезанным краем. Разум, спасаясь от скуки ожидания, уцепился за сей парадокс. Если эти бандиты совершат преступление против воли божества, то это порадует Аргантоса или нет? С одной стороны, они проявили стремление к закону, с другой, совершили преступление. Очень интересно, ведь если он убьёт преступника, то оскорбит Аргантоса точно, так как послужит торжеству Закона.

— Хм... — Протянул Ризар, безучастно смотря перед собой и не видя ничего, полностью погруженный в абстрактный мир философских идей.

— Что такое, атаман? — Спросил помощник, славный малый с заячьей губой.

Главарь моргнул, медленно повернулся, сверкая холодной ртутью глаз. Помощник сжался, став похожим на плешивую крысу с городской помойки. Этот взгляд ему знаком, вожак так смотрит перед тем, как кого-то убить и очень уж не хочется быть тем, кого он проткнёт ножом.

— Я задумался. — С лёгкой улыбкой ответил Ризар, перескакивая краем сознания на мысль, почему в разбойниках полно физических уродов.

— О чём? — Пискнул помощник.

По тонкому лицу сбегает жирные капли пота и уже совсем не из-за духоты. Улыбка Ризара стала шире, сверкнули крупные зубы цвета выбеленной на солнце кости.

— Да как всегда, о бабах. О чём ещё думать мужику?

— Да-да... я тоже о них постоянно думаю! Скоро в город?

— Ага, подождём ещё пару часов. Не хочу совсем без добычи уходить.

— Да-да, атаман... пойду, обрадую парней.

Помощник торопливо удалился к остальным, Ризар проводил его взглядом. Всё-таки это внешность послужила причиной становления разбойником или сама преступная сущность исказила лицо? С точки зрения обывателя, второе более вероятно. Красавцы воспринимаются добрыми, они широко улыбаются, громко смеются и смотрят в глаза. Пока уроды вообще стараются не попадаться на глаза, что воспринимается, как подготовка к подлости. Вот только Ризар знал невыносимой красоты людей, чьи преступления сделают славу и жрецу Аргантоса. И всё же, разбойники сплошь уроды, как в физическом, так и в моральном плане.

«Да, пожалуй, в городе парочка из них решит обратиться к страже, и тогда я убью их, и пару стражников.» Решил Ризар, поглаживая рукоять ножа, заткнутого за пояс. «Ведь не может быть преступления перед волей бога-преступника, даже сама мысль об этом может считаться ересью.»

Губы жреца исказила кривая улыбка и тут тягучий воздух разрезал соловьиный свист. Разбойники зашевелились, подобрались до рези в глазах, всматриваясь в дорогу. Поворот плывёт в зыбком мареве, будто призрак из детских сказок. Постепенно стала различима тонкая фигура в лёгком плаще, спасающем от палящего солнца. Женщина! Ризар широко улыбнулся, преступления против женщины самые сладкие. Ведь изнасилованная может родить, а такой бастард почти готовый преступник. Общество Закона само подтолкнёт его к Аргантосу. Какой прекрасный парадокс.

Женщина приблизилась и стала видна красная повязка на левой руке. Разбойники притихли, признав служителя Илмира. Атаман нахмурился, но, выхватив нож, двинулся наперерез. Покатый склон ложится под ноги, растоптанные сапоги приминают изумрудную траву, а из той скачут огромные кузнечики.

Илмиритка остановилась у подножия холма, сложила руки на груди. Довольно крупной, стоит заметить. Тонкая шея, вздёрнутый подбородок и изящное лицо с острым носом и огромными глазами цвета коры дуба. Чёрные волосы окаймляют лицо и свободно ниспадают на плечи.

— И что такая красотка забыла у Илмиритов? — Проворковал Ризар.

— Ризар бен Райк? — Сухо спросила курьер.

— О, я знаменит?

— Не более чем любой другой жрец.

— Хм... значит, ты ко мне?

Ризар вскинул руку и разбойники, начавшие спускаться, остановились жадно ощупывая взглядами женщину. Илмиритка кивнула, глаза у неё холодные и с такого расстояния цветом скорее напоминают мёрзлые каштаны.

— Для тебя послание и заказ. Устное, естественно.

— Хм... слушаю.

— Убей Роана эль Сквана.

— Зачем мне это?

— Деньги, которые ты получишь в храме полиса Лаконис. Пять тысяч золотых монет.

— Я тебя внимательно слушаю, дорогая.

Эллион остановился на границе тракта, задумчиво оглядел древние камни и гранитный столбик с едва читаемой меткой. Ветер играет ветвями над головой курьера, позади стоят Роан и Тишь. Девочка мнёт в ладошке сорванный листок, похожий на кувшинку. Пальцы окрашиваются зелёной массой, а её девочка растирает по предплечьям, будто рисуя. Роан косится на неё, но молчит, слишком усталый для любопытства.

Курьер вышел на дорогу, огляделся. В ширину два десятка шагов, она убегает в обе стороны прямая как стрела. По древней легенде один из императоров, на совете о строительстве, устал слушать инженеров и просто провёл полосу по линейке. Именно поэтому тракт прошивает густые леса, болота и холмы насквозь. Будто след божественного огня. Правда же прозаична. На этом участке иначе строить было нельзя. Священные рощи, алтари божеств, чья земля неприкосновенна и «не застраиваемые» территории вроде водоносных рек. Инженеры древности пошли кратчайшим путём, проложив прямую линию меж границ этих зон.

— Когда привал? — Спросил Роан и торопливо добавил. — Тишь устала.

Девочка оторвалась от смазывания рук и озадаченно вскинула бровь. Курьер не оборачиваясь покрутил двумя пальцами над плечом, поднял лицо к небу и сощурился. Солнце завалилось за зенит и в пронзительной сини отчётливо проступает Старшая Сестра, по размеру схожая с крупным яблоком. Эллион извлёк из складок плаща медный механизм с откидной крышкой, отщёлкнул её большим пальцем. На солнце сверкнуло круглое стекло, а под ним Роан разглядел несколько стрелок, смотрящих в разные стороны. Эллион подвигал рукой, хмыкнул и спрятал механизм.

— Сейчас.

Роан со вздохом облегчения опустился на землю, вытянул ноги и опёрся о путевой столб спиной. Тишь пожала плечами и принялась вытягивать из рюкзака провиант: полоски сушеного мяса, орехи и краюху чёрного хлеба с семенами. Эллион достал бурдюк, в который перед путешествием бросили серебряный кубик, и протянул парню. Тот благодарно кивнул и сделал большой глоток, поморщился. У воды из бурдюка, несмотря на серебро, характерный привкус мокрой кожи, едва заметный, но всё же. Затем парень со стоном потянул сапоги, нога вышла с натугой, нехотя, как улитка из панциря. Красная и распаренная от долгой ходьбы по жаре. Подошва заметно пошатывается, несколько гвоздей из неё пропало. Некогда красивый рант лопнул на сгибе, а кожа красуется глубокими складками.

Однако, что хуже всего, Роан нащупал на пятке и у основания пальцев пухлые пузыри волдырей. Эллион озадаченно воззрился на «груз».

— Что такое? — Раздражённо выдохнул парень.

— Где твоя портянка?

— Что? Я благородный! Я ношу носки!

— Ага, хорошо, где они?

— Ну... — Роан замялся, отвёл взгляд. — Когда мы прибыли в крепость они уже порвались, и я их выкинул, а новые взять негде.

— И ты решил, что и босиком хорошо?

Брови курьера вскарабкались на середину лба, а рот приоткрылся, кривясь не то в изумлении, не то в шокированном признании. Тишь оторвалась от раскладывания еды на

плотном куске ткани, повернулась к ним. Подняла руку складывая пальцы и опустила, осознав, что делает что-то не то. Задвигала бровями и нахмурилась, позабыв о еде, принялась составлять знаки языка немых.

— Всё равно жарко, — выдохнул Роан, — а в носках вообще было невыносимо.

— Вот как? — Пробормотал Эллион, судорожно прикидывая, насколько удлинится поход из-за такого вот бравого воина и будущего короля. — А волдырём ходить стало проще?

— Да сейчас проколю и нормально будет.

Тишь, перебравшая несколько комбинаций, отчаянно мотнула головой и хлопнула в ладоши. Мужчины повернулись, и девочка ткнула в Роана, пальцами показала «Нет» и развернувшись гордо зашагала в лес.

— Чего это она? — Спросил парень.

— Не знаю. — Пробормотал Эллион.

Курьер опустил на землю рюкзак и порывшись достал запасные портянки из белой ткани. От одного вида которой у Роана зачесались стопы.

— Завязывать умеешь?

— Нет...

Тишь вернулась когда Роан в сотый раз наматывал портянку на ногу под чутким надзором Эллиона. Курьер стоит сложив руки на груди и изредка оглядывается по сторонам, вдруг кто едет. Тракт пуст и кажется будто кроме них в мире вообще нет людей. Курьер смутно припоминает разговоры о пограничных потасовках двух полисов и возросших пошлинах за использование тракта. Может статься, что ныне по древней дороге будут ходить только богатые караваны, которые ценят скорость или везут быстро портящиеся товары. Купцы поменьше будут искать обходные пути, а путники во время войны на тракт носа не суют. Есть риск нарваться на разъезд врага или просто лихих вояк неважно какой стороны.

Тишь грозным мычанием вынудила Роана развязать только наложенную портянку и щедро намазала стопу смесью из трав и ягод. Ткнула в ногу пальцем и указала на небо, затем постучала предплечьем о предплечье у самого носа Роана. Как бы намекая, не беспокоить нанесённую мазь. Парень кивнул и быстро глянул на курьера, тот покачал головой.

— Пусть заживает, девочка явно понимает в лечении. Давай, помогу встать.

— Зачем?

— Нужно отойти обратно. Отдохнём и утром пойдём дальше.

Малый лагерь разбили в тени раскидистого дерева с острыми листьями, похожими на острия копий. Роан сидит на толстом корне, положив ноги на соседний и задумчиво жуёт солонины, отрывая мелкие куски зубами. Эллион и Тишь практикуются в языке жестов у ямки с костром.

Ступни покалывает приятным холодком, а вот волдыри набухли сильнее и будто умоляют проткнуть их. Однако стоит Роана потянуться за ножом, как от костра грозно мычит Тишь. Парень вздыхает и возвращается к тяжёлым мыслям о будущем. Действительно, почему он не взял портянки? Хороший из него будет правитель, ничего не скажешь. Сегодня себе ноги натёр, а завтра загубит осколки какой дурью.

Ночь выдалась тихая, далеко в чаще гулко ухает сова, ветер шелестит листьями. Эллион прикусил губу. Задержка в полдня! Весь выстроенный в уме график летит в бездну! Что ж, сам виноват, надо было проверять мальчишку. Откуда у дворянского сына взяться знаниям

о далёких переходах? Он даже воином не был, думает что война это драки на мечах, толпа на толпу. Нет, война это долгие и изнурительные марши, работа лопатой и топором лесоруба. Вырыть ров, обустроить временный лагерь и так каждый день. Смертоубийство это меньше одной сотой от всех тягот жизни воина.

Ухо уловило цокот копыт на тракте и глухие голоса. Эллион покосился на спутников. Роан спит на животе, положив руки под голову. Тишь свернулась клубком у ямки костра и посапывает, как котёнок. Голоса приближаются. Курьер тенью скользнул в заросли, прокрался к тракту и залёг под кустом, накрыв лицо ладонью, вымазанной в соке трав и грязи.

По дороге медленно скачет отряд из семи мужчин. Всадники по бокам освещают обочину фонарями, прикладывают ладони к ушам.

— Ну и где они?

— Должны быть тут! Трое пеших ведь, мужик и два ребёнка. Наверняка по тракту пошли и привал устроили.

— А может, дальше в лес ушли?

— Не... им не туда. К полуночи нагоним, не бойся.

— Угу, хотелось бы...

Луч света упал на куст, под которым затаился Эллион и тот задержал дыхание, прикрыл глаза. Разведчик проехал мимо, а за ним весь отряд и пока голоса не удалились достаточно, мужчина лежал не дыша. Затем медленно выдохнул через нос и проводил их взглядом.

«Мужчина и трое детей. Очень интересно.» — Подумал Курьер, ползком пятясь. — «Маршрут могли знать только писцы, как и состав группы. Очень интересно.»

Эллион сел на корточки и чертит прутиком на пыльной земле. Роан и Тишь устроили привал в густой тени дуба в стороне от тракта. Девочка вынудила парня перевязать ногу и снова нанести мазь. Прутик вычерчивает плавные линии, что складываются в подобие карты. За последние два дня путники трижды пересеклись с ищущими их людьми. Все три раза курьер успевал спрятаться и молча наблюдал.

Нет никакой возможности, чтобы их могли выследить люди короля. Даже если они использовали магические метки, все они исчезли после Танца. Магия способная пережить схождение лун не по карману мелкому правителю полиса и вообще смертным. Слежки за ними тоже нет, он бы заметил ещё в первый день. Однако, чутьё подсказывает, что скоро встречи с преследователями будут чаще. В самой охоте за курьером нет ничего нового, при доставке документов и писем случается частенько, особенно в случаях войны между осколками или перед ней. Тревожит только частота встреч. Врагов направляет некто, кто прекрасно знает повадки Эллиона, отправную и конечную точку маршрута.

Другой служитель Илмира.

Курьер зажмурился и выдохнул через стиснутые зубы. Зачем брату или сестре мешать ему? Причин нет. Вывод: дело в «грузе». Парень или девочка? Про Тишь неизвестно ничего, кроме того, что она ни разу не видела дорог и отличная травница. Роан поклялся восстановить империю и предоставить илмиритами особые условия.

Эллион обернулся на протяжный стон, Роан откинулся спиной на ствол дуба и блаженно закатил глаза, пока Тишь наносит на стопы свежую мазь из листьев и чёрных ягод. Молодой, лицо почти детское, если не обращать внимания на шрамы, под носом «пушок», который молодняк гордо зовёт усами. На подбородке две волосины и столько же на щеках. Будь он трижды благородный, с чего старейшине писцов верить словам юнца? Молодёжь горазда на громкие заявления, но цена им пыль на ветру. Вывод: у старейшины иные причины или идёт подборка кандидатов. Первый вариант можно отместить из-за незначительности выгоды и отсутствия сентиментальности. Остаётся только «конкурс» на титул императора.

Кто мог послать перехватчиков? Конкуренты? Нет. Вряд ли у них есть такие полномочия. Значит, есть некто не желающий восстановления империи. Кто-то достаточно влиятельный и осведомлённый.

— Хватит! — Взмолился Роан, шевеля пальцами ног и силясь отползти от Тишь. — Я боюсь щекотки!

Лицо при этом осталось мраморной маской с холодными глазами. Эллион проследил за ним, сами по себе глаза не могут ничего выражать, всё, что люди принимают за «выражение», это работа крохотных мышц вокруг них. У парня с этим большие проблемы, Эллион не раз наблюдал, как он «рисует» эмоции на лице двумя пальцами. Если не знать этой особенности, то Роана можно принять за хладнокровное чудовище.

Вернувшись к наброскам карты, курьер провёл черту между двумя петлями дороги. Здесь можно срезать и скинуть с хвоста преследователей. Если уж враг знает его методы, то явно отослал наёмников по всему маршруту. Может, даже соглядатаев... что ж, пока возможности неизвестны, стоит считать врага могущественней императора.

Может быть он работает на Сианский Союз Королевств, что раскинулся за пустыней?

Сианцы спят и видят, как прибрать Осколки к рукам, но большая армия пустыню не перейдёт, а береговая линия прекрасно укреплена. Эллион мотнул головой и провёл ладонью по лицу, незачем забивать голову. Задача, довести парня в долину божества войны. Курьер поднялся, подошвой затёр рисунок и вернулся к дубу.

Роан успел замотать одну стопу в портянку и взялся за вторую, под чутким надзором Тишь. Солнечный свет пробивается через крону и ложится на грудь и плечи парня золотыми пятнами, что будто живут собственной жизнью. С высокой ветви за людьми наблюдает чёрная белка.

— Завязывай лучше, сегодня идём через лес. — Сказал Эллион, подхватывая рюкзак с земли и указывая рукой на чашу через дорогу.

— А разве так не дольше? — Изумился парень.

— Нет. — Соврал Курьер.

Срез только кажется коротким, но это путь через лес, полный оврагов и мягкой земли, что замедляет до улиточных скоростей. Всё-таки идти по мощёной дороге несравнимо быстрее.

— Ну... ладно, ноги вроде зажали. — Пробормотал Роан поднимаясь. — Может ещё поохотимся? Я устал солонину жрать...

— Может быть. — Кивнул Эллион. — А может, купим свежего мяса в ближайшей деревне. Всё может быть.

Мягкая земля укрыта упругим ковром лесного мусора. Над головой птицы соревнуются в песнях, мелькают пёстрые крылья. В густых зарослях малины громко фырчит ёж. Чёрные муравьи деловито снуют туда-сюда в поисках добычи, а за деревьями угадывается кучка муравейник. Пахнет сочной зеленью и смолой. Эллион шагает размеренно, экономит силы, Роан неосознанно копирует походку старшего, а Тишь снуёт туда-сюда, как бешеная белка. За малым на деревья не карабкается.

Дорога осталась позади, а вместе с ней рыщущие наёмники. Солнце неумолимо карабкается к зениту, затмевая крошечную Старшую Сестру. Сегодня ночью должна показаться Младшая. Если принюхаться, то можно уловить едва заметный аромат бегущей воды. Значит, сегодня вечером они сварят похлёбку в котелке, и это будет прекрасным завершением дня.

Эллион остановился.

Роан почти налетел на курьера, а ему в спину уткнулась зазевавшаяся Тишь. Высунулась, ухватив парня за руку, и огляделась. Звериную тропу, по которой они шли уже который час, преграждает человек. Лысый, с золотой серьгой в левом ухе и широкой улыбкой убийцы. Одет в серую рубаху с закатанными рукавами и глубоким воротом, плотные штаны и прошитые башмаки с твёрдым носком. В правой руке держит широкий палаш.

— О, смотрите, кто к нам пришёл! — В притворном удивлении выдохнул незнакомец, оглянувшись за спину. — А вы говорили, он тут не пойдёт! Всё, как было указано!

Роан схватился за меч, глядя поверх плеча курьера, оттеснил Тишь за спину. Разбойник склонил голову, разглядывая парня и будто игнорируя мужчину, оскалился, как бешеная крыса. Эллион жестом приказал успокоиться «посылке», сказал, глядя в глаза врагу:

— Дай нам пройти.

— Ну, ты можешь проходить, а вот парень нет. Ну... и девка тоже. Рябому как раз такие молодухи нравятся.

На звериную тропу из-за деревьев с гоготом выходят кряжистые мужики в звериных шкурах и протёртых штанах. Ухмыляясь, поигрывают дубинками, у одного настоящий цеп с чугунным шариком. Чудовищное оружие, способное убить даже рыцаря в полных латах.

— Тебе сказали, где мы будем идти, но не сказали кто я?

— А кто? — Разбойник издевательски вскинул бровь. — Побегушка, знамо. Да, говорят вы мастаки руками махать, да нас тут десять человек и мы тоже, знаешь ли, мастаки.

Эллион медленно сунул руку под плащ и достал тугой кошель, большим пальцем оттянул шнурок и солнечный луч отразился от золотых монет.

— Предлагаю золото и мы пройдем мимо. Это лучшее решение, никакой драки и вы при деньгах.

— Хм... — Протянул разбойник, потирая подбородок и оглядываясь на товарищей. — Заманчиво.

— Лучшее решение. — Спокойно добавил Эллион.

Лысый постукивает палашом по бедру, в крысиных глазках отражаются монеты, а губы растягивает улыбка.

— Действительно, лучшее. А что, Аргантос будет рад, мы ведь совершаем преступление «предательство» в отношении заказчика!

Кошель плюхнулся в протянутую ладонь, разбойник шутовски поклонился и отступил с тропы, остальные нехотя последовали примеру. Эллион, не глядя на «груз», махнул кистью и Роан с тревогой, продолжая стискивать рукоять меча, двинулся по тропинке. Разбойники посмеиваются, указывают пальцами на Тишь, рябой показательно облизывает губы.

— А знаешь, — сказал Лысый, когда Роан поравнялся с ним, — обман то же хорошее преступление.

Палаш вспорол густой воздух, парень вскрикнул, пытаясь отскочить и понимая, что не успеет... Ботинок ударил в кисть снизу, рука веточкой подлетела над головой лысого. Эллион коротко ударил сжатыми пальцами в кадык, как ткнул мечом. Разбойник издал звук похожий на всхлип и начал заваливаться на спину. Палаш выскользнул из ослабших пальцев и подлетев приземлился в ладонь курьера.

Кто-то заорал, разбойники разом пришли в движение. Роан успел выхватить меч и прыгнуть в кусты, увлекая Тишь за собой. Эллион, схватив палаш, крутанулся на месте и метнул клинок. Разбойник с цепом сложился пополам, зажимая меч торчащий из солнечного сплетения и глухо завывая.

— Восемь. — Шепнул Эллион.

На голову обрушилась дубина, но курьер плавно ушёл в сторону, ударил раскрывшегося в ударе татя. Напарник, готовящийся налететь на строптивую добычу, вскрикнул в ужасе. Указательный палец по фалангу погрузился в висок. Крикуна плечом оттолкнул громила с

плотницким топором, его обогнали ещё двое. Разбойники окружают курьера, как волки тигра.

Эллион мягко отпрыгнул, сгорбился, оглядывая врагов из-под приспущенных век. Без страха, без какого-либо намёка на эмоции. С указательного пальца капает густая, почти чёрная кровь.

В каждой драке случается краткий момент спокойствия, когда враги вновь оценивают силы. Увы, это именно «миг».

Разбойники бросились разом, а Эллион отскочил за дерево, побежал, увлекая за собой и стараясь вырваться из окружения.

— Кончай его! — Вопит кто-то. — Парня догоним потом!

Самый быстрый нагнал, замахнулся, метя дубиной в затылок. Курьер на бегу прыгнул на дерево, пружинисто отскочил и обрушился на опешившего врага. Колени ударили в грудь, а распахнутая ладонь в нос. Смачно хрустнуло и промялось, мужчина умер прежде чем упал на спину. Следом в Ночь отправился бежавший за ним, курьер в прыжке схватил за горло и рванул, круша гортань. Последнее, что он услышал, ледяной шёпот:

— Пять.

Дубина обрушилась на плечо, курьера упал на землю и сразу вскочил, перекатившись через голову. Потёр повреждённое место, разбойник оторопело взглянул на оружие. Кости обязаны были хрустнуть! Мгновение и курьер оказался нос к носу с ним, холодные глаза и два пальца устремившиеся к лицу.

Разбойник вереща рухнул на колени, зажимая опустевшие глазницы.

Оставшиеся попятились, неуверенно переглядываясь. Прошло меньше минуты, а большая часть мертва.

— Знаете, в обычное время, я бы вас отпустил. — Прошептал Эллион, двигаясь на них и слегка разводя руки. — Однако, не в этот раз, вы уточните мой маршрут.

Не выдержав, на него бросились двое, ударяя одновременно. Курьер лишь отступил, позволяя им провалиться вперёд от мощи собственного замаха. Ближайшему сломал колено, метко пнув, отчего нога выгнулась в обратную сторону. Вопль боли заглушил ударом в горло. Другой успел выпрямиться и замахнуться для молодецкого удара, слишком широко. Курьер ударил в локоть, гася атаку в зародыше, и свернул шею, как курице.

— Два.

Последние бросились бежать, но он догнал их и убил. Хладнокровно и без затей. Если на тебя нападает толпа и ты не можешь убежать, первых убей максимально жестоко и быстро. Уничтожь их запал, всели ужас в сердца, лиши сил. В остальных случаях не трать время.

Ослеплённый тихонько завывает, каким-то чудом не потеряв сознание от болевого шока. Маленькая удача. Эллион пинком опрокинул на спину и слегка придавил горло. Разбойник взвизгнул, вцепился в ногу окровавленными ладонями.

— Говори. — Сказал Эллион. — Если расскажешь, кто вас послал, будешь жить.

— Я... — провыл разбойник, хватая воздух распахнутым ртом и «глядя» на курьера багровыми провалами. — Не знаю... Лысый знал, она с ним говорила!

— Она?

— Женщина! Курьер... пришла к нам в лагерь... дня два тому.

Голос прерывается на всхлипы, пляшет. Эллион брезгливо убрал ногу и пошёл в кусты по следу Роана. Разбойник долго лежал, едва соображая от дикой боли и не веря в

собственную «удачу». Осознание пришло сильно позже, когда, замерзая и разбивая лицо от постоянных падений он услышал волчий вой. Слепому не выжить в лесу ночью.

Костёр горит в глубокой ямке, едва освещая склонившегося над ней курьера. Эллион задумчиво жуёт кроличье мясо, срывая поджаренные куски с прутика зубами. Тишь спит, свернувшись клубочком и положив голову на колено Роана. Парень укрыл подругу плащом. Свет играет тенями на каменном лице, скрывая глаза в густой тени.

«Женщина. Курьер.» — Думает Эллион.

— Мы будем об этом говорить? — Спросил Роан шёпотом. — Они же знали, где мы будем идти! Чёртов король! Всё никак не успокоится!

— Нет. — Ответил курьер, сорвал последний кусочек. — Не будем. Тут нечего обсуждать.

— Но...

— Обычная доставка с осложнениями. Спи. Завтра трудный путь.

Парень хотел возразить, но захлопнул рот и кивнул. Если их ждали, то завтра курьер поведёт через такие дебри, где даже волки ходить боятся.

Дорога через лес утомляет, Эллион часто останавливается осмотреться. Курьера не покидает чувство, что вот-вот в спину вонзится нож. По прикидкам они преодолели половину пути до очередного витка имперской дороги. Стали чаще попадаться следы зверей, ободранная когтями кора и клочья бурой шерсти.

Мужчина опустил на корточки перед очередным отпечатком медвежьей лапы, стараясь понять, давно ли зверь проходил.

Роан, как городской до мозга костей, не замечает очевидных деталей. Крутит головой на каждый шорох и хватается за меч. Оружие в лесу совершенно бесполезное, им даже оленя не завалить. Курьера обучали, что меч это одно из самых «безопасных» оружий. Ударов легко избежать, очень требовательное к уходу и мастерству. Дубинка куда практичнее и смертоноснее, а копьё недостижимо по уровню угрозы. Мечи лишь смотрятся внушительно и придают статуса владельцу.

За годы службы он осознал, что это утверждение далеко от истины. Мечи созданы убивать людей и в умелых руках могут пролить целые реки крови. Но только в них...

Тишь похлопала по плечу, Эллион оторвался от раздумий и вопросительно посмотрел на неё. Немая торопливо сложила пальцы и кивком указала на заросли вдалеке.

«Там!»

— Что там?

«Большое. Камень.»

— Эм... Что-то каменное?

Тишь закивала и потянула за рукав. Лес нехотя расступается перед троицей. Среди переплетений плюща и деревьев проступает каменная кладка. Растения обвили руины и будто стараются разрушить след человека в их царстве. Перед путниками предстала башня, похожая на оплывшую свечу. Крыша давно обвалилась и «двор» красуется кусками стены. Крошечные окна смотрят на людей с холодным равнодушием.

— Откуда здесь башня? — Выдохнул Роан, подходя к остаткам двери, полускрытым травой.

Заглянул в проём и отпрянул, неуверенно оглянулся. Курьер пожал плечами, поднял взгляд к небу. Старшая Сестра заняла положенное место и отчётливо видна, близится вечер.

— Она довольно древняя. — Заметил Эллион, пожимая плечами.

Внутри царит полумрак, пришлось достать из мешка маленький масляный фонарь. Свет упал на стены, остатки мебели и книжных шкафов. От вида трухлявых книг у курьера защемило сердце. В порыве коснулся самой целой на вид, но обложка промялась под пальцами. Все знания безвозвратно утеряны и только Илмир ведаёт, насколько ценны они были.

Винтовая лестница ведёт на второй этаж, от которого остались только просевшие балки, чудом пережившие тьму веков и металлические сваи. Третий этаж сохранился лучше, но безжалостное время потрепало и его. Четвёртого этажа нет, вместо него синее небо в проломах потолка.

— А это что? — Спросил Роан, указывая на балку, пересекающую потолок.

С неё свисает чёрный шнур, а на нём что-то похожее на стеклянную грушу. Возможно, раньше она радовала владельца дивным видом и блеском, но сейчас помутнела от слоя грязи

и пыли.

— Видимо, украшение. — Неуверенно ответил Эллион.

Тишь же смотрит на «грушу» глуповато приоткрыв рот, будто прикидывая, как её достать. В дальнем конце комнаты на стене сохранилась дивная мозаика-карта. Роан заметил знакомые очертания земель бывшей Империи, но вот пустыни на ней нет. Да и береговая линия заметно отличается. Вместо цепочки островов, континент выдвигает в море огромный полуостров с пометками городов.

Рядом с картой расположился календарь из странных завитков и картинками фазы луны. Одной луны.

— Какая глупость... — Пробормотал Роан, осторожно подходя ближе и пытаясь прочесть. — Зачем делать лунный календарь для одной луны?

Символы кажутся знакомыми, но краска сильно выцвела, и некоторые смазались временем настолько, что не прочитать. Парень осторожно коснулся карты, повёл рукой, стирая слой пыли и грязи. Вместе с ней ушла часть картинка, и Роан остановился, проклиная себя за необдуманное решение, виновато оглянулся на спутника. Эллион лишь вздохнул и покачал головой.

— Должно быть, в ту эпоху была только одна луна. — Сказал курьер, краем глаза следя за Тишь. — Есть легенды, что одна сестра просто зашла в гости.

— Младшая или Старшая?

— В легенде не уточняли.

В башне оставаться не решились, Эллиону не нравится идея оказаться загнанным в угол и возможность драться в ветхом и крошечном помещении. Вскоре руины остались позади, и путники вышли на берег ручья, судя по покатым склонам, бывший полноводной рекой в незапамятные времена. На противоположном берегу замер олень, глядя на них коричневыми глазами. Поняв, что опасности нет, величаво удалился в чащу.

— Дурь всё это. — Фыркнул Роан.

— Ты о чём? — Спросил Эллион, прикидывая, где им лучше пересечь ручей.

— Да об одной луне. Кто ж в это поверит? Старшая и Младшая неразлучны. Как вообще может быть только одна? Это же уму непостижимо. Наверняка там жил больной на голову. Кто ж ещё будет жить в башне посреди леса.

Эллион хотел ответить, что леса невечные и их обилие скорее заслуга Раскола. Когда огромные территории обезлюдели. Посмотрел в каменное лицо парня и просто кивнул. Незачем спорить, спор, это не его работа. Пусть словами играют седые старцы, служителя бога мудрости.

С самого утра небо затянуто серой плёнкой, что у горизонта бугрится и превращается в перевёрнутый кряж. Лес остался позади, и группа двигается через долину холмов и скал «копий», что торчат из земли под острыми углами. Часть из них покрыта кустарниками и чахлыми деревьями. Шрам между левым глазом и губой нестерпимо ноет, Роану хочется вырезать его и швырнуть куда подальше. Увы, проблемы это не решит. Тишь подсовывает травинки с голубыми цветками, похожими на россыпь горошка. Жестами показывает жевать.

На вкус горькие, но боль слегка притупляют. Увы, только слегка и ненадолго. Вместе с тем чем больше их ест, тем больше тревожит живот. Бурчит озлобленно и задвигает кишки на неположенные места. Роан стонет и прижимает ладонь к животу. Эллион оглядывается на него и в поисках источника воды, который не жалко.

Дорога представляет змеящуюся линию в два копья шириной, покрытую глубокими трещинами. Тишь то и дело отходит на обочину и возвращается с новой порцией травок.

— А почему людей нет? — Пробормотал Роан, скорее чтобы отвлечься от боли в шраме и ноющего живота, чем проявляя любопытства. — Такая дорога, а тут только мы!

— Это обходная дорога между осколком Шер и Сильяр. — Пояснил Эллион, как нечто само собой разумеющееся.

Оглянулся на парня, оглядел бесчувственное лицо и мелко дрожащий угол верхней губы. Сощурился, пытаясь понять, что это вообще может значить. Роан спохватившись придавил уголок губы пальцем и изобразил виноватую улыбку.

— Тракт это самый быстрый и безопасный способ добраться от города к городу. — Пояснил Эллион, решив, что это необходимо. — Этим путём пользовались, пока была высокая поштина, сейчас её снизили.

Очень сложно считывать эмоции с каменного лица. Роан кивнул, огляделся и сказал:

— А жаль, здесь красиво...

Ветер принёс водяную пыль, зашуршал в траве и кустарнике. Над дальней скалой взметнулась стая птиц, понеслась в сторону леса. Тишь вытянулась, встала на цыпочки, указала на небо. Эллион мрачно кивнул. Вместе пробрались под одну из скал, продравшись через плотные заросли кустарника. Роан вскрикнул, увидев выступившее из камня лицо. Курьер резко развернулся, застыл, выставив руку и... рассмеялся. Тишь издала звук отдалённо похожий на смешок, ткнула парня в плечо.

Прямо перед ним неведомый искусник вытесал в камне лик молодой женщины. Нет, не лик, а целую фигуру в рост человека, едва различимую в полумраке. Каменные волосы волнами опускаются на узкие плечи, фигуру будто порывом ветра укрывает плащ с филигранно высеченными звёздами. В одной руке женщина сжимает весы, а в другой короткий меч с широким лезвием. Эллион слегка поклонился статуе, прижав ладонь к левой стороне груди.

— Владычица Тириона. — Сказал Курьер, будто готовясь просить врезанную в скале статую об убежище.

Прошёл мимо и опустился в широкую нишу, защищающую от непогоды. Следом за ним юркнула Тишь, а Роан замешкался у лика Тирионы. Камень грубый, серый, но обработан так тщательно, что едва ли уступает мрамору по красоте. Неведомый резчик даже вывел ей

зрячки, ровно по центру глаз, отчего создаётся ощущение, что богиня смотрит прямо в душу. Странно... на храмовой площади статуя богини красуется широкой повязкой на глазах. Правосудие слепо. Может это насмешка или раньше Тириону изображали зрячей? Зрячее правосудие? Что за бред...

В нише курьер расстелил плащ-палатку и складывает хворост в углубление, оставленное неведомо кем. Тишь сидит подтянув колени к груди и смотрит в прорехи кустарника на кусок серого неба и долину. Ветер крепчает, появляется гудящий свист на тысячу голосов.

— Ах... — Протянул Эллион, поворачиваясь к долине, — песня изгнанников.

— Что? — Спросил Роан, оглядывая нишу.

Глубокая, почти маленькая пещера, в стенах видны углубления и что-то похожее на заготовку окна. Кто-то явно пытался превратить место в настоящее жильё.

— Песня изгнанников. — Повторил курьер. — В древности суда высылали неугодных, без права покинуть. — Жизнь их была тяжела и коротка. По поверьям, вой ветра — это их скорбная песнь.

Парень кивнул, забрался и сел у разгорающегося огня. Теперь понятно, почему Тириона здесь зрячая. Изгнанники всегда уверены, что их оболгали. Первые капли ударились о скалу, ветер взвыл, и мир накрыл ливень. Высоко за облаками загрели божественные барабаны. Грохот отдаётся в груди вибрацией, а сердце на миг сбилось с ритма.

Тишь спит свернувшись калачиком и набросив капюшон на голову. Роан стоит у входа в нишу, обнажив меч и задумчиво смотрит в долину. Широкая полоса звёзд, и яркая Младшая Сестра заливают её мертвенным светом. Искрятся новоявленные реки и ручьи, несущие грязную воду вглубь долины. Взгляд зацепился за нечто в темноте. Точка мрака, что чуть темнее ночи, двигается к их скале, пересекая освещённые участки. Есть в её походке нечто тревожное, слишком уж плавная, особенно учитывая раскисшую землю.

Роан вздрогнул, когда на плечо опустилась твёрдая, как дерево, ладонь. Эллион выдвинулся из ниши, проследил за взглядом парня и шумно выдохнул. Мотнул головой и шепнул:

— Буди Тишь. Если я не вернусь через тридцать минут, уходите в противоположном направлении и прячетесь, как угодно, хоть в грязь заройтесь, но не вылезайте день-два.

Прежде чем Роан успел ответить, курьер ещё раз хлопнул по плечу и прыгнул в кусты, обойдя нишу. Выбрался из кустарника с противоположной стороны, обогнул скалу в прикрытии густой тени и двинулся навстречу до боли знакомой фигуре. Ведь только один человек может идти по грязи с такой грацией.

Дорогие читатели, Я хотел бы попросить вашу поддержку в виде доната, чтобы продолжать писать и создавать новые произведения. Любая сумма будет оценена. Сбербанк: 4274 3200 6585 4914 ВТБ: 4893 4703 2857 3727 Тинькофф: 5536 9138 6842 8034 YooMoney: 4048 4150 1190 8106 (карта) QIWI: 4693 9575 5981 6777 (карта) За 8 дней осталось собрать десять тысяч, на оплату квартиры. Спасибо за вашу поддержку и тёплые слова. Без вас, я бы давно сгнил от депрессии и отчаяния!

Ночь освещает Младшая Сестра, проглядывающая в разрывы облаков, что застыли вокруг неё. Широкая полоса звёзд тянется от горизонта через зенит. Эллион шагает навстречу гибкой фигуре, едва различимой во тьме. Мягкая от впитанной влаги земля расходится под ногами, предательски чвакает, норовя сорвать ботинки. По левую руку шумит поток дождевой воды, мчится вглубь долины, где сливается со множеством других, образуя полноводную реку. Ливень обнажил подземные ключи, так что новая река просуществует несколько дней.

Фигура остановилась на гладком, слоистом камне, островком, выступающим из грязи. Эллион подавил желание оглянуться на укрытие, если всё пойдёт плохо, то не стоит облегчать ей работу. Стряхнул грязь с подошв и взошёл на камень. Достаточно широкий, чтобы двое могли стоять свободно. Лунный свет бьёт в спину, это хорошо, хоть и не слепит, как солнечный. Женщина лениво откинула капюшон и в серебряном свете заблестели короткие, кроваво-красные, локоны. Острый нос, чёрные глаза и тонкие, розовые губы.

— Давно не виделись, Эл. — Проворковала она.

Голос сладкий, будто обещающий приятную ночь, но полный едва уловимого яда. Эллион склонил голову, не сводя взгляда, выпускать эту женщину из поля зрения опасно.

— Года два, Рин.

Женщина зашлась мелодичным смехом, прикрыв рот тремя пальцами, скорее красуясь покрашенными ногтями, чем соблюдая приличие. Курьер открыл рот... Ринзара коротко ударила пальцами в глаза, на миг Эллион увидел собственное отражение на отполированных ногтях. Тело среагировало быстрее разума, отвести голову, заблокировать левой рукой удар в печень и атаковать. Рыжая заблокировала пинком, небрежно наступив на поднимающийся ботинок. С короткой дистанции ударила локтем в нос, а свободная рука метнулась к паху. У женщины нет мужской мощи, но к их счастью, у мужчин полно слабых мест.

Эллион скользнул в сторону и вперёд, схватил в захват и сразу отпустил. Отступил, тряся кистью, на плотной, загорелой коже остались следы зубов. Ринзара смеясь откинулась назад и развела руки, будто приглашая ударить. Курьер торопливо оглядел укус и, не найдя крови, сжал кулаки, становясь в стойку.

— Ищешь яд? — Смеясь, спросила женщина. — Не бойся, зубы у меня неядовитые.

Раздвинула полы плаща, в свете звёзд холодно заблестели колбочки из металла, заткнутые пробками. Десятка два, каждая помечена лоскутком ткани или кожи, разной фактуры. Ринзара достала один, обёрнутый грубой, жёлтой тканью с бронзовой заклёпкой. Поднесла к лицу.

— Вот яд для тебя. Ну очень интересный, хочешь попробовать?

— В другой раз. — Ответил Эллион.

Велик соблазн ударить по руке с колбой, разорвать дистанцию и нанести быструю атаку ногой с разворота, чтобы и пальцы повредить. Однако, взгляд цепляется за левую руку, укрытую в складках плаща. Женщина заманивает и только богам известно, какой «сюрприз» приготовила.

— Какой ты грубый... — С видом оскорблённой принцессы выдохнула рыжая, нарочито медленно вернула колбочку на место. — Я старалась, готовила, а он даже попробовать не хочет!

— Хватит. — Фыркнул курьер. — Кто тебя послал?

— Кто? Я сама пришла, соскучилась по тебе! Сволочь ты, бессердечная!

Она налетела нанося обманный удар, обошла встречный пинок и с разворота ударила локтем в висок. Эллион едва успел пригнуться, но тут же колено прыгнуло в лицо. Пришлось закрыться руками, вместо атаки. Локтями прикрыл бока, и как раз во время, Рин нанесла серию быстрых ударов. На кулаках посверкивают полированные кастеты.

Выпад, пропущенный под рёбра и вспышка боли. Эллион ухватил багряные локоны, закрутил, коротко ударил ногой в сгиб колена и дёрнул вниз. Женщина вскрикнула, выгнулась дугой и инстинктивно вцепилась ему в плечи. Вместе опустились на камень, так что она легла на подставленное колено. Запрокинула голову, открывая горло для смертельного удара.

— Вот так взяла и сама пришла? — Спросил курьер, приставляя костяшки к гортани.

— Ну конечно. — Едва сдерживая стон, выдавила Ринзана. — Хотела предупредить, тем более маршруты были рядом.

Она откинула полу плаща и стал виден тубус на бедре, запаянный. Очень важная посылка. Эллион выругался сквозь зубы и отпустил старую знакомую. Та, ловко изогнувшись, встала на ноги. Охнула и сгорбилась, щупая место, где спина ударилась о колено, скривилась.

— Ну вот, теперь на животе спать... а ты знаешь, я это терпеть не могу... ох...

— Сама виновата. — Отмахнулся курьер.

— Должна же я была проверить, вдруг ты не ты, а лицекрад?

— Ага, злой дух.

— Всякое может быть... всякое.

— О чём хотела предупредить?

— На твой груз и на тебя идёт охота.

— Это я уже понял. — Буркнул Эллион, массируя укус на кисти, указательный палец плохо сгибается, но это временно. Заказчик, мастер Иан?

— О... — Протянула курьерша, расплываясь в лисьей улыбке. — Даже об этом знаешь?

— Догадался. Тут только он и ты, знаете, как я буду действовать наверняка. Проклятье... болит. Могла не так сильно кусать?

— Я испугалась!

Младшая Сестра до половины ушла за тучи, ночь сгустилась и в зыбком мраке слышно, как шумит молодая река. Рин притворно постанывает, пытаюсь размять спину.

— Зачем ему это? — Спросил курьер, перебирая в голове варианты.

— Ну, не совсем ему, скорее его фракции. — Вздохнула подруга, разводя руками. — Видишь ли, у них несколько другие планы на будущее Осколков.

— Какие?

— А мне откуда знать? Другие. Я, конечно, интересуюсь политикой, но в целом разделяю твоё мнение о ней.

— И какое же у меня мнение?

— Никакого. — Вздохнула женщина, с тоской оглядываясь на ручей в стороне и на луну. — Тебя интересует только служение Илмиру, доставить, разузнать, пересказать... даже о семье не думаешь. А мы ведь не молодеем, Эл. Не молодеем...

Нечто в её голосе пробудило острое чувство вины, Эллион замялся, откашлялся в кулак, не находя слов. По неведомой причине ощутил себя последней сволочью. У женщин есть

поразительный талант к подобным вещам, даже посреди невинной беседы.

— Эм... разделишь с нами костёр? — Осторожно спросил он.

— Нет, — ответила Рин, качая головой и вновь накидывая капюшон, — сроки горят. Мой тебе совет, один раз, всего один раз, поступишь принципами и оставь «посылку», брось, потеряй. Они выслали за тобой и жрецов Аргантоса. Проклятье, может быть и послушников бога войны тоже!

Курьер смолчал. Опустил взгляд и, попятившись, скрылся в ночи. Рин осталась одна, грустно покачала головой, отряхнула плащ и пошла в другую сторону.

Дорогие читатели,

Я хотел бы попросить вашу поддержку в виде доната, чтобы продолжать писать и создавать новые произведения. Любая сумма будет оценена.

Сбербанк: 4274 3200 6585 4914

ВТБ: 4893 4703 2857 3727

Тинькофф: 5536 9138 6842 8034

YooMoney: 4048 4150 1190 8106 (карта)

QIWI: 4693 9575 5981 6777 (карта)

Осталось собрать около десяти тысяч, на оплату квартиры. Спасибо за вашу поддержку и тёплые слова. Без вас, я бы давно сгнил от депрессии и отчаяния!

Глава 21

Эллион вернулся, потирая кисть и в глубокой задумчивости. Штаны по колено заляпаны грязью, на подошвах скопился толстый слой. Роан встретил с опущенным мечом, распознав спутника попятился. Тишь сидит у костерка, прижимая к груди пухлый рюкзак. На другом конце долины вяло рокочет засыпающий гром.

— Всё в порядке? — Спросил парень, пытаясь вслепую вернуть меч в ножны.

— А? — Выдохнул Эллион, оборачиваясь на «посылку» и не замечая ничего вокруг. — Да... в полном.

— Кто там был?

— Да так... старый знакомый.

— Это старый знакомый оставил помаду на щеке? — С нервным смешком спросил Роан, наконец справившись, меч со звучным стуком вошёл в ножны.

Курьер мазнул ладонью по щеке, натянуто улыбнулся. Кивнул и опустился к огню, принялся разуваться и вытягивать кожаные шнурки. Девочка с готовностью протянула палочки, мужчина кивнул и занялся чисткой. Скривился, заметив на заломе ботинка нечто похожее на трещину. Простая работа позволяет отвлечься от лишних мыслей и сосредоточиться на важном.

Доставка под угрозой, под чудовищной угрозой! Ох, Илмир! Кто же думал, что самым опасным заданием будет не письмо одного из десятков королей или редчайший артефакт, а парень, ещё не обзаведшийся усами. Шутка судьбы, не иначе.

Огонь освещает лицо, подчёркивает скулы и придаёт резкости, будто лику древней статуи. Рокотание грома неспешно удаляется, а вспышки молний подсвечивают небо. Роан сел рядом с Тишь, нервно оглядывается, будто пытаясь рассмотреть подступающих врагов. Девочка же широко зевнула, потянулась и полезла в спальный мешок. Поёрзала, устраиваясь, продвинулась глубже и скрылась из виду.

— Мы меняем маршрут. — Сказал курьер тихо.

— Хорошо. — Ответил Роан, знавший только конечную точку.

— Начиная с этого дня не ешь и не пей ничего, что получишь не от меня.

— Эм... даже на постоялом дворе?

— Тем более, там.

— Ну... ладно... — Пробормотал парень, сбитый столку. — Потерплю до храма.

— Мы не будем заходить в храмы.

— Почему? Тебе же надо пополнять припасы!

Эллион взглянул вверх огня на «посылку», пламя отразилось от зрачков и будто заполнило их. Парень нервно сглотнул.

— Так получилось, что теперь твоей смерти хочет не только король, но и весома группа илмиритов.

— Ч-что?! Почему?! Я же с вами заключил договор!

— Ага. Вот только у других другие взгляды на будущее Осколков. — Мрачно ответил курьер.

— Какие?! Я же обещал способствовать илмиритам! Проклятье... может меня убьют, до того, как надену корону!

— Скорее всего. — Кивнул Эллион, подцепил шмат грязи палкой, сорвал и отбросил в

темноту. — Твои шансы на успех, один к нескольким тысячам. На мой взгляд, а на получение благословения... ну, несколько выше.

— Тогда зачем убивать?!

Тишь заворочалась в мешке, высунула руку наружу. Тонкие бледные пальчики с глубокими рубцами, будто она хваталась за лезвие меча. Эллион краем сознания подметил их, хотя и раньше замечал, но не придавал значения. Удивительно, как она вообще может использовать язык жестов.

— Илмириты не любят риск. — Со вздохом пояснил курьер. — Даже доставщики его избегают в меру сил. — Даже если шанс один на сотни тысяч, стоит от него избавиться.

— Боги... — Выдохнул Роан, но лицо осталось неподвижным. — Что же мне делать?

— Слушаться меня и... будь настороже. Ну, спокойной ночи.

Эллион отставил ботинки от костра, чтобы намокшая кожа не пересохла и окончательно не потрескалась. Сделал жест отгоняющий силы Тьмы и залез в спальный мешок. Мгновенно уснул. Роан сглотнул, сжал рукоять меча и сразу отпустил. Если его враги хоть на десятую долю так же хороши, как курьер, то проще зарезаться или прыгнуть в бурную реку. Сколько у него, мальчишки, шансов выжить? Один к бесконечности! Юный Скван повёл ладонью по лицу, оттягивая нижние веки.

Живо вспомнился день в парке, прогулка среди статуй героев древности. Истории, которые отец читал перед сном, о славных подвигах и славной смерти воинов. А ведь ему была уготована судьба рыцаря! А что отличает рыцаря и героя от обычного человека? Они не сдаются, никогда.

Один к бесконечности... что ж, это стоит того, чтобы бороться.

Роан поднялся, потянул меч из ножен и отступил во тьму. Встал спиной к скале и огню. Удар с шагом, всегда с шагом, не бей руками! Клинок рассёк влажный воздух беззвучно, едва различимый по отблескам света. Бей с оттягом, меч сам не порежет, он не бритва!

Голос отца звенит в ушах, отдаётся в груди, а горечь потери разрастается с новой силой. Роан сначала деревянно, затем всё ловчее рубит невидимого врага, старается ткнуть в не защищённые доспехами участки. Меч не топор, им и бить нужно правильно, иначе ничего серьёзного не выйдет. Особенно если враг имеет хоть какую-то защиту.

Шрам болит.

Утром он едва двигается, болят плечи и мышцы на рёбрах. Глаза предательски слипаются, а спальный мешок кажется таким уютным и тёплым, что из него не хочется вылезать. Курьер посматривает с неодобрением, а Роан отводит взгляд. Дурак... о чём он вообще думал? Толку от тренировки, если сейчас он слабее букашки? Толку учиться фехтовать самому? Он полночи просто махал мечом, пока руки не заныли от боли! Нужен партнёр, опытный наставник!

Эллион двинулся вдоль изрядно обмелевшего потока, довёл до торчащих над водой камней и мотнул головой. Тишь ловко пропрыгала на ту сторону, развернулась весело улыбаясь. Следующим пошёл Роан, прыгнул на первый камень, закачался, широко раскинув руки. Прыгнул на следующий... подошва скользнула, и нога ударилась о воду, тело вытянувшись вперёд грохнулось грудью о камень. Дыхание вышибло жалким всхлипом, и почти мгновенно вода сомкнулась над головой. Забилась в распахнутый рот. Парень задёргал руками и ногами, стараясь ухватиться хоть за что-то и быстро цепеня от ужаса. Ноги едва касаются дна, а течение не даёт встать! Вода холодная... что-то ударило в голову, и

наступила тьма.

Очнулся мокрый у огня и голый, лишь пах прикрыт веткой. Роан застонал, огляделся. Они всё ещё у реки, хмурый курьер сидит напротив, тоже голый... Тишь насвистывая потряхивает их одежду, развешенную на палках у огня.

— Прости... — Пробормотал парень. — Не знаю, как это вышло.

— А я знаю. — Ответил Эллион. — Ночью спать надо. Если хочешь мечом махать, маши им на привалах.

— Хорошо... ох... голова болит. — Охнул парень, касаясь черепа и ожидая нащупать рану от удара о камень.

— Угу. Это я тебя саданул.

— Зачем? — Выпалил Роан, прекрасно осознавая, что заслужил.

— Тонущего нужно оглушить. — Пояснил курьер. — Иначе утонет и спасающий.

Парень замедленно кивнул, скривился и прижал ладонь к виску. Сел, стараясь не смотреть ни на Тишь, ни на Эллиона.

Я прошу вашей поддержки в виде доната, чтобы продолжать творчество и создавать новые произведения. Любая сумма будет оценена. Сбербанк: 4274 3200 6585 4914 ВТБ: 4893 4703 2857 3727 Тинькофф: 5536 9138 6842 8034 YooMoney: 4048 4150 1190 8106 (карта) QIWI: 4693 9575 5981 6777 (карта) Осталось собрать всего пару тысяч! =) Огромное спасибо за вашу поддержку!

Кровь брызнула на сухую землю, человек выпучил глаза, неверяще глядя на рукоять ножа, торчащую из груди. Ризар специально провёл клинком, чтобы рана открылась. Позади гудит ватага, кричит осёл, почуявший кровь. Торговец ещё жив, клинок не задел сердца. Ризар смотрит в полные боли глаза с холодным любопытством.

Боль, страх и нарастающая потеря крови. Человек ещё может сражаться, выхватил нож из раны и в бой! Если повезёт, убежишь и найдёшь лекаря... Торговец упал на колени, глаза потускнели. Разбойник фыркнул, схватился за рукоять и рванул в сторону, рассекая сердце и артерии. Засмеялся и, подцепив с пояса тугой кошель, не глядя швырнул за спину. Там радостно завопили, кто-то заорал здравницу лучшему атаману.

Ризар Красный, всю добычу раздаёт соратникам. О лучшем вожде и мечтать грешно! Атаман хищно улыбнулся, начал шарить по карманам и поясу мертвеца. На землю посыпались мелкие монеты, безделушки и крохотные свёртки с травяными пилюлями. Горячий ветер гудит среди скал, врывается в лес и запутывается в кронах. Русло пересохшего ручья полно вязкой грязи и торчащих камней. Труп сбросил в неё пинком, выпрямился и огляделся.

Сощурился и, махнув парням, двинулся к одинокой скале, поднялся по едва заметной тропе. Продвинулся через кустарник и остановился у вырезанной в камне богини правосудия. Тени скользят по серому лицу и пустым глазам, придавая вид жуткий и враждебный.

Ринзан лениво набрал слюну и харкнул в каменный лик. Слюна расплескалась по левому глазу, разбойник постоял, любуясь работой, подметил искусную руку мастера и оглядел стоянку. В широкой нише глубокая выемка, сохранила следы сажи и золы. Рядом на земле много следов на засохшей земле. Жрец отошёл в сторону, хмыкнул, здесь следов меньше, но их оставил один человек. Парень, лет шестнадцати, судя по расположению следов. Взрослые двигаются иначе, более отточенно и сдержанно.

Губы рассекла кривая ухмылка, Ринзар поднял взгляд к небу и втянул воздух носом. Шумно выдохнул. Цель была здесь дня два назад, плюс-минус.

Разрыв сокращается, слишком медленно, но неотвратно.

Вернувшись к товарищам, закончившим делить добычу, развязал подвязки на штанах и пустил струю на тело внизу. Отряд притих, сбитый с толку поведением главаря. Бутыг, здоровенный детина с примятым и лысым черепом, гоготнул.

«Что ж, день выдался удачным.» — Подумал Ринзан Красный, стряхивая последние капли. — «Нарушил закон человеческий, моральный и, в какой-то степени, божественный.»

Вскоре вся ватага справила малую нужду на мертвеца и двинулась за вожак. Ринзан идёт размашистым шагом, расправив плечи и широко улыбаясь солнцу. Загорелое лицо обдувает горячий ветер, запутывается в волосах. Распахивает накидку на груди, открывая свету курчавую грудь, грудные мышцы напоминают две перевёрнутые сковороды. При каждом движении под кожей играют тугие жилы.

Направление и намётки, которые выдали илмирнты, оказались верными. А с помощью Аргантоса, курьеру никак не скрыться. Атаман поднял взгляд к парящему ворону. Огромная птица раскинула чёрные крылья в горячем воздухе и двигается в сторону от дороги. Вороны не только мудрые птицы, но и любимцы бога преступлений.

Роан поднял меч и заученно рубанул Эллиона, курьер сдвинулся, и остриё безвредно скользнуло мимо. В сторонке, сидя на поваленном дереве, зааплодировала Тишь. Для неё это весёлое представление на привале. Над углями томятся дикие овощи и фрукты, насаженные на прутики. Рядом, в углях, затаился ком запечённой глины, по форме напоминающий птицу.

Вечернее солнце освещает верхушки крон, а внизу скапливается вязкая тьма. Пахнет папоротниками, прелой древесиной и едой. В соседних кустах притаились мелкие зверьки и смотрят на костерок жадными глазами.

Мужчины кружат в стороне, Роан пытается хоть как-нибудь достать курьера, отбросив любую осторожность. Эллион уворачивается, совершая странные движения, резкие и отточенные, на лице лёгкая дремота. Кажется, что заточенная сталь вот-вот врубится в незащитное тело, но в последний миг илмирит сдвигается и клинок проносится мимо, увлекая парня за собой. Тишь аплодирует, подмечая, как каждый раз, едва заметно, дёргается левая рука Эллиона.

— Да чему я тут научусь?! — Выпалил Роан, после очередного выпада почти нырнувший в засыпанную прошлогодней листвой землю.

— Махать мечом. — Ответил Эллион, пожимая плечами. — Дольше, чем раньше.

— А толку?!

— Ну, попадётся по мне, значит, научился чему-то.

Закипая, Роан набросился на него, махая клинком, как обезумевши. Курьер качнулся маятником, скользнул вслед за ударом и оказался за спиной парня, шутовски пнул и отскочил. Аплодисменты Тишь разносятся по поляне, как удары позорного колокола. Роан застонал, развернулся и пошёл в наступ, сверля спутника пустым взглядом ничего не выражающего лица.

Независимый город Лок раскинулся на перекрёстке имперских дорог и происходит от малого аванпоста. Удобное расположение на границе двух полисов придаёт ему шаткий, но крайне выгодный статус. У ворот путников встретила стража в тяжёлых стальных латах. Роан едва сдержал поражённый выдох. Первоклассная сталь, тонкая работа и чеканный узор! Да такая броня стоит целое состояние и на ком она?! На простых стражниках!

Эллион походя вывернул левый рукав, показав красную ткань. Старший стражник отступил в сторону, увлекая за собой остальных. Один глухо забурчал, что пора и с курьеров подать за проход взимать. А то шастают и шастают, один ущерб казне. Старший шикнул и грозно зыркнул, стражник притих, отвёл взгляд. Группа прошла мимо и окунулась в пёстрый людской поток. В носшибанули запахи специй и уличной еды.

Многим торговцам проще перепродать товар, чем тащиться на основной рынок сбыта. Меньше расходов на охрану и транспорт. Отчего улицы Лока напоминают сплошной базар. Эллион отрешённо пояснил, что хитрые торгаши, чтобы не платить подать и налог, пытались разбивать стихийные рынки за пределами стен, но стража мгновенно пресекает. Товар конфискуется в полном размере, а незадачливого купца могут и повесить.

— Но ведь это грабёж! — Выдохнул Роан, оглянувшись на стражников и добавил поражённо. — Эти люди, разбойники, слуги Аргантоса!

— Нет. Это законная власть. — Ответил Эллион, качая головой и прокладывая путь через толпу. — Узаконенный грабёж противен божеству-преступнику. В конце концов, любая власть — это росток отколовшийся от его Чёрного Дерева. Потому слуги Аргантоса так и ненавидят её. Узаконенное насилие и грабёж, это плевок на все их ценности.

— Хм... — Протянул парень, ударился плечом о плечо прохожего, качнулся.

Прохожий, вместо того, чтобы разъяриться и схватиться за меч, бросил презрительный взгляд и скрылся в толпе. Тишь держится за спиной курьера, а того люди избегают, сторонятся, будто раскалённый прут. Эллион шагает быстро, накинув капюшон на макушку.

К стенам домов жмутся торговые прилавки с пёстрыми вывесками. На первых этажах множество лавок с товарами от фруктов до мечей. Роан невольно загляделся на прилавок, полный красных яблок, размером с кулак взрослого мужчины. Кожура матово блестит, и парень запоздало понял, что яблоки покрыты тонким слоем воска для сохранности.

— Куда мы идём?

— На постоянный двор. — Ответил курьер. — Нужно отдохнуть, перевести дух и пополнить припасы.

Краем глаза заметил брата илмирита,двигающегося в противоположном направлении. Тот мазнул взглядом и почти сразу исчез. Эллион пригладил рукав, красной ткани не видно, но у курьеров особая походка. От намётанного взгляда не скрыться. Остаётся надеяться, что брат спешил и не узнал его.

На широкой улице, раздвигая толпу, движутся всадники, а меж них накрытые парусиной повозки. Внутри судя по натяжению ткани, глиняные кувшины и бочки.

Повозки тянут медлительные волю, скрип колёс теряется в гомоне толпы. Всадники сидят приосанившись, ладони вместо рукоятей мечей, сжимают яркие плётки с утяжелёнными бусинами концами. Время от времени кто-то хлещет по слишком близко подошедшему прохожему. Тот взвизгивает и отскакивает, хватаясь за поражённое место.

Эллион благоразумно держится у стен домов, оглядывается на спутников, не потерялись ли. Тишь нервно потирает плечи, крутит головой. Роан же глазеет, как будто впервые видит столько народу.

— Откуда их столько? Даже в столице людей меньше!

— Бывшая имперская столица парадоксально бедный осколок. — Ответил Эллион. — Наверное, из-за постоянных войн на завоевание соседних полисов.

Постоялый двор нашёлся в конце узкого переулочка, высокое и узкое деревянное здание меж кирпичных домов. За низким заборчиком у корыта столпились разномастные кони, с ленцой жуют солому или окунают морды в корыто, полное чистой воды.

Эллион толкнул дверь и мрачно оглядел помещение. Полупустое, посетители мелкие торгаши, отмечающие сбыт товара. Кто-то монотонно заливает в себя стакан за стаканом крепленое вино. У кого-то на коленях пристроилась жрица платной любви. Не самого свежего вида и ещё менее выдающейся фигуры.

За столиком хозяина сидит толстый коротышка, с щеками на плечах и носом картошкой. Курьер извлёк из кошелька две серебристые монетки и положил перед толстяком.

— Комнату на троих.

Хозяин с ленцой глянул на деньги и качнул головой.

— Четыре монеты.

— Как четыре?! Месяца два назад была одна!

— Была да сплыла. — Ответил хозяин, пожимая плечами. — Брать будешь?

Эллион с лёгким раздражением положил ещё две монеты и добавил:

— Хорошо. Еды нам прямо с кухни в комнату.

— Тогда ещё две монеты.

— Чего?! Я что, в дворянский квартал зашёл?!

— В дворянском все на золото перешли. — С кислой миной ответил хозяин, сгребая монеты в ладонь. — Илляция, мать её... как говорил княжий глашатай. Шут его знает, что это такое, но налоги подняли раза в два.

— Вот как, — пробормотал Эллион, беря протянутый ключ, массивный, с круглым ушком, — весело вам тут.

— А то, обхохочешься. — Буркнул толстяк. — Ну так что с едой?

— Не надо.

Комната достаточно большая и поделена на зоны занавесями из плотной ткани. Если зажмуриться, то желтоватые пятна на них не так бросаются в глаза. Три узкие кровати жмутся к стене, рядом с ними по грубо сколоченной тумбе. Пахнет, на удивление, вываренными простынями и мыльной водой. Доски пола приветствовали гостей лёгким скрипом с первого шага. В распахнутое окно задувает горячий воздух, а прекрасный вид на кирпичную стену с потёками внушает чувство безопасности. Второе окно закрыто и смотрит на вход в переулок.

Пока Тишь и Роан выбирают кровати, Эллион подошёл к закрытому окну, намереваясь распахнуть и проветрить комнату. Застыл с протянутой к щеколде рукой. На углу, выпав из людского потока, стоит курьер и смотрит прямо на него. Эллион сдвинул брови к переносице, покачал головой, раскрыл створку.

Слежка слежкой, но курьер не должен стоять вот так! Если он на задании, то обязан спешить с грузом к получателю! Если же без службы, то ждать в храме, приводя разум в порядок молитвами и тренировками.

В душе колыхнулась тягучая волна чёрной злобы. Стоило огромных усилий не заорать на дурака, Эллион отступил от окна, пусть думает, что остался незамеченным. Так будет проще. Тем более, далеко не все так усердны в долге перед Илмиром. Ведь человек слаб и полон соблазнов. Брат мог поддаться прямому указанию иерархов. Посчитав авторитет весомым аргументом для нарушения наказов божества. Илмир, в конце концов, далеко, а начальник вот он, брызжет слюной в лицо.

Тишь рухнула на соломенный матрас с такой радостью, будто это лебяжий пух. Роан дважды обошёл кровать, тыкая ножнами и качая головой. Вздохнул и сел, решив, что даже солома лучше тонкого спальника на голой земле.

— Долго нам тут оставаться? — Спросил парень, глядя на желтоватые пятна на занавеси и гадая, от чего они и искренне не желая знать ответа.

— Два дня. — Ответил курьер, направляясь к свободной койке. — Нужно сбить планы тех, кто охотится на тебя и набраться сил.

В голосе илмирита сквозит неудовольствие, будто не отдыхать собрался, а вычерпывать выгребную яму голыми руками. Даже лицо перекосило, Роан впился взглядом в каждую складку, запоминая для себя. Позже отрететирует гримасу, уж больно выразительная. Если повезёт, то сможет скопировать, просто проведя ладонью по лицу.

— А есть когда?

— Через час. — Отмахнулся Эллион, погружаясь в мысли. — Пусть ноги отдохнут.

Если за час к ним не вломится ударный отряд наёмников или братьев, будет хорошо. А если будет драка, то полный желудок только помешает. Эллион припомнил брата-курьера, что получил ножом в живот после сытного обеда. Верхняя губа дёрнулась по-волчьи.

Служанка принесла обед на широком деревянном подносе. Три тарелки каши с маслом, обжаренной кусочками мяса, ломоть ещё горячего хлеба и кувшин разбавленного вина. Поставила на столик и торопливо удалилась. Роан сразу потянулся за тарелкой, но Эллион хлопнул по ладони. Достал из складок плаща амулет из голубого кристалла на кожаном шнурке с серебряными бусинами. Медленно простёр руку над подносом, поочерёдно поднося к тарелкам. Брови сдвинулись к переносице, взгляд не отрывается от кристалла. Наконец, хмыкнул и кивнул, смотал амулет.

— Можно есть.

— Что это было? — Осторожно спросил Роан, уже без охотки беря тарелку.

— Проверка на яды. — Пояснил курьер, отламывая кус хлеба и беря ложку. — Если отравлено, камень темнеет.

— Оу... вот как... я думал такие штучки только у магов есть.

— У них и купил.

Тишь поставила тарелку на колени и активно работает ложкой, шурясь, как котёнок. Роан покосился на неё и невольно подумал, чувствует ли подруга вкус еды? Всё-таки язык не только за речь отвечает. Пожалуй, он предпочёл бы онеметь, чем не чувствовать вкусов. Однако, судя по довольному виду, Тишь всё-таки что-то чувствует.

За окном шумит город, зазвучала музыка и мимо переулка прошествовала труппа музыкантов во главе с бардом. Направились к главной площади. В соседней комнате сипло закашляли и торопливо умолкли.

Каша вкусная, но мясо жестковато и слишком обильно сдобрено перцем. На зубах то и дело застревают толстые жилы. Вино едва ли вино, скорее вода с привкусом забродившего винограда. Тишь лишь понюхала и скривила носик.

— Так что мы дальше будем делать? — Спросил Роан, прожевав очередной кусок и протолкнув в живот большим глотком.

— Отдыхать. На улицу не выходим. Послезавтра уйдём, как только солнце покажется над горизонтом.

— Скоро Танец. — Напомнил Роан, вздрогнул, вспомнив жутких тварей.

— Я помню.

Тишь мотает головой с набитым ртом, кажется, что ещё и ушами шевелит, как кошка.

Стражник остановил Ринзана и трёх его отборных головорезов взмахом руки. Вокруг группы разом образовался круг свободного пространства. Жрец Аргантоса широко улыбнулся и пригладил волосы ладонью.

— Кто такие? — Рыкнул стражник, чуя нечто неладное в незнакомцах.

— Путники. — Улыбаясь, ответил Ринзан. — Пришли в ваш чудесный город полюбоваться представлением на Танец.

— До него ещё неделя. — Буркнул страж, сощурился.

— Шесть дней, если быть точным. Но ведь подготовка нужна! Узнать, какое вино лучше, какая девка мягче и где вкуснее кормят.

Разбойник подошёл к стражнику жестикулируя, как обычно делает перед внезапным ударом ножа. Рукоять ёрзает за поясом, просясь в ладонь.

— Хм... ладно, назовитесь.

За спиной стражника вырос писец с толстенной книгой и свинцовым пером. Улыбка Ринзана стала шире, а в ладони появился кошель, отобранный у недавнего торговца.

— Мы люди скромные, искренне надеемся, что такой достойный муж придумает нам имена лучше наших собственных.

Кошель исчез в ладони стражника. Выдержав паузу отступил и махнул рукой на распахнутые ворота.

— Проходите, достопочтенные господа Келеб и... Жмых, Пых и Турн.

Писец закрипел пером, хотя как может свинец скрипеть на бумаге? Но Ринзан отчётливо слышит скрип, от каждой буквы и завитка. Оглянулся на товарищей и кивнул на ворота.

— Пошли парни, сладкое вино заждалось!

Переступив невидимую границу, содрогнулся всем телом от обилия возможностей. Людей так много, что карманники должны ходить в золоте и шелках! В подворотнях можно зарезать целое войско торгашей, а вдали угадывается вывеска борделя. Хотя ему, как жрецу, куда милее поймать девку на улице. Новоявленный Пых подошёл справа и спросил шёпотом:

— Атаман, как мы его тут найдём? Тут же людей, как в столице осколка!

— Очень просто, мой друг Пых.

Жестом фокусника Ринзан извлёк из кармана латунную коробочку, чуть меньше дамской пудреницы. Поддев ногтем, откинул крышку и продемонстрировал красную стрелку на золотом гвоздике. Один конец клиновидный, а другой с «оперением».

— Мало кто знает, но курьеры носят с собой некоторые вещицы, по которым их можно отследить. — Пояснил атаман. — Так илмириты ищут пропавших и наказывают виновных.

— Э-э-э-э... так эта штукавина у всех, что ли, есть?

— Нет, конечно, только у лучших. Жаль настроена только на одного курьера. — Вздохнул Атаман, неспешно двигаясь в указанном направлении.

— Эм... босс, а значит, у нас конкуренты есть?

— Дурак, у нас фора в два дня. Рыжая девка принесла нам первым.

— Эээ... хорошо. Значит ценят, добро.

— Дурак... — беззлобно процедил Ринзан и отвесил подзатыльник. — Значит, хотят, чтобы мы первые сдохли.

По лицу разбойника пошла гримаса недоумения, впрочем, быстро сменилась привычным туповатым выражением. Ринзан едва сдержался закатить глаза. Всё-таки абсолютное большинство адептов Аргантоса непроходимые идиоты. Однако тем ярче истинные последователи бога преступлений. Хитрые, изворотливые и остроумные, такие как он, Ринзан. Ведь о нём поют, сам слышал. Половину награбленного беднякам, да по корчмам разбазаривает. Ну как разбазаривает, мягко принуждает подчинённых делиться с людом, чем, по их мнению, нарушает, ха-ха, законы братства. Ещё лучше то, что крестьяне и горожане в очереди выстраиваются, лишь бы донести на зажавшихся купцов, а то и разжиревших соседей. Особенно на соседей.

Ринзан улыбнулся мыслям и остановился у входа в переулок, в конце которого притаилась узкая и высокая таверна. Стрелка указывает прямо на входную дверь.

Эллион застыл с ложкой у рта, взгляд остекленел, уперевшись в окно и кусок крыши с небом за ним. Тишь завертела головой, будто следя за мухой и только Роан продолжил есть. Шум снизу стих, как отрезало, хлопнула входная дверь. Курьер медленно опустил ложку, оглядел комнату и начал подниматься. Заскрипела лестница, трое... нет, четверо мужчин, достаточно крупных. Один идёт впереди, двое плечом к плечу, а последний замыкает процессию.

— Что-то случилось? — Спросил Роан, наконец заметивший перемену в настроении.

— Да. Готовь меч.

Тишь отошла к окну, подёргала щеколду, густо покрытую краской. Парень с готовностью выхватил клинок... дверь распахнулась пинком, ударилась о стену и отскочив упёрлась в подставленную ладонь. На пороге стоит рослый мужчина в красной рубаше, распахнутой до живота, отчего курчавая грудь выставлена напоказ. Плечи укрыты походным плащом тонкой работы. Лицо незнакомца скуластое, с выразительным профилем и загадочными карими глазами. Щёки и подбородок покрывает лёгкая щетина.

За спиной сгрудились бугаи самой бандитской внешности, которую только можно представить. На рожах играют злобные ухмылки, а в руках зажаты палицы.

— Ба! Кого я вижу! — Выдохнул Ринзан, разводя руками будто пытаюсь обнять. — Да это же сам Эллион! Легендарный курьер, какая честь! Столько нашего брата положил! Взять!

Шагнул в комнату и в сторону, припал спиной к стене, складывая руки на груди. Троица ворвалась, стремясь смести курьера, один бросился прямо к Роану. Широкое лицо перекосило кровожадной ухмылкой.

Эллион ухватил край стола, рывком опрокинул под ноги врагам и перемахнув ударил первого двумя ногами в грудь. Разбойник булькающе всхлипнул и отлетел на товарища. Оба упали, отчего Ринзан закатил глаза, но остался стоять.

Палицы ударила ровно в темечко и Роан едва успел отскочить, сдерживая порыв закрыться мечом. Разбойник выше и тяжелее, такой блок не спасёт. Извернулся, ткнул мечом со всей скоростью, на которую был способен... острие чиркнуло по бицепсу, вспоров, как студень и ударило в живот. Прошло ткань и плоть, скребануло по хребту. Разбойник застыл, озадаченно глядя то на оружие, то на парня. Колени подкосились, тело упало набок, почти вырвав меч из руки.

Эллион подпрыгнул к поднимающимся, первого саданул в затылок, отчего разбойник растянулся на полу лицом в доски. Второй поймал удар горло и Роан отчётливо услышал влажный хруст. Курьер развернулся к Ринзану, но тот стоит неподвижно и широко улыбается. Медленно поднял руки к груди и свёл ладони, пародируя аплодисменты.

— Как всегда, скор на расправу и безжалостен. Хорошее качество.

— Чего тебе надо? — Выдохнул Эллион, едва сдерживая рык.

— Ну.. — Протянул Ринзан, оттолкнулся лопатками от стены и двинулся к курьеру, плавно жестикулируя и глядя в глаза. — Меня попросили совершить преступление, сам понимаешь, жрец не может от такого отказаться. Ну и как я мог отказаться, увидеть старого друга?

— Чего?

Ринзан притворно покачал головой, провёл ладонью по щеке.

— Как же, Эл, не узнаёшь закадычного приятеля?

— Рин?!

Жрец Аргантоса щёлкнул пальцами и ткнул указательным в сторону курьера.

— В яблочко, приятель! Давно не виделись! Может, обнимемся?

— Я воздержусь. Но ты... и Аргантос?! Как?! Ты же был самым умным! Я думал, ты уйдёшь в храм мудрости!

Ринзан обошёл тела товарищей, как кучи вонючего мусора, подцепил носком башмака табурет. Поднял и сел, оглядывая троицу с ядовитой улыбкой. Эллион жестом отмёл спутников к стене, Роан подчинился на негнущихся ногах и не отрывая взгляда от мертвеца. Уже второго на его счету, но буря эмоций ничуть не меньше. Под разбойником растекается густая лужа крови, штаны спереди и сзади намокли, смрад бьёт в ноздри. Тишь схватила за руку, потянула за собой и, оказавшись у стены, крепко обняла.

— Да, — сказал Рин, покачивая головой, — я и сам хотел, но по пути на нас напали разбойники во главе со жрецом. Я был молод и смыслён, а отец... отец был слишком храбрый. Итог закономерен. Меня взяли в ученики, а отец отправился в канаву.

— Ты, стал учеником убийцы отца? — Пробормотал Эллион.

— Не сразу, естественно, как я ненавидел старого хрыча! Ух! До сих пор дрожь пробирает, представляешь?

— Нет, не представляю.

— А затем... о! Затем я познал всю красоту философии Аргантоса! Куда там пресным рассуждениям мудрецов в храме! Тут настоящая мудрость, живая и жестокая! Друг мой, мы все воплощение хаоса, абсолютного беззакония, лишь по насмешке природы упорядоченные. Человек одним своим существованием разносит энтропию! А мы, просто получаем удовольствие от процесса и не носим маски законности. Аргантос велит нарушать все законы. Включая логику, хотя у неё низкий приоритет...

— Избавь меня от этих рассуждений. — Фыркнул Эллион.

Внизу начали появляться голоса, вновь хлопнула дверь, ещё раз и ещё. Улыбка Ринзана стала шире, будто он красуется идеальными зубами.

— Нарушаешь законы приличия? Мне нравится это!

— Зачем ты явился?

В голосе курьера звенит металл, глаза сузились и недобро поблёскивают.

— Понимаешь. Илмиреты совершили ошибку, предложив мне контракт на убийство мальчишки. — Сказал Ринзан, повернулся к Роану, дрожащему, как на морозе, поднял ладонь и поиграл пальцами. — Кстати, привет, парень! Так что, я просто нарушаю условия контракта. Они знали, что я жрец, но не знали, что мы с тобой похожи, как... ха-ха, братья.

— Угу. Сводные.

— Ой, да ладно тебе, старший. Брат есть брат.

— И что, теперь ты просто уйдёшь?

— Ну да, но... знаешь, какое очень страшное преступление можно совершить нам?

— Братоубийство.

— Именно! Ха-ха! Ты всегда был смыслённый! К счастью для тебя, не сейчас, на сегодня мне хватит предательства товарищей.

Ринзан встал, отряхнул штаны и двинулся к выходу. В дверях обернулся и сказал, широко улыбаясь:

— Но я приду за тобой, возможно завтра, может, послезавтра. Нужно сказать илмирита́м спасибо, что напомнили о тебе.

Ринзан начал подниматься и в момент, когда зад оторвался от табурета, Эллион ударил. Нога описала правильный полукруг, ударяя шнуровкой ботинка в скулу и висок. Голова сводного брата дёрнулась, как мячик на верёвочке, тело бросило на пол... ладони ударили в доски, жрец крутанулся волчком и приземлился на ноги. Потёр покрасневшую кожу на скуле и широко улыбнулся. Будто получил не удар, способный сломать дубовое полено, а пощёчину от хрупкой красавицы.

Роан охнул, а ручки Тишь стиснулись на талии, лицо уткнулось в бок. Курьер выпрямился, весь напряжённый, как сжатая пружина. Взгляд сузился, а руки поднялись, прикрывая локтями рёбра, кисти вытянуты и расслаблены.

— Какой подлый удар! — Восхитился Ринзан. — Моё почтение! Ну раз ты хочешь поиграться...

Плавно шагнул к старшему брату, левая рука хлестнула в голову, разогнанная поворотом корпуса. Эллион заблокировал правой, коротко ударил и застыл, хватая ртом воздух. Колено жреца вбилось в живот, продавило плотные мышцы.

— Знаешь, мне всегда нравилась манера боя илмиритов. — Сказал Ринзан, разрывая дистанцию и уклоняясь от удара локтем, откинулся назад, и нога свистнула над носом. — Быстрая, странная и такая несовершенная!

— Какого... — Выдохнул Эллион, потирая живот и кривясь.

— Разница между нами братец. Ты усердный и непоколебимый, а я... ну, а я просто гений.

Ринзан атаковал, блокируя предплечьями и стремясь сблизиться с братом. Большинство атак гасит в зародыше резкими тычками. Подбивает на размашистые удары и перехватывает инициативу, будто играясь. Эллион скалится, пытается уловить логику в движениях брата, но они слишком хаотичны, как у пьяного наркомана. Изловчившись, перехватил руку, отвёл в сторону и ударил локтем в грудь. Ринзан в последний миг подставил ладонь и отшатнулся. Скривился, тряс кистью, и погрозил пальцем.

— Хорош! Это мой брат!

— Я этим не горжусь. — Буркнул Эллион, меняя положение ног и готовясь к новой стычке.

— А я горжусь, тем, что у тебя такой брат, как я. Не каждому везёт быть в родстве с гением.

Жестом фокусника жрец Аргантоса достал кинжал. Свет из окна отразился от полированной стали и разбежался по стенам солнечными зайчиками. Ринзан покрутил оружие в пальцах, широко улыбнулся и... скользнул к выходу. В дверях остановился, отсалютовал брату и исчез, только по лестнице застучали подошвы.

Эллион медленно опустил руки, выругался и принялся массировать предплечья. Ощущение, что по ним били дубиной. Пнул труп разбойника и повернулся к «грузу».

— Что это было? — Протараторил Роан. — Как он выжил от того удара?! Он благословлённый?!

— Возможно. — Пробормотал Эллион, припоминая истории о преступниках, что получили внимание Аргантоса.

Внутренний голос фыркнул, Ринзан не неуязвим, он просто расслабился в миг перед

ударом. Обмяк всем телом и просто отскочил от ноги, получив минимальные повреждения. Реакция небывалая, но не сверхъестественная. При должной сноровке может повторить такой же трюк.

— Что теперь делать будем? — Спросил Роан.

— Ничего. — Ответил курьер. — Разве что, комнату другую возьмём.

Ринзан остановился в переулке, скривился от боли в руках и груди. Что ни говори, а сводный старший брат чудовище. Когда ему в последний раз делали больно? В детстве разве что, во время обучения.

По главной улице трусит стража, стальным клином раздвигая людской поток. Стремится к постоялому двору. Привычно выждав, когда законники скроются из виду, Рин вышел из переулка. Огляделся и поспешил к выходу из города.

Стражник на воротах оглядел его с ленивым интересом.

— Уже покидаете нас, господин...

— Келеб. — Напомнил Ринзан с лёгкой улыбкой, что далась на удивление сложно от пульсирующей боли в кисти.

— Да, точно. А ваши товарищи?

— О, они решили немного поспать в таверне, а я не шибко люблю людные места, прогуляюсь по лесу.

— Ну тогда, удачи в этом. — Ответил стражник. — Будьте осторожны, скоро Танец и всякая нечисть лезет из-под земли.

— Спасибо, учту.

Новая комната меньше и без окон. Кровати всего две, нет стола и в углу навалена солома, она же раскидана по полу тонким слоем. Хмурый хозяин прикрыл дверь за собой, и путники остались одни. Эллион решительно полез в солому, сложил руки на груди. Роан покосился на дверь, торопливо подошёл и накиннул засов. Тишь, покрутив головой, направилась к кровати.

Убедившись, что засов сам не выскочит из пазов, Роан сел у стены, достав меч. Поёрзал задом, устраиваясь поудобней.

— Ты чего творишь? — Спросил курьер, не открывая глаз.

— Сторожу!

— Ты груз, это моя работа.

— Но ты ведь спишь!

— Чего и тебе советую. Сейчас таверна забита стражей и к нам никто не сунется.

— Но тот разбойник...

— Сегодня не вернётся. — Засыпая, пробормотал Эллион. — Не в его привычках.

— ... Ладно.

Парень поднялся и проковылял до свободной койки, рухнул лицом вниз. Усталость копившаяся всё время похода разом навалилась на тело. Глаза, перебарывая страх, начали слипаться. В какой-то миг из зыбкой дымки сна выплыло лицо убитого разбойника, но быстро исчезло. Упало в темноту, как монета в копилку. Роан подтянул колени к груди и окончательно уснул.

Просыпался долго и мучительно, застревая на грани сна. Сознание обволакивает смех короля и мерный стук палаческого меча по колоде. Через веки просвечивает свет и холод впивается в спину. Волевым усилием распахнул глаза и обнаружил себя на смятой простыни, со скомканным одеялом, прижатым к животу.

Через окно комнату заполняет свет, в углу у натёртой металлической пластины, Тишь расчёсывается. За время пути волосы прилично отросли и девочка проявляет к ним повышенное внимание.

Покрутив головой, обнаружил Эллиона. Курьер в противоположном углу стоит на руках, закинув ноги на стену. Мышцы спины и плеч прорисованы с жуткой контрастностью. Выгнувшись, так что подбородок параллелен полу, медленно опускается, касаясь грудью досок и также медленно поднимается. В движении не чувствуется натуги, но кожа влажно блестит и капли пота сбегает по лицу. Роан зябко поёжился, представив, сколько нужно вытерпеть, чтобы хоть раз так отжаться.

Курьер гибок, как демон ловкости, и силен, как два медведя. Абсолютно несравним с рыцарями, к обществу которых Роан привык. Те как на подбор, могучие, с огромными руками и широченными плечами, животы под стать. Ведь любимое развлечение рыцаря, кроме войны, плотное застолье с мясом и пивом.

— Доброе утро... — Пробормотал Роан, сползая с кровати.

Курьер моргнул и медленно отнял правую руку от пола, завёл за спину и прижал кулаком к пояснице. Плечо и трицепс пугающе вздулись, под плотной кожей отчётливо проступили каналы вен. Будто руку оплели тонкие змеи.

На столе стоит деревянный поднос с краюхой свежего хлеба и тарелкой каши с мясом. Наспех перекусив и запив компотом, парень потянулся к мечу. Тишь, закончив с волосами, принялась перебирать собранные в пути травки.

Меч с мягким шелестом покинул ножны, Роан с недовольством осмотрел клинок, подметил пятнышки ржавчины у гарды и запёкшуюся кровь в доле. А ведь у него нет ничего для ухода за оружием.

— Мне нужно к оружейнику. — Сказал Роан, чувствуя себя крайне неудобно, словно рыцарь встретивший даму сердца, выходя из борделя.

Эллион оттолкнулся руками и ногами, кувыркнулся и выпрямился, весь покрытый блестящим потом. Волосы на лбу слиплись в толстые иглы, а лицо покраснелось от прилива крови.

— К оружейнику, так к оружейнику.

Рыночная площадь забита народом, слуги носятся с тележками полными товара. В отдельном загоне, чуя неладное, кричат жертвенные животные. Роан идёт за Эллионом, нервно оглядывается и держит Тишь за руку, чтобы не потерялась. Немая, как любопытная белка, норовит прилипнуть к каждому встречному прилавку.

Толпа кажется скопищем негодяев, только и ждущим, как вонзить нож под рёбра. Среди мешанины лиц чудится Ринзан. Парень стискивает рукоять меча, рубаха прилипла к спине. Будто это ему поможет, если жрец Аргантоса способен выстоять против курьера.

Лавка оружейника представляет собой несколько прилавков, застеленных красным

бархатом. На них покоятся мечи от коротких, едва ли с предплечье взрослого, до огромных клинков, которые и двумя руками поднять тяжело. Прислонены щиты всех форм и размеров, с рисунком и без. Двое охранников вперили взгляды в троицу, заметив красную метку курьера расслабились. Оружейник, гладковыбритый, длиннолицый и одноглазый, широко заулыбался, будто старым друзьям.

— Чего желает благородный служитель Илмира? — Спросил он, широко улыбаясь и обводя товар рукой. — У меня есть оружие на любой вкус и руку! Может, ваша милая спутница хочет красивый нож? У меня найдётся специальный для девушек, скрытого ношения! А может, лично вам приглянулось вот это?

Он достал из-под прилавка пару перчаток с усиленными сталью костяшками. К перчаткам приделан кольчужный «рукав» из мелких колец, нашитых на мягкую кожу с ремешками. Эллион покачал головой и подтолкнул Роана. Парень неуверенно протянул меч в ножнах.

— Вот... тут это...

— Хм. — Протянул оружейник, принимая клинок, остро глянул на парня. Неуверенный, дрожащий голос резко контрастирует с хладнокровным выражением лица. — Ого... да вы, похоже, совсем забыли про уход за оружием! Ничего, я могу это поправить всего за две серебряные, но не пугайтесь, с этим выдам и набор для ухода!

— Идёт. — Ответил Эллион, протягивая монеты.

— Вечером уже можно забирать. А вот это, парнишке замена, на время работ. — Оружейник убрал перчатки и протянул кинжал в расшитых зелёным бисером ножнах. Рукоять длинная, конец чуть изогнут. — Ведь мужчина без оружия, всё равно что голый!

— С-спасибо.

И правда, взяв кинжал Роан почувствовал уверенность, растекающуюся по телу от сжатой рукояти. Одноглазый широко улыбнулся, помахал им на прощание.

Отойдя от лавки, Эллион сбился с шага, заметив в толпе два красных рукава. Быстро огляделся и, схватив Роана и Тишь, поспешил к выходу с площади. С его стороны было полным безрассудством привести их сюда, но ещё большим, оставить одних. В таверну помимо Ринзана могли прийти другие, более адекватные убийцы. Хотя, как их смог найти сам сводный брат?

Мастер не мог направить его, даже зная все повадки Эллиона. Ведь одно дело предугадывать маршрут, а другое точно указать. Но могли направить другие курьеры, с которыми он столкнулся при входе в город. Нет, тоже сомнительно. Только если Ринзан уже был здесь.

Жрецы Аргантоса не сидят в городах долго, их быстро вычисляют и придают суду. Значит, разбойники следовали за ними, нацелившись, как стрела в мишень.

— Что-то не так? — Осторожно спросил Роан, прижимая кинжал к груди.

— Да. — Ответил Эллион задумчиво. — Что-то точно не так.

В таверне при появлении Эллиона воцарилась тишина. Посетители склонились над столами, старательно делая вид, что их здесь нет. Хозяин дёрнулся спрятаться под стойку, но удержался, вцепился в столешницу и выдавливает скупую улыбку. Курьер прошёл к нему, увлекая за собой Тишь и Роана.

— Еды в комнату. Отдельные тарелки. — Сказал илмирит, выкладывая несколько монет и глядя в глаза.

— Вина? — Робко предложил таверщик.

— Травяного отвара.

— Хорошо, сейчас будет, господин!

Атмосфера тягучая, давит на плечи и затылок. Роан вцепился в кинжал, ожидая удара в любой миг. Тишь прижимается к курьеру, а тот медленно идёт к лестнице, невзначай стреляя глазами. Крылья носа трепещут, а в походке нечто изменилось. Слишком плавная и упругая. Одной рукой слегка отстранил девочку, повернулся к парню и шепнул одними губами:

— Если что, беги.

— Там засада? — Полуутвердительно сказал Роан.

— Да.

— Так может... уйдём?

— Нет. Не сейчас.

Наверху лестницу выросла фигура в оливковом плаще, в полумраке мелькнул красный рукав. Эллион остановился на полпути, смеря взглядом брата по церкви. Курьер поклонился, прижав ладонь к левой стороне груди, отступил. Роан слотнул. Эллион жестом приказал оставаться на месте.

Коридор заполнен илмиритами-курьерами, каждый, стоит Эллиону приблизиться, опускается на колени и склоняет голову. Дверь в комнату распахнута, на стуле у окна сидит женщина в белом костюме с красными рукавами. Курьер остановился на середине комнаты, медленно опустился на колени.

— Старейшина.

— Эллион, рада видеть тебя. Жаль обстоятельства не самые хорошие.

— Вы пришли за моим грузом?

Ладонь, упёртая в пол, напряглась. Женщина покачала головой, свет от окна пронизывает седые волосы, придавая вид неземной. Лучистые глаза светятся участием и лёгкой грустью.

— Нет. Как истинный слуга Илмира может даже помыслить мешать доставке?

— Как оказалось, может.

— Это печально, но мой храм не поддерживает подобное.

— Госпожа Магда... — Начал Эллион, но старейшина прервала взмахом руки.

— Докладывать не буду, но мои курьеры доложат о тебе на опросе после доставки.

Надеюсь, ты понимаешь почему?

— Понимаю. Но зачем вы пришли?

— Вот за этим. — Женщина с заметной натугой выдвинула из-за спинки стула внушительных размеров мешок. — Помятую твои предпочтения, тут всё, что может тебе

понадобиться в пути.

— Вы могли просто отправить курьера...

— Мальчик мой, как я могу отказаться от возможности увидеть тебя? Эталонный слуга Илмира, святой во плоти. Это честь для меня.

Слова, всего лишь слова. Выход старейшины из храма событие весомое и ему обязана быть приставлена охрана. А поскольку в городке маленькая обитель, то здесь сейчас все курьеры, что были поблизости. А значит, информация о маршруте задержится на несколько дней.

— Спасибо.

— Не стоит. Твоё служение заслуживает большего.

Старейшина Магда поднялась, оказавшись высокой несмотря на возраст. Величаво прошла мимо, на мгновение остановившись у склонившегося мужчины.

— Береги себя, малыш. Береги свой груз.

Когда курьеры ушли, в комнату робко вошли Роан и Тишь. Следом явился служка с подносом. Эллион привычно проверил еду на яды, кивнул и отошёл к окну.

— Ты не будешь есть?

— Потом.

Небо заволакивает серой дымкой, усиливается ветер, выдувает жуткую мелодию из печных труб. Эллион морщится от мыслей о падении братьев и благочестии местного храма. Маршрут придётся менять кардинально, но как? Когда информация дойдёт до мастера, ему не составит труда просчитать вероятные маршруты. Курьер задумчиво достал серебряную монетку. Щелчком большого пальца подкинул и поймал. Взглянул на профиль последнего императора, вычеканенный на металле. Вздохнул и подбросил ещё дважды.

Остаток дня прошёл в молчании, Тишь свернулась на койке клубком. Роан упражняется с кинжалом, скорее тренируя кисть, чем навык. Курьер подвинул кровать к двери и лежит закинув руки за голову. Повернул голову к «грузу» и сказал, тоном отмечающим возражения:

— Завтра мы уходим, назад. Потом повернём на север.

— Хорошо.

— Когда будет Танец, держись ко мне ближе и молчи. Ясно?

— Эм... да. Но может, переждём в городе? Я не хочу больше встречать тех тварей!

— О, ты их не встретишь. Будут другие, куда хуже.

Ветер гонит по дороге пыльные змейки, деревья боязливо сторонятся древних камней. Солнце словно прибили к зениту стальными гвоздями. Эллион шагает закутавшись в плащ и набросив капюшон, жара не так страшна, как солнечный удар. Тишь сплела подобие шляпы из трав и цветов, шагает смотря под ноги. Меж камней дороги мелькают изумрудные ящерицы.

Роан приложил ладонь козырьком, огляделся. Дорога тянется в зыбкое марево и спереди, и сзади. По обе стороны земля голая и раскалённая, совершенно безжизненная. Людей нет, торговцы и путешественники предпочитают переждать Танец за крепкими стенами. Через равные промежутки на обочине возвышается круглый камень. Если подойти ближе, можно различить полустёртую надпись. Буквы едва читаются, но никак не хотят сложиться в слова. Некоторые символы Роану совершенно незнакомы. Вроде бы и буква, но странная, с точкой над и полосой под.

Тишь подошла к другу, встала рядом с любопытством разглядывая древние письмена. Поправила цветочную шапочку. Парень повёл ладонью по камню, стараясь очистить надпись.

— Ты чего там делаешь? — Окрикнула Эллион.

— Пытаюсь прочесть, что там.

— Ничего.

— Но буквы же...

— Ничего не значат больше. Это язык Лур мек Гарза. — Пояснил Эллион, остановившись и поправляя рюкзак. — Безумного узурпатора.

— Кого?

— На заре империи, тысячу лет назад, — со вздохом ответил Эллион, — Лур мек Гарза убил императора, занял престол и решил, что язык нового государства должен быть... новым.

— Идея не прижилась?

— Как и сам узурпатор, младший брат убитого императора поднял восстание и безумцу отсекали голову.

Курьер подвигал левым плечом, поудобнее устраивая лямку, внутри рюкзака тяжело стукнулся металл о металл. Эллион вздохнул и поднялся, пошёл к спутнику, увлекая за собой девочку. Запнулся и замер, глядя на нечто за спиной курьера. Эллион развернулся и шумно выдохнул через сжатые зубы.

По дороге, прямо к ним, шагает путник в жёлтой и белой накидке. Его можно принять за простого незнакомца, но меч в правой руке, сверкающий отражая солнце, убивает надежду. Рюкзак соскользнул с плеча Эллиона, с глухим стуком упал на камень дороги.

Есть в походке незнакомца нечто жутковатое, плавное и хищное. Курьер быстро огляделся, сцепил зубы и... попятился. Новый враг прибавил шаг, перешёл на бег.

— В лес! — Взревел илмирит, указывая на полосу деревьев в полсотни локтей от дороги.

Первой метнулась Тишь, схватила Роана, потянувшего меч из ножен за локоть. Парень дёрнулся, почти упал, но выровнялся и побежал следом. Эллион пятится, не отрывая взгляда от врага, под ботинками проминается сухая земля. Тот приближается стремительно, клинок напоминает расплавленное золото. На худом, скуластом лице застыл оскал, а глаза круглые,

как серебряные монеты.

Деревья обступили с двух сторон, выдвинулись вперёд, как первый ряд легионеров. Под ботинками захрустели сухие листья и мелкий хворост. В нос ударила смесь ароматов коры и древесной смолы. Тишь бежит ловко, как белка, тяня за руку Роана, который собирает все кусты на пути. Под левым глазом, прямо по шраму, пламенеет свежая ссадина.

Эллион бежит за ними, но враг догоняет, лавирует меж деревьев как змея. Меч перехватил поудобней для тычковых атак, занёс... Курьер ухватился за ствол на полном бегу, по инерции крутанулся вокруг. Подкованная подошва устремилась в лицо врага, тот на полном ходу полоснул по бедру. Клинок удивлённо лязгнул о вторую подошву, что устремилась навстречу.

Удар откинул преследователя на спину, в полёте он перекувыркнулся, ударился о дерево спиной и рухнул на землю. Эллион приземлился в двух шагах от него, скривился и подогнул левую ногу. Стопа, несмотря на толстую подошву, болит. Двинулся добить, враг взметнулся, выставил меч перед собой. Одежда перепачкана лесным мусором и кровью, но сплюснен, как раздавленная слива, губы лопнули. Оскол стал шире, а зубы окрашены красным.

— Не думал, что жрецы бога войны берут заказы. — Сказал Эллион, отчаянно выискивая момент для атаки.

— Кто же откажется, от сражения с илмиритом такого ранга? — Гнусаво ответил жрец, взялся двумя пальцами за нос и с щелчком вправил. — Да ещё без последствий.

— Ну, насчёт последнего я не уверен. — Мрачно ответил курьер.

Клинок вспорол тягучий воздух с опаздывающим шелестом, Эллион едва отклонился. Отскочил, спасаясь от удара кинжалом, что будто вырос в левой руке. Закружил меж деревьев. Жрец атакует быстро и расчётливо, за каждой атакой пряча коварный удар кинжалом.

Прими бой на дороге, уже бы получил рану. Эллион сцепил зубы, прижал локти к рёбрам, сощурился до рези в глазах. Бой даже с неумелым, но вооружённым врагом, опасен. А жрец искусен, ни одного лишнего движения. Просчитывает на пару шагов вперёд и будто знает, как будет действовать курьер.

С высокой ветки за ними наблюдает чёрная белка, сжимает орешек лапками. Лес заглушает все звуки шелестом ветра в густых кронах. Низкие ветви норовят зацепиться за одежду или плечи. Эллион морщится и концентрируется на уклонении, чем капля за каплей злит врага. Жрец начинает действовать агрессивнее, но не теряя бдительности.

В прореху меж деревьев проглядывает дорога с брошенным рюкзаком. В котором лежат кованные наручи, специально для таких случаев. Курьер мысленно застонал, проклиная себя за неосмотрительность.

Клинок чиркнул у бока, а кинжал почти впился в ногу. Эллион закружил, в тихом отчаянии пытаясь подпустить к себе ближе и заблокировать удар хотя бы меча. Без травмы этот бой не завершить, надо только свести ущерб к минимуму.

Нечто метнулось к ним из-за границы взгляда. Жрец дёрнулся, лязгнул металл, Роан, оскалившийся, как мелкий хищник, отскочил, стискивая рукоять одноручного меча двумя ладонями. Кисть побелела, нижнюю губу прикусил до крови.

— Как удачно. — Ухмыляясь, выдохнул жрец. — Не придётся бегать за тобой.

Меч арбалетным болтом ударил в грудь парня, лязгнул о клинок и отскочил. Мужчина вскинул бровь, улыбка поблекла. Быстро глянул на курьера, сместился в сторону, чтобы держать противников на одной линии. Набросился на Роана, бледного, как творог. Меч

обрушился на голову, а кинжал метнулся к боку. Первый лягнул о подставленный клинок, парень сгорбился и подогнул колени, с ужасом глядя на кинжал... ботинок курьера ударил в запястье с такой силой, что руку отбросило с характерным хрустом.

Курьер проскользнул мимо Роана, прыгнул коленями на грудь врага. Жрец вскрикнул, повалился на спину придавленный, ощутимо хрустнули рёбра. На миг в серых глазах мелькнул страх... кулак ударил в кадык. Хрустнуло, костяшки продавили жёсткую плоть, коснулись позвонков. Из рта жреца щедро плеснула кровь.

Эллион тяжело поднялся с тела, оглянулся на парня. Роан так и стоит вскинув меч над головой, по левой руке бежит кровь. Чтобы заблокировать удар пришлось положить клинок на ладонь. Лицо серое, черты заострились.

— Молодец, — выдохнул Эллион, отряхиваясь, — где Тишь?

— Т-т-там...

Голос напоминает рассыпающийся по полу горох, из-за трясущейся челюсти.

— Иди за ней.

Девочка и сама выйдет, но Роану надо дать дело, чтобы перебить шок. Отвлечь от страха. Курьер глянул на мертвеца, поморщился и поплёлся к дороге. Что ж, он был предупреждён об опасных противниках и случившееся всецело его вина. Надо пересмотреть план действий исходя из того, что враг всегда знает, где он.

Тело жреца потащили глубже в лес за ноги. Голова мотыляется, как мячик на верёвке, ударяется о торчащие из земли камни и корни. Челюсть распахнута, а язык вывалился розовой тряпкой. Роан идёт позади, пинками освобождает руки, стоит им зацепиться за что-то. Тишь шагает сбоку, не обращая внимания на труп.

Накидка задралась к груди, обнажился крепкий живот с проступающими кубиками пресса. Кожа грубая, покрыта ритуальными шрамами и татуировками. С ближайшего дерева за процессией наблюдает белка. Роан сжал порезанную кисть, скривился и в который раз подавил желание пнуть мертвеца в лицо.

Эллион остановился на крохотной полянке, шумно выдохнув выпустил ноги и привалился спиной к дереву. Лоб блестит от бусинок пота, что собираются в струйки у висков.

— А не проще было там же? — Спросил Роан, оглядывая лес позади, вдруг враг крадётся следом.

— Проще. — Ответил курьер, опустил на корточки и начал шарить по карманам жреца.

— Ну так зачем?

— Потому что враг знает, что я не стал бы так делать. Так что если обнаружат труп, то будет маленькая путаница, а нам даже такое полезно.

— Хм...

В карманах и складках обнаружили мелкие монеты, пара амулетов войны в форме меча и топорика из латуни. Илмирит швырнул их за спину. Кошель, приятно тяжёлый, подкинул на ладони и бросил парню, тот поймал раненой рукой. Зашипел и выронил, тряс кистью. Мешочек плюхнулся под ноги и обиженно звенькнул содержимым.

К поясу жреца приторочена сумка-ремень, полная мясной «муки». Эллион поколебался, но тоже швырнул за спину. Провиант может быть сдобрен ядом к которому мертвец был иммунен. В полёте «мука» просыпалась и зависла в воздухе быстрооседающим призрачным шейфом.

В кармашке на плече обнаружилась латунная коробочка. Эллион издал стон, отщёлкнул крышку и вновь застонал. Внутри нечто вроде компаса, с указанием сторон света, но стрелка вместо севера смотрит прямо в грудь илмирита.

— Что это? — Спросил Роан, подходя ближе.

На поясе парня покоится новый, трофейный меч. На полторы ладони короче, с простой, но практичной рукоятью. Навершие игриво касается пальцев правой руки.

— Ничего хорошего. — Буркнул Эллион.

Повёл «компасом» в стороны, наблюдая за стрелкой. Наконечник будто прилип к курьеру и только мелко подрагивает. Тишь встала рядом, спрятав руки за спину и наклонившись наблюдает за действием. Глаза сверкают детским любопытством.

— Ну, хоть расстояние не указывает. — Вздыхнул курьер и начал сбрасывать с себя одежду.

Коробку сунул в руки парня и сказал мрачно:

— Следи за стрелкой, как только отклонится от меня, скажи.

— Эм... ладно... что это... зачем?

— То, о чём я предпочитал не думать.

— Нормально скажи!

Эллион издал стон похожий на ругань, вздохнул и покачал головой:

— Иногда курьеры пропадают и тогда их отправляются искать силы одного из храмов.

А этот компас указывает на нужного курьера.

— Как?!

— А мне откуда знать? — Огрызнулся Эллион, за агрессией пряча банальный стыд. Мог бы и сам догадаться, как его отслеживают!

Одежду швыряет подальше, бросает взгляд на Роана, тот качает головой, и процесс продолжается. Плащ, куртка, рубашка. Следом полетели ботинки, а за ними и штаны. Тишь пискнула и, накрыв лицо ладонями, торопливо отвернулась. Курьер остался в одних трусах, сделанных из лоскута серой ткани. Скрученной хитрым образом и пропущенной меж ягодиц.

— Даже не дёрнулась. — Сказал Роан, усиленно глядя на проклятую стрелку.

— Уверен?

— Да.

Эллион скривился и потянулся к узлу, удерживающему исподнее на тазе. Пальцы коснулись ткани и застыли, медленно сдвинулись. Нет. Метка точно не в трусах, он их часто меняет или стирает. Провёл ладонью по татуировкам на груди, святые письма Илмира, памятные знаки. Коснулся не приметного знака подмышкой и сжал челюсти.

Эту татуировку сделали через пять лет после становления курьером. Вспомнилась жгучая боль от иглы и жжение после. Эллион выхватил компас, поднёс к груди и стрелка плавно сдвинулась к той самой татуировке.

— Вот ведь...

Не вырезать, слишком близко артерия и множество важных вен да сосудов. Проще простого занести инфекцию и помереть в корчах.

— Что делать будем? — Спросил Роан, переступая с ноги на ногу и поглядывая на Тишь.

Девочка продолжает с наигранной заинтересованностью, рассматривать ствол дерева. Кончики ушей почти светятся от жара. Эллион сдвинул компас в ладони, дёрнулся зашвырнуть подальше и остановился. Вздохнул и наклонился за штанами.

— Идти к цели, быстро.

— Но если они знают, где мы, это ведь... бессмысленно. Нам не спрятаться!

— Значит, и не будем. Пусть сволочи соревнуются за наши головы. Награду ведь получит только тот, кто убьёт тебя. А ты, мальчик, один, а желающих десятки если не сотни.

Роан натужно сглотнул колючий ком, зябко поёжился.

Эллион прижался грудью к толстому корню, в живот упёрся острый камень. Над головой на ветру шуршат листья. С вершины холма открывается вид на лес, ленту реки и жмущуюся к ней имперскую дорогу. На последней оживлённо, несмотря на скорый Танец.

Телеги снуют туда-сюда, как взбудораженные муравьи. Пронесются отряды воинов и сложно понять, кто из них спешит в соседний осколок, а кто выслеживает путников.

Сзади, меж корней устроились Роан и Тишь. Парень осматривается, а девочка обсасывает кусочек солонины. Курьер размышляет. Можно рискнуть и войти в город или крупное село до заката, и там переждать Танец. Это опасно, если их окружит крупный отряд, сбежать не получится.

Курьер поднял взгляд к небу, Старшая и Младшая видны отчётливо над противоположными горизонтами. Малая луна слегка повёрнута от привычного положения и это плохой знак. Эллион поглаживает железный наруч на левой руке. Остаться на месте столь же опасно, но есть шанс остаться незамеченным.

— Что будем делать? — Спросил Роан, наклоняясь к защитнику и держась за дерево.

— Пока ждать.

— Ждать чего? Скоро ночь!

— Риск и скорость. — Вздохнул Эллион. — Для нас это одно и то же, по крайней мере сейчас.

Тишь на четвереньках, пачкая ветхие штаны землёй и остатками прошлогодних листьев, подползла под левую руку. Легла рядом, смотря то на лицо курьера, то на дорогу, то на Старшую луну. Рот приоткрыла и если скосить взгляд виден обрезок языка. Эллион ощутил, как по спине пробегает дрожь.

Он видел множество изуродованных людей, некоторых уродовал и калечил сам. Есть двадцать два способа превратить человека в омерзительное и беспомощное существо. Двадцать он применял за последние два года. Вот только кто и зачем отрезал язык девочке? Каким выродком надо быть для этого? Ещё выбросить в глухом лесу!

Сердце учащает бег, а пальцы против воли сжимаются в кулак.

Какую тайну она могла выболтать? Однако, если ей известно что-то важное, то почему не тронули руки? Девочка уже почти обучилась языку жестов, а в храме Илмира легко освоит письмо. Отрезанный язык не защитит никакую тайну...

На дороге началась суматоха. Группа вооружённых людей остановила повозку, убив коня и возницу. С холма сложно разглядеть, но с козел упал мужчина со стрелой в горле. Эллион сдвинул корень до белых костяшек, прикусил губу. Трое забрались в повозку, скрылись за плотной тканью. Через минуту на дорогу вышвырнули мужчину.

Тело упало на древний камень, как поломанная кукла. Сверху рухнул труп юнца, а рядом ещё живая девушка. Даже отсюда виден блеск каштановых волос и порванное платье.

— Сволочи... — Процедил Роан, хватаясь за меч, но не сдвигаясь с места. Тишь предусмотрительно ухватила за лодыжку и сдавила, яростно качая головой. — Посередь дня! Разбойники совсем обнаглели!

— Это не разбойники. — Глухо ответил Эллион, глядя и стараясь рассмотреть лица напавших.

Приметные черты, элементы одежды, даже походку и жесты. Это пригодится, если

столкнётся с ними на людной улице. Главарь это, судя по движениям и постоянно распахнутом в крике рту, лысый с серьгой в ухе.

— Тогда кто? — Спросил Роан, подёргивая ногой, почти готовый сорваться в бег и потащить Тишь за собой.

— Охотники. А этим беднягам не повезло быть похожими на нас.

Эллион обернулся на «груз» и заглянул в глаза. Да, в парнишке многое переменялось. Пролитая кровь меняет людей. А он ещё и уверовал в собственные силы. Черта хорошая, но не сейчас. Появилась мысль вырубить парня и просто переждать.

— Но они ведь совсем не похожи!

— Мужчина, парень и девчонка. Этого достаточно.

За время разговора луны сместились. Тишь притихла, а Эллион почувствовал лёгкое покалывание на макушке и предплечьях. Колдовское время наступает, подготовка к Танцу. Самому опасному из всех, в самом опасном регионе. Эллион прикусил губу, перевёл взгляд на дорогу. Изменение ощутили многие, кто-то начал настёгивать лошадей. Охотники запрыгивают в повозку, а тела бросили на дороге.

Те что поспокойней проезжают мимо, качают головами. Пара доброхотов оттащила мертвецом на обочину. Но скорее чтобы не мешались под колёсами и не пугали лошадей.

Эллион сглотнул, бросил взгляд на луны. До Танца ещё есть несколько часов, но до города примерно столько же.

— План такой. — Выдохнул курьер, поднимаясь на колени. — Ждём два часа и выдвигаемся на дорогу.

— Зачем? Может, лучше здесь переждём? Место удобное. — Возразил Роан. — Те склизкие штуки нас и не заметят, можем даже в кроне спрятаться!

— Они здесь не появятся. А то, что будет... лучше нам это вообще не видеть.

Курьер спрятался за дерево, опустил на землю и прикрыл глаза. Усилием воли замедлил дыхание и погрузился в зыбкое подобие сна, стремясь восстановить хоть каплю сил перед отчаянным рывком.

Сбербанк: 4274 3200 6585 4914 ВТБ: 4893 4703 2857 3727 Тинькофф: 5536 9138 6842 8034

Время тянется, как густая смола, в которой застывают страхи. Роан, сцепив челюсти, наблюдает то за дорогой, то за подготовкой к Танцу. Старшая сегодня крупнее обычного, а диск из серебряного стал красноватым. Тишь сидит на корне за деревом, перебирает травинки, нервно растирает меж пальцев. Курьер прильнул к земле и осматривает склон с лесом. Брови сдвинуты к переносице, а на лбу собрались глубокие морщины. На виске пульсирует вена.

Сбежать втроём по крутому склону, прорваться через чашу к дороге и не сбавлять темпа до самого города. Если повезёт, то смогут запрыгнуть в запоздалую телегу или повозку. Сложно, но вполне реально. А вот что делать в городе?

Эллион прикусил губу. Эта мысль пришла слишком поздно. Ведь за крепостными стенами скапливаются все враги. А он, как мышь, бежит в распахнутую пасть хищника.

Курьер мотнул головой, зажмурился и распахнул глаза. Под стенами есть укрытия для путников, не самые надёжные, но всяко лучше, чем без них.

На дороге народ истаивает, на глазах илмирита богатая карета развернулась и помчалась обратно. Видимо, до благородного дошло, что до Танца не успеть добраться до цели. На обочину потянулись мужчины, до этого сидевшие в придорожных кустах. Принялись седлать коней. Среди них мелькнула знакомая фигура и Эллион заскрипел зубами. Ринзан!

Братец взобрался на коня, огляделся и, будто насмехаясь, козырнул в сторону курьера. Засмеялся и погнал коня к городу, нахлёстывая плёткой.

Луны сближаются с ускорением, обращённые к земле стороны вращаются по часовой, у Младшей и против, у Старшей. Роану они напоминают два брошенных навстречу снежка, что вот-вот столкнутся и разобьются, или сольются в один большой. По хребту пробегает нервная дрожь, как и каждый раз во время такого Танца. Мерзкий страх, что вот сейчас сёстры столкнутся и миру придёт конец, как и говорится в древних легендах.

Эллион бросил взгляд на небо, поморщился и махнул над плечом.

— Пошли!

Тишь сорвалась с места, как белка, побежала рядом с ним, опередив Роана. Густой вечерний воздух превратился в плотный и злой ветер, что хватает за волосы и тянет назад. Лес впереди разрастается и увеличивается, захватывает мир. Дорога исчезла, остались только деревья, сумрак и грохот крови в висках.

Слетев с холма Эллион перешёл на спокойный бег с широкими, прыгучим шагом. Так меньше шансов запнуться о корень. Выбежал на звериную тропу и огляделся. Роан мчится держа ножны в левой руке, похвальное решение. Тишь стоит рядом и задумчиво смотрит на спутника.

Луны преодолели половину пути до Танца и ускоряются.

Лес обступает людей, тревожно шуршит листьями. Меж корней поднимается серебристый туман. Эллион на ходу затягивает ремешки наручей, разминает плечи. В полумраке сверкают глаза Тишь, отражая свет, как кошачьи. Среди звуков леса проступает шум дороги. Против желания Эллион замедлился и припал к дереву, до рези в глазах вглядываясь в проблески света меж деревьев.

Людей почти нет, только один всадник промчался мимо, отчаянно настёгивая коня.

Роан потянул меч из ножен, встал рядом с курьером. Туман поднялся до щиколоток, выстреливает дымчатые щупальца, пытаюсь ухватиться за сапоги.

Тело капля по капле теряет вес.

— Двигаемся. — Скомандовал Эллион.

На дороге тихо, в кювете лежат трупы, едва присыпанные землёй и пылью. Поднимается вертикальный ветер, вскидывает волосы к чернеющему небу. Серебряная дымка выплёскивается к дороге, протекает в щели меж камней. Эллион выругался, побежал посередине дороги, увлекая за собой спутников... Арбалетный болт свистнул перед носом. Курьер откинулся назад, потерял равновесие и перекатился через спину. Встал на колени, озлобленно осматриваясь.

Кусты зашевелились и наружу вышло пятеро мужчин. Нервно переглядываются, двое держат арбалеты, третий торопливо перезаряжает, крутя ворот. Оставшиеся двое рычат на него:

— Целиться надо было в пацана!

— Та куда он денется! Мужика нужно валить было!

— Атаман тебе что говорил?!

— Да в пекло атамана! Я от курьера бегать не хочу!

— Идиот! Нам всё равно бежать надо будет!

Двое вскинули арбалеты и два болта с металлическим щелчком сорвались в Роана. Парень дёрнулся, пытаюсь закрыться мечом... толстая стрелка ударила в плечо, развернула вокруг оси как турнирное чучело. Парня бросило на дорогу, Тишь ухватила за одежду. Не удержалась и повалилась сверху, издавая звуки похожий на крик.

Второй свистнул мимо. Ударился далеко за спиной о камни и в брызгах искр скрылся в наползающем тумане. Курьер выпрямился, стиснул кулаки и загородил собой, мрачно смотря на разбойников. Двое, под прикрытием успешного перезарядиться, мрачно ругаясь двинулись на него, поигрывая шестопёрами.

Эллион согнул колени, выставив левую ногу вперёд и вывернув стопу, создав напряжение в голени. Тело, как натянутая пружина, мышцы подрагивают. Руки поднимаются в классическую позицию, рукава нехотя соскользнули и в тускнеющем свете блеснули наручи. Взгляд холодный, в расширившихся зрачках отражается Младшая сестра, спешащая на встречу со Старшей.

Разбойники разошлись в стороны, один слева, другой справа. Арбалетчик держит на прицеле, но острие болта смотрит через курьера на Роана. Парень корчится на камнях, вертится в шоке, пытаясь вырвать болт из плеча. На губах закипает пена, глаза закатываются. Тишь хватает за руки, прижимает к земле, не даёт перевернуться на живот.

Стоит курьеру сдвинуться, как стрелок добьёт парня. Двое оставшихся торопливо крутят ворота арбалетов, не спуская с илмирита хищных взглядов. Стальные тетивы неумолимо вытягиваются в боевое положение.

Разбойники напали одновременно, скорее вынуждая Эллиона отскочить. Шестопёры обрушились на плечи и голову.. Откинулся назад, правый ботинок взмыл вверх и ударил под локоть. Щёлкнула тетива, Эллион ухватил второго за запястье и ворот, рванул на себя.

Первый разбойник отшатнулся, выпучив глаза на руку, вывихнутую в локте и похожую на надломленную палку. Второй булькнул и обмяк, одежда на груди вспучилась бугорком и стремительно пропитывается кровью.

Курьер отшвырнул умирающего, в прыжке ударил левой ногой в живот первому. Оттолкнулся и коленом врезал в челюсть. Разбойник завалился на спину и Эллион, используя силу падения, ударил по горлу открытой ладонью. Перекатом скатился в сторону и вскочила. Арбалетки, нещадно матерясь, целятся в него, забыв про Роана.

Щёлкнула стальная тетива, смазанный росчерк метнулся в лицо. Эллион на рефлекс отклонился, на половине движения вспомнил о том, кто за спиной. Ладонь взметнулась вверх, кожу полоснуло жгучей болью.

Арбалетки заголосили, стрелявший бросил оружие и сломя голову ломанулся в лес. Оставшиеся двое нервно оглядываются и пятятся. Эллион недоумённо перевёл взгляд на ладонь. Меж стиснутых пальцев капает кровь. Наконечник болта торчит, сжатый в кулаке, как голова рыбы.

— Да ладно... — Пробормотал Эллион, отбрасывая болт и стараясь не смотреть на кисть.

Широко развёл руки, переводя взгляд на оставшихся разбойников, оскалился. Те попятились активнее, один не выдержал и бросился наутёк, последний продержался немногим дольше. Когда они скрылись из виду, курьер торопливо развернулся к спутникам. Роан лежит раскинув руки, на лбу пламенеет свежая ссадина. Тишь, трясаясь и прижимая к груди камень, стоит над ним.

На миг сердце остановилось. Эллион вздрогнул, но заметил, как грудь парня вздымается и опадает. Живой. Девочка просто вырубил его, как смогла. Иначе он навредил бы себе, больше чем болт в плече и удар камнем.

Торопливо склонился над Роаном, осмотрел раны, принюхался к болту, не отравлен ли. Бросил взгляд на небо, луны ещё «далеко», но времени мало.

— Проклятье!

Наконечник пробил плечо и высунулся с обратной стороны, красуясь неровными гранями. Эллион выхватил нож, торопливо срезал оперение. Посмотрел в лицо, бледное, с бусинами холодного пота на лбу и щеках. Губы почти белые, глаза запали. Приподнял за шею, поднёс ладонь к обструганному древку и резко ударил. Болт скрылся в ране и вышел с другой стороны.

Роан распахнул глаза и рот, захлебнулся истошным воплем. Курьер торопливо ухватил наконечник. Выдернул болт и отшвырнул в наступающий туман. Лицо парня осталось непроницаемым, но пота стало больше, а рот распахивается всё шире. Только сейчас, в горячке, Эллион осознал, что «груз» вопит разрывая связки. Шрамы на лице наливаются кровью, она же плещет из раны на плече. Тишь подбежала и старается запихать внутрь свёрнутые травы и чистые тряпицы.

Эллион помог встать, но Роан обвис на руках, оглядываясь, как пьяный и постоянно роняя голову на грудь. Тишь вертит головой, тянет курьера за рукав и тычет пальцем на дорогу. Серебряный туман выплёскивает на камни, вздымается как живое существо. Призрачные щупальца вытягиваются к лунам. С холмов стекает белёсое марево, заполняет лес.

— Да чтоб меня... — Прорычал Эллион, волоча парня как соломенное чучело.

Если у вас есть возможность поддержать, я буду бесконечно благодарен. Ваш вклад — не просто материальная поддержка, это вера в меня и в то, что я делаю. Сбербанк: 4274 3200 6585 4914 ВТБ: 4893 4703 2857 3727 Тинькофф: 5536 9138 6842 8034 Спасибо вам за доверие и понимание. С наилучшими пожеланиями, Александр Шавкунов.

Над лесом мучительно медленно вздымаются щупальца белёсого тумана. Обе луны едва заметно смещаются; теперь их можно увидеть разом, не поворачивая голову. Роан стонет, глаза подёрнуты дымкой. Одежда на плече темна от крови, тонкие струйки сбегают по руке и срываются с пальцев на брусчатку частой капелью. Тишь на бегу срывает пучки травы и листьев с кустов, часто оглядывается.

Эллион видит беспокойство, граничащее с паникой; девочка точно знает, что случится, когда луны сойдутся. Курьер сцепил челюсти до боли и солоноватого привкуса. Парень лёгкий, куда легче, чем самая тяжёлая посылка, что ему доводилось доставлять. Сложность в том, что этот груз дёргается и стонет от боли, пытается вырваться.

Вес будто истекает из тела, ещё немного, и бежать придётся длинными прыжками. Свет от лун заливает лес и дорогу, искажает перспективу. Пахнет камедью и железом, чей вкус чувствуется на кончике языка. Волосы на руках и затылке поднимаются, а кожа по всему телу покрывается мурашками.

Дорога тянется бесконечно и будто искажается, деревья расправили ветви над ней. Листья вытянулись к тёмному небу, смотрят кончиками на Старшую Сестру и мелко подрагивают в потоках воздуха. Роан застонал громче, со лба сорвались капли пота и на мгновение застыли в воздухе, прежде чем упасть на дорогу за спиной курьера.

Кровь шумит в висках, сердце гремит о рёбра. Чувство времени смазывается, Эллион рычит и мысленно прокликает брата. Ринзан спланировал нападение, предвидя каждый шаг, не только благодаря «компасу». Подонок всегда был умным, как демон, но учение Аргантоса превратило в редкостную сволочь.

Туман занял обочины, бурлит и скапливается между деревьями, поднимаясь до нижних ветвей. В дымчатом мареве нечто двигается, приглядывается к людям. Нечто невозможное, немислимое и существующее только на время Танца. Эллион замечает краем глаза очертания существ, и живот сковывает холодом. Это не то, с чем может справиться смертный, не то, что можно ранить или убить. Это смерть.

Тишь на бегу запнулась, рухнула лицом вперёд, за миг до удара сгруппировалась и прокатилась клубком. Вскочила на ноги и завертелась, прикусив губу. Глаза засверкали отражённым серебряным светом, и тут Эллион услышал голос из чащи и тумана. Густой и тихий, как плеск вязких болот. Слова непонятны, но в них сквозит чистейшая ненависть ко всему живому.словно Аргантос самолично пришёл за ними, чтобы прервать мерзостно упорядоченную жизнь и заменить её томным хаосом разложения.

Эллион прибавил шага, нагнал девочку и, бросив взгляд на столбик, выглядывающий из тумана, остановился. Это не имеет смысла. Они пробежали только половину пути, а луны почти сошлись. Старшая и Младшая начинают Танец, смещаясь с орбит на круговую, преследуя друг друга, но не в состоянии сократить разрыв. Тени бегут по их поверхностям, скрывая то Старшую, то Младшую, а в некоторые моменты и обе луны. Над лесом, на месте холма, служившего группе убежищем, вздымается огромная колонна серебряного тумана.

Тихий вой разносится по земле, вместе с дрожью. Нечто двигается под пластами породы, смещается, и чувство, будто стоишь на древней трубе, в которой очень быстро течёт вода. Эллион с некоторым запозданием осознал, что так оно и есть. Танец вытягивает грунтовые воды к поверхности.

Туман подбирается к людям, а вместе с ним и тварь, прячущаяся за белёсыми ключьями. Смрад её дыхания забивает нос, вместе с вонью свежей крови. Эллион медленно опустил Роана, окончательно потерявшего сознание, на дорогу. Сглотнул сухой ком. Стиснул кулаки и принял стойку. Левый кулак на уровне пупка, а правый отведён к груди. Полная готовность получать и наносить удары, чтобы на него не прыгнуло из дымки. Это бесполезно, но он не собирается умереть, склонив голову.

— О, Илмир... — слова слетели с немеющих губ, — В час страха, сохрани мою решимость. О, Бог Знания, сохрани мою историю для братьев и не дай сгинуть в неизвестности. Пронзи Тьму мечом своим, коим являюсь я.

Взгляд впился в надвигающийся вал тумана, из стиснутых кулаков закапала кровь. Эллион чуть сгорбился, только в сказках и балладах герои умирают с прямой спиной. Да он и не герой. Ох, Илмир, дай нанести хотя бы один удар!

Тишь выросла перед ним, растрёпанная и с горящими глазами. Личико перекошено мукой и тоской, но не страхом. Пальцы заметались, сплетая в едва различимые знаки.

«Скажи звук, как кузнечик хрустит, как камень падает на камень.»

— Что? — пробормотал Эллион, сбитый с толку и разом потерявший настрой умереть, сражаясь, кости превратились в жидкий туман, а мышцы в кисель.

«Просто скажи это!»

Курьер неуверенно издал серию звуков, девочка поморщилась, но кивнула.

«Отсчитай до трёх и повтори как можно громче.»

Эллион качнулся, сил совсем не осталось, одежда мерзко липнет к спине, а между лопаток целый ручей холодного пота. Туман уплотняется и будто высасывает жизнь. Мотнув головой, собрался с остатками решимости и начал повторять звуки, от которых сразу заболело горло. Тишь развернулась спиной, и ладони девочки запорхали перед ней, под каждый звук сталкиваясь и складывая причудливые фигуры из пальцев. Каждый шлепок имеет другой оттенок звука и его «форму», будто это причудливый звуковой алфавит, язык мира...

Свет ударил разом отовсюду, над головой на высоте вытянутой руки протянулись золотые нити. Сомкнулись, образуя купол из ячеек наподобие пчелиных сот. Тишь шумно выдохнула и рухнула на колени, мелко затряслась, издавая гортанные всхлипы. По бледному лицу побежали слёзы.

А если вам захочется поддержать меня в последние дни лета, то вот:Сбербанк: 4274 3200 6585 4914ВТБ: 4893 4703 2857 3727Тинькофф: 5536 9138 6842 8034Ещё раз, огромное спасибо за слова и поддержку!

Мертвенный туман накатывает на купол золотого света, как живое существо. Эллион распахнул глаза во всю ширь, магический свет отражается в зрачках. Роан лежит молча, потерявший сознание, а Тишь рухнула на колени и глухо завывает, прижав ладони к груди. По щекам бегут слёзы, а рот кривится.

За магической пеленой чудится движение, нечто бродит вокруг, присматривается к людям. Курьер подмечает смазанный силуэт, совершенно непохожий на человеческий или звериный. Нечто со множеством конечностей, гротескное и вытянутое. Будто клякса, очень уродливая.

Отойдя от первого шока, коснулся плеча девочки и когда она повернулась, спросил:
— Что это?

Тишь всхлипнула, опустила взгляд в землю.

«Отсрочка. Прости.»

— Ладно, мы живы, а это уже что-то. Давай подлатаем парня.

Немая оглянулась на распластанного Роана, будто только заметила. Шумно втянула носом и поплелась к спутнику, доставая из плаща собранные травы. Пучки давно потеряли свежесть, пожухли и вяло покачиваются на ходу. Эллион шагнул за ней, застыл в полуобороте. Перед куполом стоит человек, молча и не двигаясь. Разбойник с перебитым горлом. Пустые глаза впились в курьера, рот безвольно распахнут, а язык вывалился. Туман сочится из глотки и носа, как дым.

Тишь его пока не заметила, слишком занятая Роаном. Одежду над раной срезала и промывает водой из фляги. Сгустки крови убирает обрезками ткани. Парень распахнул глаза и невидяще вращает ими, хрипло постанывает. Лицо так и осталось непроницаемым, как посмертная маска.

Мертвец дёргано поднимает руку, как марионетка. Ладонь с отчётливым шлепком хлопнула по световой стенке. Звук, к удивлению Эллиона, прозвучал в голове минуя уши. Тишь рывком развернулась, глаза округлились, рот перекосило... увидев мертвеца выдохнула и вернулась к врачеванию.

Ладонь скользит источая едкий дымок и смрад. Меж пальцев выстреливают язычки голубого огня. Нечто в тумане позади мертвяка сдвинулось и труп взмыл к Сёстрам. Мелькнула растоптанная подошва с дыркой. Эллион попятился сжимая кулаки и гадая, что за магию использовала девочка.

За всю жизнь он не слышал о выживших на этой дороге во время Танца. Только маги, сохранившиеся у стен и в глубоких ямах меж корней дубов, возвращались в города утром. Но нет ни одной магической школы, с подобным чтением заклинаний. Кирион и Луниса не дают последователям подобной силы!

Из раздумий вывело подёргивание за рукав. Эллион обернулся и взглянул в полные слёз и страха глаза. Тишь повела к Роану, жестами объясняя:

«Плечо повреждено сильно, рука бесполезна, даже с травами отрезать через пару дней. Может умереть.»

Слова даются с трудом из-за мелкой дрожи. Девочка часто шмыгает и утирает набегающие слёзы кулачком. Эллион прикусил губу. Если парень умрёт, доставка сорвётся, священное служение Илмиру будет опорочено.

— Ты можешь ему помочь?

«Могу, но это смерть нам быстрее.»

— Почему?

«Наказание. Они придут за мной, но ты видел и тебя тоже убьют.»

— Делай, а с «ними» я уж разберусь. — Ответил Эллион широко улыбаясь.

Губы двигаются нехотя, на душе скребутся кошки. Кто за ними может прийти из-за этой странной магии? А ведь это будет добавка к уже имеющимся охотникам за их головами. Проклятье... он доставлял письма от которых зависела судьба тысяч людей и десятков Осколков, ценности дороже дворцов! Кто бы мог подумать, что шрамированный парнишка доставит БОЛЬШЕ проблем?!

Эллион сжал ладони у солнечного сплетения, шумно выдохнул, изгоняя из разума сомнения. Посмотрел на Тишь.

— Действуй.

Девочка кивнула и опустилась перед Роаном на колени. Жестами указала держать крепче. Поднесла указательный и средний пальцы к ране.левой рукой трижды щёлкнула пальцами в разной тональности и гулко замычала, заставляя воздух гудеть в горле. Кончики пальцев вспыхнули серым пламенем, девочка сглотнула слюну. Оглянулась на курьера и вогнала пальцы в рану.

Роан распахнул глаза, заорал пытаясь вскочить и отбросить Тишь. Эллион вдавил в брусчатку всем весом, едва удержал. На губах будущего короля выступила красная пена, глаза бешено вращаются. Тишь сосредоточенно двигает пальцами в ране, будто выскивает что-то.

Вой разносится над туманом и лесом к танцующим Сёстрам. Луны кружат в чёрном небе, будто скреплены незримой нитью. Башня из призрачного тумана вздымается к ним. Мир застыл в ожидании конца. В этот месяц Сёстры ближе друг к дружке и малейшая ошибка уничтожит мир.

Под куполом золотого света Роан мечется в хватке курьера. А за ним из тумана наблюдают жадные глаза. Нечто в самом мироздании отзывается на действия Тишь, будто незримые струны под магическими пальцами. Эллион косится на неё и чувствует себя мошкой, что опустилась на паутину.

Пальцы с хрустом пробиваются глубже, Роан хрипит, выгибается дугой и... обмяк, как тряпичная кукла. Глаза закатились, сверкая на сестёр красноватыми белками. Эллион неуверенно отстранился, потрогал жилу под ухом и облегчённо выдохнул.

Взгляд скользнул по золотым стенкам и упёрся в мертвецов. Убитые разбойники вышли на свет. Убитые им и те, что убежали в лес. Последние выглядят так, будто по ним проскакала тяжёлая конница. Тусклые глаза сочатся чёрным мёдом, он же течёт изо рта. Движения дёрганные и механические, как у марионеток в плохом театре. Под кожей на шеях извивается нечто.

Первый припал к куполу, яростно зашипело и труп медленно продавливая кисть внутрь. Плоть обугливается, но рука продолжает движение. Эллион запоздало осознал, что через неё может проскользнуть то, что прячется в мертвеце.

Размашисто ударил ногой. Под кованной пяткой хрустнули кости и мертвяка отбросило в туман. Шикнуло и на плотной коже ботинка остался обугленный след. Курьер прикусил губу. Ночь предстоит долгой...

Сёстры ускоряются, а туман следует за ними закручиваясь в призрачную спираль. Эллион стоит над спутниками, пока Тишь латает Роана. По ту сторону золотого света скапливаются мертвецы, вылезли даже несчастные которых убили днём. Курьер мрачно смотрит в перекошенное судорогой лицо девочки, которую приняли за Тишь.

Туманное марево сочится из ноздрей и рта, будто живое. Движения мертвецов дёрганные и противоестественные. На глазах Эллиона один выгнул колени в обратную сторону и продолжил ковылять вдоль стены золотого света.

Вместе с мертвецами есть нечто иное, прячущиеся от взгляда и полное ненависти. Курьер ощущает пылающий взгляд, от которого кишки сводит судорогой. Чистая и незамутнённая ненависть, столь сильная, что ни один смертный не способен на такую. Эллион стискивает кулаки, наблюдая за каждым движением мертвецов. Чутьё подсказывает, что если хоть один запустит хоть крупицу тумана внутрь: эта ненависть обрушится на них.

Роан застонал. Глаза широко распахнуты, но ничего не видят. По лицу катятся крупные капли липкого пота. Верхняя губа подрагивает, приподнимается открывая желтоватый клык. Из уголка рта стекает слюна с пузырьками.

Скрюченная рука коснулась купола, и Эллион тут же ударил ногой. Хрустнули пальцы, мертвец отшатнулся скорее «по привычке» оставшейся от тени Жизни. С другой стороны ещё двое припали к золотому свету, и курьер атаковал их. Отступил затравленно оглядываясь.

Долго так продолжаться не сможет. Мертвецы прорвутся внутрь, как только Тварь переборет остатки рефлексов. Значит, нужно сделать так, чтобы они вообще не могли двигаться.

Курьер мрачно оглянулся на доставку, парень жив и судя по довольному лицу Тишь, жить будет. Но они умрут, если он не справится. Сорвётся доставка, его священный молебен Илмиру, его долг перед божеством! Эллион сцепил челюсти, оглянулся на Тишь, сорвал с пояса флягу и запрокинул над головой, свинтив крышку.

Струя тёплой воды дурила по макушке, расплескалась по плечам, пропитывая плащ и капюшон. Девочка рывком обернулась, распахнула рот в беззвучном крике. Курьер прыгнул через стену света, спрятав голову под мокрой тканью.

Вспышка жара пронзила тело даже через одежду. Над ним, смешиваясь с туманом вскинулись клубы пара. Взмыли к танцующим Сёстрам. Эллион, источающий пар, обрушился на зомби бывшего разбойником. Повалил и одним движением размозжил голову о камни. Вместо крови плеснул чёрный туман и курьер задержал дыхание, взвинчивая темп движений. Развернулся на одной ноге, ускоряя удар другой. Окованный ботинок ударил в висок и тонкая кость хрустнула. Голова ударилась ухом в плечо. Мертвец завалился набок, а курьер прыгнул на другого.

— О, Илмир! Услышь меня и дай сил! Я не подведу, я закончу доставку...

Слова срываются с губ хриплым шёпотом. Курьер крушит холодную плоть, ломает кости и перебивает хребты. Обезвоженные тела валятся на брусчатку, бесполезные для Твари. Ей придётся приложить больше усилий, чтобы заставить их двигаться. А значит, он сможет отбиваться... Безжалостный удар обрушился на голову. В последний миг Эллион подставил предплечье по воле инстинкта. Хрустнуло и тело швырнуло на брусчатку, покатило, обдирая

одежду и плоть под ней.

Эллион перекатился через плечо дважды, с кошачьей грацией вскочил на ноги. Левая рука висит вдоль тела, как лоскут мокрой ткани. В стороне у золотого барьера, над телами сломанных марионеток стоит Тварь. Олицетворение самой Ненависти. Морда оскалена, покрыта жидкими «глазами», что как мокрицы ползают по медвежьему черепу. Тело, гротескная поделка из приращённых конечностей с добавленными суставами.

С выжигающей сомнения ясностью Эллион осознал, что ему не победить. Его убьют и сделают марионеткой, что пробьётся через барьер. Он мог бы умереть без страха, но нет Брата Курьера, что закончит доставку за него. Он подвёл Илмира.

Левая нога назад, правая вперёд. Правую руку чуть согни в локте, кулак выставь перед собой. Нацель в солнечное сплетение врага. Колени согни, стань подвижнее воды. Ты готов умереть, но не проиграть.

Эллион разжал кулак и расслабил пальцы. Тварь бросилась раскинув руки и лапы. Шаг навстречу и в сторону, удар коленом и рукой-плетью. Пальцы впились в морду, сорвали десяток глаз и отшвырнули в туман. Тварь взвыла, попыталась ухватить и прижать к себе. Курьер отпрыгнул и вновь принял стойку. Левая рука пульсирует и набухает горячей болью.

Смерть!

Мысль заполнила собой сознание, вытеснив даже тень страха. Осталось только сожаление о проваленной доставке. Эллион зашептал молитву Илмиру, умоляя божество о прощении. Он оказался недостойным служителем, не заслужившим ничего, кроме презрения.

Медвежья морда сочится гнилостным туманом из разорванной плоти и пасти, меж гнилых клыков. Эллион смотрит на неё, следит за десятком рук и лап, за каждым движением. Его учили убивать и калечить людей, но не монстров из ночных кошмаров мира. Он не маг и не воин-герой, чтобы выстоять против порождений Танца.

Тварь рванулась, как медведь, на четвереньках. Прыгнула на курьера, стремясь подмять и перекусить шею как тонкую ветвь. Эллион крутанулся на месте, ударил ногой в нос. Чуть подпрыгнул и оттолкнулся от морды. Монстр рухнул на место, где человек был за миг до этого. Взревел, оставшиеся глаза впились в курьера с ненавистью, способной убить.

Эллион скривился от осознания, что это конец. Боль слишком сильна, сил не осталось. Он умрёт. Надо лишь сделать так, чтобы Тварь не смогла использовать труп. Пусть разорвёт в клочья...

Когтистая лапа ударила в живот. Эллион ощутил, как чёрные когти касаются кожи... перехватил и перекатился по лапе, как по доске. Ударил ногами в морду, продолжая сжимать «запястье». Человеку такой удар сломает шею, даже медведю придётся несладко...

... В голове взорвался свет. Огненное знание наполнило мозг и пронеслось по телу, как молния. Эллион зацепился ногами за короткую шею, резко согнулся, нанося удар локтем левой в широкий лоб. Хрустнуло и гнилая кость лопнула, освобождая туман, что хлынул на широкие плечи. Курьер извернулся, оказался на загривке и сложив ладонь «копъём» ткнул в плоть. Пальцы пробили шкуру, и рука погрузилась по плечо. Ухватила нечто холодное и бьющееся.

Тварь издала рёв, в котором к ненависти примешался звенящий ужас. Пальцы сжались, Эллион вырвал чёрное сердце источающее гнилой туман и спрыгнул с Твари. Поднял трофей под свет Сестёр и сдавил. Меж пальцев брызнуло чёрное и склизкое. Чудовище замолкло. Глаза потухли, и тело осыпалось на дорогу, растворяясь, сливаясь с туманом.

Курьер шумно выдохнул и опустил взгляд на левую руку. Сжал и медленно разжал кулак, пытаясь осознать произошедшее.

Собираю скромную сумму для оплаты квартиры. А что будет сверху отложу в копилку. Если у вас есть возможность и желание, прошу поддержать меня звонким рублём. Чтобы я и дальше мог писать для вас новые главы и романы.Сбербанк: 4274 3200 6585 4914ВТБ: 4893 4703 2857 3727Тинькофф: 5536 9138 6842 8034

Роан очнулся от горького привкуса на губах, застонал, разлепил глаза. Солнечный свет резанул по зрачкам, как бритва и голова будто взорвалась. Из слепящего марева оформился силуэт девушки, голубая полоса неба за ней и зелёные ветви. Прохладный ветерок, первый признак подступающей осени, коснулся лица.

Тишь отняла от губ деревянную миску, довольно улыbnулась и отступила. Перед Роаном открылся вид на поляну с узкой тропой, прикрытой разлапистыми кустами. Курьер сидит на телеге, заваленной набок и что-то перебирает внутри. На земле рядом раскиданы вещи, земля истоптана.

— Мы живы? — Выдохнул парень, потянулся встать... плечо пробило болью, как раскалённым шипастым прутом. — Твою ж... ах...

Тишь хлопнула ладонью по лбу, придавила к земле качая головой. Что-то показала другой рукой, но Роан ничего не понял. Скосил взгляд на плечо и зашипел через стиснутые зубы. Он лежит полуголый, вместо одежды хаотично намотанная на плечо ткань. Меж складок торчат травинки и листья, сочится густая мазь. Кожу под ней покалывает и холодит, как кусочком льда.

— Всё плохо? — Убито спросил Роан.

Девочка неопределённо покачала головой, парень вздохнул.

— Ну, я хоть смогу ей двигать?

Кивок, но неуверенный. Со стороны тропы ветер донёс глухое ржанье. Роан с трудом сел, двинул рукой и пошевелил пальцами. Скривился, чувствуется каждая мышца и жилка, будто скрипят при движении. Курьер прыгнул с телеги, держа на плече свёрток, двинулся к спутникам. Нечто в его движениях изменилось, будто они стали плавнее. Взгляд отстранённый и подёрнут дымкой задумчивости.

В свёртке оказался вяленый окорок, покрытый толстым слоем специй. Очень вкусный, но Роану пришлось есть с помощью Тишь. Девочка срезает тонкие лоскуты мяса, сворачивает и отправляет в рот. Голод перебарывает стыд, и парень жуёт, умоляя небеса, чтобы подруге не пришлось в голову двигать его челюстью.

— Как мы выжили? — Наконец, спросил Роан оглядываясь.

Над кромкой леса зависла блёкляя Младшая Сестра, Старшая кокетливо выглядывает с противоположной стороны. Мир ощущается сонным и невинным, как детская мечта. Будто и не было разбойников и арбалетного болта в плечо.

— Чудом. — Ответил курьер, бросил взгляд на Тишь.

— Что ж, всяко лучше, чем помереть. — Философски заметил Роан.

— Возможно...

— А что с этой телегой?

— Не успели до города доехать, и были менее удачливы, чем мы. — Ответил Эллион, указал на тропу. — Мы уже близко.

В теле чувствуется нечто новое, будто свет растекается по жилам. Эллион прислушивается к телу и пытается осознать, что случилось ночью, благословил ли его Илмир или это магия Сестёр. Близится полдень, у городских ворот выставлена двойная стража. То и дело по дороге проносятся отряды воинов в полном снаряжении, вооружённые копьями и

тяжёлыми арбалетами. Вместе с каждым двигается один волшебник, в походном облачении.

На группу смотрят с подозрением, но заметив красный рукав курьера, быстро теряют интерес. Стража пропустила без лишних расспросов. Город встретил гулом голосов и толчеей на улице, мимо проехал вагончик пекаря, источающий ароматы свежей выпечки. К Роану сразу прицепилась облезлая псина, не то ластящаяся, не то пытающаяся цапнуть за сапог. Эллион чуть сгорбился и идёт вдоль стены, бросая взгляды на крыши, ожидая увидеть людей Ринзана.

Контролирует положение «груза», опасаясь, что в толпе есть убийца. К счастью, людей после танца не так много и легко выловит подозрительное движение. Они идут вдоль закрытых лавок, пересекая стыки улиц. Тишь притихла, горбится и прячет лицо под капюшоном.

Навстречу им вышло двое курьеров, перегородили дорогу. Плечистые, с острыми лицами и холодными глазами. Красные рукава, ботинки со стальными носами. На руках тускло блестят кастеты, закрывающие костяшки.

Оба с почтением поклонились, сохраняя приличную дистанцию.

— Приветствуем, благочестивый Эллион. Мы полны скорби, потому что должны сделать.

Эллион положил правую ладонь на левую сторону груди, мрачно кивнул. Прохожие оглядываются на них, торопливо расходятся в стороны, забиваются в переулки.

— Это так необходимо, братья?

— Приказ настоятеля.

— Хм... давайте сделаем так. Вы отведёте нас в храм, а там уже разберёмся, без лишних глаз. Мы ведь не хотим, чтобы о слугах Илмира пошли плохие слухи?

Курьеры переглянулись, замедленно кивнули и расступились.

— Хорошо, прошу, следуйте за нами.

Роан ухватил Эллиона за рукав, дёрнул и зашипел:

— Ты чего творишь?!

— Не знаю... — Ответил курьер, даже с виду сбитый с толку, прикоснулся к губам, будто проверяя, его ли они. — Слова сами...

— Сами?! Да нас же там убьют!

— Нет, просто... просто знаю, что нам ничего не грозит.

— Да ладно?!

— Доверься. В любом случае один ты не выживешь, раз апостол Аргантоса охотится за тобой.

Роан отпустил рукав, скривился, но послушно следует за курьерами. С каждым шагом сильнее горбясь и прижимая здоровую руку к животу.

Храм Илмира в этом осколке куда меньше, чем в полисе Роана и стоит в центре площади. Больше похожий на каменный короб с колоннами и широкой лестницей. Ни статуй, ни украшений. Ступив на первую ступень Эллион коснулся тремя пальцами лба и сразу сердца. Курьеры повторили жест.

Тишь жмётся к Роану, а тот стискивает рукоять меча, затравленно оглядывается. Прохожие пересекающие площадь по пути к другим храмам, ни вереница просителей, ни стража не обращают внимания. Ведь курьеры опасны только во время доставки, в остальное время и мухи не обидят. Подумаешь, ведут девочку и парня, может их просили сопроводить.

Двери храма сделаны из тёмной листовенницы с толстыми прожилками чёрного камня. От них мощно пахнет дёгтем и смолой, медная ручка блестит в полуденном солнце отполированная частым хватом. Дверь для служителей. С другой стороны храма проход без дверей, для просителей.

Первый курьер со всем почтением открыл дверь и склонился в поклоне, пропуская Эллиона. Тот прошёл с прямой спиной... стоило ноге коснуться гранитного пола, как на стенах разом вспыхнули газовые лампы. Девственно-чистый свет ударил по глазам, Роан закрылся ладонью, оскалился. Вот сейчас в спину вонзится нож, а может арбалетный болт ударит в горло! Ничего. Сопровождающие илмириты озадаченно смотрят на светильники, переглядываются.

Эллион шагает безразлично, со стен на него смотрят портреты Великих служителей Илмира. На миг парню почудилось, что свет идёт от курьера, а не от светильников. Сама фигура Эллиона источает силу, а гранит под ногами жалобно трещит и... прогибается.

Навстречу вышел настоятель, высокий старец с длинными седыми волосами. За ним идут девять курьеров, а на балконах стоят люди с арбалетами.

— Вот так я и умру. — Пробормотал Роан, оглянувшись на закрывающуюся дверь. — Чего?

Курьеры, что сопровождали их, опускаются на колени и распластываются, вытягивая руки в сторону Эллиона. Лицо настоятеля вытягивается по мере приближения, брови поднимаются на середину лба. Рот приоткрывается. Старик сбился с шага, качнулся и рухнул на колени, протягивая руки к Эллиону.

— Прости нас, паладин!

Курьер ответил что-то на неизвестном Роану языке, и старик зарыдал навзрыд. Крупные слёзы катятся по морщинистым щекам, исчезают в жидкой бороде. Фраза разнеслась по всему залу, резонируя среди колонн и отражаясь от стен и потолка. Повторяемая десятками служителей, как мантра.

— Паладин! Паладин!

Арбалетчики опустили оружие, сложили руки у груди, смиренно склоняя головы. Роан завертелся на месте, пытаясь понять, что вообще происходит. Паладин — это человек одарённый божеством, не пророк, но деятель. Фанатичный подвижник.

Эллион коснулся макушки настоятеля и равнодушно прошёл мимо к дверям во внутреннюю часть монастыря.

Тело сотрясает дрожь, а ощущение силы и всеобъемлющего знания распирает череп. Он знает имена каждого в этом городе, знает о них всё, что знает Илмир. Знает породу гранита

под ногами, как он появился и когда был добыт. Знает, кто обрабатывал... Информация переплетается в огромную паутину без зазоров, теряется сама за собой. Тот самый момент, когда «за деревьями не видно леса».

Эллион качнулся и ухватился за колонну, рывком обернулся, но рядом никого. В крохотной зале он один, ряд колонн гасит лишние звуки, а у дальней стены возвышается алтарь Илмира. Свет из узкой бойницы падает на полированный гранит. Тишь и Роана увели в отдельные кельи. Больше не стоит беспокоиться о них, никто из слуг Илмира не осмелится навредить доставке паладина. Одно дело выступать против догматов божества в интересах фракции, а другое перечить мешая избраннику.

Зрение переполняется смутными образами символов, что складываются в слова и ряды чисел. Кончики пальцев подрагивают вместе с мышцами по всему телу, их память тоже заполняет нечто. Курьер качнулся, рухнул на колени перед алтарём и затвердил молитву. Умоляя Илмира укрепить его разум и благодаря за оказанную честь.

Слова молитвы касаются сознания и настраивают его, как умелые пальцы лютню. Буря «знаний» успокаивается, перестаёт донимать и глушить мысли. Дыхание нормализуется. Эллион склонил голову и прислушался к себе. По дороге к храму, когда это чувство начало расти, он думал, что умрёт на пороге или сойдёт с ума. Теперь же чувство, что сидит на берегу летнего океана и вглядывается в бесконечность.

При желании может прозреть родословную Роана до первого императора. Теперь ясно, почему за ним так охотились. У парня есть большие шансы на корону новой империи. Большие, это один на миллион. Ведь у остальных это единица к нескольким миллиардам. Курьер мыслью потянулся к другим знаниям. Божественное благословение истончается, как лёд под солнцем. Это хорошо, ведь не может смертный долго выносить такой объём знания и не сойти с ума.

Сила была одолжена, чтобы спасти от смертельной опасности. Не более. Эллион глубоко вдохнул. Малую залу ему отвели специально, чтобы отсечь ненужные источники информации. Дать разуму прийти в себя.

Закрыв глаза и обратился к знаниям внутри себя, спеша отсортировать полезное. Мысли скользнули к Тишь и её тайне...

Собираю скромную сумму для оплаты квартиры. А что будет сверху отложу в копилку. Если у вас есть возможность и желание, прошу поддержать меня звонким рублём. Чтобы я и дальше мог писать для вас новые главы и романы.Сбербанк: 4274 3200 6585 4914ВТБ: 4893 4703 2857 3727Тинькофф: 5536 9138 6842 8034

Перед внутренним взглядом проявился образ Тишь. Вырезался из хаоса мечущихся знаний. Её волосы потоки букв, а глаза сияющие опалы. Эллион сконцентрировался, образ обрёл нормальные черты, но вместо информации только чернота. Это ударило, как мешком мокрой шерсти. Илмир ничего не знает о ней? Такого быть не может!

Курьер копнул глубже, увидел лица родителей девочки. Самые обычные крестьянские, у отца нос несколько крупнее обычного. Мать русая, с лучистыми глазами, свойственными потомкам дворянских кровей в южных провинциях. Но неблагородная, это видно по тонким морщинкам, от которых благородные дамы избавляются любой ценой. Курьер потянулся дальше... дикий крик развеял транс.

Эллион встрепнулся, открыл глаза. В келье темно, в узкие прорези окон заглядывают Сёстры. За дверью кричит человек, вопль полон боли, страха и недоумения. Хруст и крик оборвался. Эллион медленно поднялся с колен. Мышцы затекли и конечности колет миллион игл. Состояние просветления улетучивается из сознания, оставляя лишь смутные образы. Как оборванный на самом интересном месте сон. Дверь распахнулась от пинка, и в залу ворвался человек в чёрном. Движения выдают опытного бойца, быстрые и отточенные. Лицо скрывает фарфоровая маска, а волосы капюшоном из тонкой, пропитанной матовым воском кожи. В руках по короткому клинку без рукояти, с лезвий капает кровь.

Метнулся стелясь над полом, будто тень, атаковал обеими руками. Левый клинок устремился в шею, а правый в живот. Небрежная атака, но скорость с лихвой компенсирует. За движением есть нечто настораживающее. Эллион осознал, что его провоцируют отскочить и подловят, стоит только двинуться назад или вправо. Значит, один удар обманный.

Шаг вперёд. Правая рука поднимается перед собой, сжимаясь в кулак. Мышцы напрягаются, левая нога уходит назад... враг налетел на Эллион как на кирпичную стену. Кулак ударил костяшками в маску и под ней ощутимо хрустнуло. Тело отлетело назад, распласталось на полу, выронив клинки. Что обиженно зазвенели по камням.

Курьер коротко наступил на оголившееся горло, с усилием повернул стопу до хруста. Переступил мертвеца и шагнул в коридор. На полу лежит послушник с рассечённым основанием шеи. Сталь перерезала хребет меж позвонков. Издали доносятся звуки схватки. Эллион мотнул головой и поспешил туда.

Поворот выплюнул двоих масочников. Заметив илмирита сбились с шага и ближайший сразу получил пинок в живот с разбега. Сложился пополам и отлетел к стене. Эллион извернулся, уходя от града ударов. Перехватил руку, дёрнул, зажимая в подмышке и, вывернув, «поднял». Убийца выгнулся дугой, и ребро ладони впечаталось в кадык. Второй начал подниматься, но подошва ботинка ударила в маску с такой силой, что затылок расплескало по кирпичам, а череп стал плоским.

Тело на миг застыло и начало сползать на пол, оставляя на стене жирный красный след. Эллион пробежал мимо...

— Лучше не сопротивляйся.

Доброжелательный голос ударил в спину. Курьер на бегу развернулся и по инерции проскользил спиной вперёд. На другом конце коридора стоит такой же убийца. В тусклом свете на маске блестит золотой узор, похожий на цветочный, обвивший левую глазницу.

— Серьёзно?

— Да, абсолютно серьёзно.

— Кому это будет лучше?

— Всем, мой дорогой Эллион, сын Ланра и Марии.

— Мы знакомы?

— Нет. Но я знаю о тебе всё.

Убийца приближается медленно, держа мечи опущенными. Свет скользит по фигуре, сверкает на узорах и пропадает на матовой одежде. Бесшумный, плавный и смертоносный. Эллион шагнул навстречу, испытывая подобие зависти. Так плавно даже он не умеет двигаться.

— Да ладно? Зачем тогда такие глупые просьбы?

— Попытка не пытка.

Короткий взмах и клинок арбалетным болтом выпорхнул из рук, убийца бросился следом. Налетел на отклонившегося курьера и они закружили в узком коридоре, обмениваясь короткими ударами. Эллион уворачивается, блокирует наручем и пытается ухватить. Враг вёрток как масляный уж. Меч сверкает в опасной близости, норовит впиться в тугое мясо. Курьеру не нравится и странный оттенок металла и волнистость самого лезвия, которую видно только вблизи. Раны от такого не заживают.

— Кто ты? — Прорычал Эллион, разорвав дистанцию и ловя короткую передышку.

Грудь ходит ходуном, пальцы подрагивают от пульсации крови, в ушах гудит. Убийца поднял руку и картинно покачал указательным пальцем.

— Во многих знаниях много горя. Ты когда-нибудь видел счастливого илмирита?

Эллион сжал челюсти до хруста в висках, выпрямился. Лицо бледнеет, а губы сжаты в тонкую линию.

— А, за живое задело? Ты ведь на себе ощутил эту боль. Она сделала тебя счастливее? Может, просветление даровало тебе хоть что-то? Ну хоть самую малость?

— Желание сломать тебе шею.

— Ах... — Выдохнул убийца, развёл руками и покачал головой. — Аргументов нет, да?

Самые сильные и смертельные удары неприменимы. Руку или ногу просто рассекут. Эллион медленно двинулся к врагу, пружиня каждый шаг. Бить нужно с короткой дистанции, войдя в удар, сделав меч бесполезнее щепки. Сломать ведущую руку, перебить колени.

— Ну же! Илмириты ведь так любят философские диспуты!

— Не путай с киринитами.

— Ты скучный, — сказал убийца с таким чувством обиды, что на мгновение Эллиону стало стыдно, — впрочем, как и все илмириты. Тебе следовало служить Мардоку или Тирионе. Вот это жизнь! Вечные сражения и погоня!

— А тебе не следовало сюда приходить.

— Увы. Тайны любят оставаться тайными.

За спиной слишком тихо, но затылок ожгло холодом. Эллион крутанулся на месте, мимо торса скользнул меч, ободрал рубаху на боку. Скупно брызнула кровь. Курьер перехватил руку, сломал в локте и, продолжая вращение, бросил врага на пол. Только ноги взметнулись к потолку. Эллион перехватил их и резко опустил стопу на челюсть, поднимая тело. Хрустнуло и шея подлеса изогнулась под прямым углом.

— Ну... попытаться стоило.

Золочённый пожал плечами и поудобней перехватил меч. Мертвец распластался у ног Эллиона, похожий на фарфоровую куклу. Сёстры через окна-бойницы освещают узкую струйку крови бегущую из-под маски. Курьер шумно выдохнул, переступил мертвеца.

— Чего вам надо от нас?

— Да ничего особого. Твоя голова и голова девчонки. Не стоило ей выживать. Ой не стоило.

— Это... это ты вырезал ей язык?!

Озарение полоснуло по нервам и вдоль хребта. Эллион вздрогнул и ощутил, как из глубин души вздымается чёрная ярость, которой он от себя не ожидал. Даже большая, чем от оскорбления его служения Илмириу.

— Я наблюдал. Уж поверь, будь моя воля, она была бы убита. Увы. Госпожа склонна к мимолётным жестам.

Пол дрогнул, стены зашатались и с потолка посыпалась каменная пыль. Убийце и курьеру пришлось схватиться за стену и шире расставить ноги. Откуда-то из глубин храма донёсся хлопок и волна плотного воздуха промчалась по коридору, видимая простому взгляду. Эллиона сшибло с ног, отбросило как лист и кубарем покатило по полу. Враг оказался проворнее, вогнал меч в щель меж каменных блоков на полу. Удержался, опустившись на колено.

— Твои постарались?! — Выкрикнул Эллион, с трудом поднимаясь.

Мир перед глазами раскачивается, как палуба в шторм, в ушах мерзко звенит. Враг покачал головой, сказал с горечью:

— Нет, но моя задача резко осложнилась... Прошу прощения, но вынужден откланяться.

Золочённый издевательски поклонился, прижимая ладонь к левой стороне груди. Развернулся и побежал прочь, мгновенно растворился в полумраке.

— Проклятье... — Выдохнул Эллион, скривился и сплюнул кровь от разбитой губы. — Что творится?!

Друзья, ваша поддержка значит очень многое для меня. Осталось собрать совсем не много, чтобы продолжить творить для вас. Если есть возможность и желание помочь, пожалуйста, поддержите моё творчество денежным вкладом. Каждый рубль приближает мечте и мотивирует писать дальше. Спасибо вам за веру в меня и мой талант!Сбербанк: 4274 3200 6585 4914ВТБ: 4893 4703 2857 3727Тинькофф: 5536 9138 6842 8034

Курьер бредёт по коридору, левой рукой держась за стену. В глазах двоится и пляшут цветные всполохи. Вдоль хребта терзает тупая боль, ощущение будто отбил каждую выступающую косточку. Воздух тяжёлый, спрессованный взрывом до плотности студня. Пахнет газом и гарью. Светильники на стенах мертвы и единственный свет идёт от окон-бойниц, в которые заглядывают Сёстры.

Издали доносятся глухие крики, курьер готовится к худшему. Левая ладонь скользит по блокам в стене, ощущая каждую неровность и огрех в работе резчика. Холодный камень выпивает тепло из кончиков пальцев.

Голоса усиливаются, складываются в панические крики:

— Спасайте книги! Тушите огонь! Перекройте газ!

Сердце ёкнуло и забилось чаще. Пахнет жжёной бумагой и кожей. Навстречу выбежал послушник с лампой в вытянутой руке. Почти столкнулся с Эллионом, но курьер выставил ладонь и поймал бледное лицо. Остановил и просипел, глядя в круглые от ужаса глаза:

— Что произошло?!

— Не знаю! Не знаю! Илмир, спаси нас!

Эллион отпустил парня и тот скрылся в боковом коридоре, только шаги загрели вниз, быстро удаляясь. Курьер утёр лицо и шагнул в главный зал, сощурился от страшного света, охнул. По восточной стене скользят струи голубого огня. Бьющие из щелей в камнях, воздух горячий и пропах калёным камнем. Вокруг суетятся илмириты, кто-то пытается затушить пламя куском влажной ткани. Более знающие оттаскивают пожарника от стены, крича, что газ нельзя сейчас тушить. На полу среди хаоса спокойно лежит отец-настоятель. Стеклообразные глаза смотрят в потолок, а под телом растекается чёрно-багровая лужа. На шее темнее широкая рана. Разрез мастерский, от уха до уха, почти отделивший голову от тела. Эллион глухо выругался, огляделся ища Тишь и Роана.

Мальчишка нашёл сидящим на лестнице, обхватив колени. Взгляд пустой, на лице привычное холодное выражение полного равнодушия. Рядом стоит Тишь, чумахая и взерошенная, стыдливо прижимает левую руку к груди. Их никто будто не замечает. Эллион подошёл ближе и разглядел в ногах парня меч, лежащий на коленях. Лезвие черно от запёкшейся до корочки крови. Проглядывающий металл приобрёл характерный цвет отпущенной закалки.

— Целы? — Спросил Эллион, подходя к ним.

Тишь дёрганно кивнула, дрогнула и... заревела. Гулко мыча и трясясь. Уткнулась лицом в живот курьера, стиснула до треска рёбер. Эллион неуверенно положил ладонь на макушку, пригладил. Роан посмотрел на них пустым взглядом, моргнул дважды и обессиленно лёг на ступени. Будто все силы разом покинули тело, а мышцы превратились в студень. Эллион отстранил девочку, поднял претендента на трон погибшей империи за руку и обнял. Первые мгновения никакой реакции, затем парень шмыгнул носом и крепко обнял в ответ. Зататорил, глотая слова:

— Я так... я так испугался! Это было... это было...

— Не надо слов.

Свободной рукой курьер прижал Тишь и молча сдавил спутников в объятиях. Слова излишни, особенно сейчас. Они столкнулись с неизвестным и опасным врагом. Столкнулись

и выжили. Планы порушились и они вновь на опасной тропе.

Заходя в храм он точно знал, что благословение Илмира отменят любую охоту. Со стороны илмиритов. Однако новый враг, о котором предупреждала Тишь, оказался куда опаснее.

Старший монах-писарь храма мрачно смотрит на трупы убийц, брошенные на полу в малой келье. Всего десять тел, трое из которых обуглены до хрустящей корочки. Вместе с ним на мертвецов смотрит Эллион, Тишь, два писаря и два курьера. Девочка поджала губы и едва сдерживается, чтобы не отвернуться.

— Есть идеи, кто это? — Спросил старший, сложив руки на груди и прикрывая нос ладонью.

— Нет. — Ответил Эллион, покосился на Тишь, но та явно не в состоянии понятно объяснить, пальцы трясутся как на морозе. — Думаю, она сможет рассказать, но точно не сейчас.

— Так уведи, пусть успокоится.

— Она отказывается отходить от меня.

— Хм... ладно... — вздохнул старший, махнул курьерам на мертвецов, — начинайте.

Двое опустились на колени перед самым целым мертвецом, начали осмотр.

— Хорошая керамика, старая. — Сказал первый, проводя пальцами по маске.

— Откуда знаешь? — Спросил второй, пока двое писарей торопливо записывают каждое слово.

— Видишь, характерный узор трещин? Такие появляются только у самых старых, не менее двух сотен лет. У тех, что моложе несколько иная технология производства и трещин не появляется.

— Хм... там ещё затирка, вроде свежая.

— Да, — курьер поскрёб ногтем, довольно кивнул, обнаружив глубокую царапину. — Действительно.

Переглянувшись, развязали завязки на затылке и осторожно потянули маску. Свет фонарей упал на бледное лицо с выпученными глазами. Жидкие пшеничные волосы и кривой нос крючком. Подбородок скошенный, но с глубокой ямочкой. Курьер с маской в руках выругался и махнул пальцем, прося не вносить это в протокол.

— Пекарь с улицы Маршала Лайндо! Мы вчера у него брали пайки для братьев!

— Вот как... пекарь-убийцы? — Спросил старший писарь, поглаживая щетину на подбородке двумя пальцами.

— Скорее убийца-пекарь. — Поправил Эллион, вспоминая, как двигался тот при жизни. — Не знаю, как он пёк, но в схватке был хорош. Даже слишком хорош.

— Выпечка была хорошая. — Вздохнул один из писарей, качая головой. — Я ещё в детстве покупал у него сахарные булочки. Мягкие такие, с начинкой.

— Я тоже. — Кивнул курьер с маской, вздохнул. — А какие у него были мясные пироги! Но их дочка готовила, красивая девка...

— Проверить её и всю семью. — Отмахнулся старший. — Остальные вам тоже знакомы?

Курьеры переглянулись и уже без всякой осторожности сорвали оставшиеся маски. Переглянулись ещё раз.

— Этих троих не знаем, а вот эти...

— Тот что со сломанной шеей, попрошайка у главных ворот, рядом с ним стражник, а вот этот... этот я его точно видел где-то.

— Это Ларс, водонос.

— Замечательно. — Вздохнул старший. — На нас напали совершенно случайные люди.

— Неслучайные. — Ответил Эллион, склоняясь над пекарем и заглядывая в пустые глаза.

Со стеклянных зрачков на него смотрит собственное отражение. Мертвец не создаёт впечатление грозного бойца, но сейчас видно, что под одеждой прячутся тугие мышцы. Такие сами по себе не вырастают. Только длительные и постоянные тренировки вкупе с упорным трудом дадут такой результат.

— Это служители Лунисы.

— Госпожи Тайн? — Переспросил старший, хмыкая, кивнул. — Да, похоже на то.

При звуках имени хранительницы секретов Тишь дёрнулась, как от удара. Сильнее прижалась к Эллиону, будто ожидая, что из тени выпрыгнут новые убийцы.

Врагом может быть любой. Культ Лунисы, что очевидно, держится в тени от общества. Самое явное, что можно найти, — это древние алтари в самых потаённых и безлюдных местах мира. Эллион наткнулся на такой только раз за всю жизнь — в пещере Подлунных Пиков, в стороне от перевала.

В зале царит гнетущая тишина. Илмириты переглядываются, будто начинают искать предателей. Эллион обернулся на Тишь, но та отвела взгляд и начала утирать с лица копоть. Курьер подошёл к ней и опустился на колени, взял за плечи.

— Девочка, что произошло?

Тишь нехотя задвигала пальцами, пытаясь сложить в символы, но руки трясутся. Будь даже Эллион экспертом языка жестов, ничего бы не различил.

— На нас напали эти, в масках, — ответил Роан, сидящий рядом. — Я думал, они меня хотят убить, а они набросились на неё. Одного я убил чудом, а второй...

— Что второй?

— Не знаю, помню только, как Тишь ударила по камням, и потом вспышка света и жар. Я... я ведь не умер?

— Нет, ты даже цел.

— Хорошо... а то я уже не знаю, что и думать.

Эллион кивнул собственным мыслям, вспомнил слова Тишь во время Танца. Поджал губы и с нежностью погладил девочку по волосам, сказал улыбаясь:

— Всё будет хорошо.

Та задрожала и истово замотала головой.

Мёртвого убийцу-пекаря положили на стол в укромной келье. Одежду срезали и отбросили в сторону, где два послушника принялись обыскивать. В свете масляного фонаря пекарь выглядит почти живым. Иллюзию разрушает сломанная, как ветка, шея. Кожа бледная, ярко проступают тёмные вены. Руки по локоть загорелые, как и шея с лицом. Татуировок нет; из отметин — только узкий шрам меж рёбер.

Эллион склонился над мертвецом, поджал губы. Телосложение совсем не пекарское. Не могут у обычного человека нарасти и укрепиться мышцы, отвечающие за удары, скорость и рывки. Вот эта вот мышца растёт от тренировок с мечом, а эта — от долгого бега. Лишний жирок накопился на животе и боках, но это не слой сала. Такой сойдёт через пару недель походов.

Совершенно точно, перед ним не просто убийца, ставший пекарем, а расчётливый профи. Эллион взгляделся в холодное лицо с тонкими морщинками вокруг рта и глаз. При жизни этот человек часто смеялся и улыбался. Возможно, даже искренне.

— У него была семья?

— Да, — ответил новый настоятель, стоящий рядом, и покачал головой. — Их уже допросили. Жена в ужасе, дети... им просто сказали, что отец столкнулся со жрецом Аргантоса.

— Жена точно не врёт?

— Точно, ты же знаешь, брат, мы способны отличить ложь.

— Угу... Остальные как?

— Остальные были одиноки. Дома обыскали, но ничего путного там нет.

— Может, они куда-то ходили вместе?

— Не известно.

Эллион в задумчивости осмотрел мертвеца ещё раз. Задержал внимание на руках, нахмурился. Под ногтем безымянного пальца левой кисти — темнее грязь. Совсем немного, но заметно. Остриём кинжала выскреб и поднёс к глазам.

— Красная глина.

— Хм... может, горшок лепил?

— Зачем пекарю лепить горшок?

— Чтобы не платить гончару.

— Где в этом полисе добывают глину?

— Хм... за городом был старый карьер, но там давно никто... — начал настоятель и умолк, выругался. — Я сейчас же отправлю туда людей!

— Нет, — отрезал Эллион, стряхивая комочек с кончика кинжала и пряча оружие за пояс. — Я пойду один. Вы спрячьте мальчишку и девчонку.

— Это безрассудно!

— Это оптимально, — ответил Эллион. — Братья должны выполнять свой долг перед Илмиром, а луниты мешают только мне.

— Тебя могут убить.

— Тогда я был плохим служителем Илмиру.

Ночной город тревожно тих. Тёмные провалы окон следят за Эллионом слюдяными глазами. Вдали грызутся собаки. Сёстры прячутся за рваными облаками, лишь изредка бросая на мир серебряные взгляды. Мягкие подошвы туфель беззвучно опускаются на утопанную землю, а чёрный плащ помогает слиться с тенями.

Курьер движется быстро, ускользя от чужого внимания, как призрак. В груди ворочается массивный камешек тревоги. Одно дело, когда за тобой охотятся открыто, другое — когда враг неведом. Он мог бы выстоять против десятка людей, но как устоять против яда или стрелы в спину?

Стража на воротах сделала вид, что не заметила его, и Эллион растворился в подлеске. Забрался на дерево и долго сидел, наблюдая за воротами. Не покажутся ли преследователи, не побегут ли стражники сообщать. Ничего.

Окольными путями добрался до заброшенного карьера. Прошёл мимо полуразрушенных хижин, вдыхая ароматы ночного леса и вслушиваясь в каждый шорох. Люди покинули это место ещё до развала Империи, когда залежи истощились, а то, что осталось, было слишком плохого качества. В храме говорили, что добывали здесь не глину, а нечто для имперских кузниц, что было в ней — глина просто сопутствующий материал.

Эллион остановился у развалин огромных печей с уцелевшими желобами. Тут явно не горшки обжигали, больше похоже на плавку металла. К сожалению, большая часть знаний об эпохе до Раскола была утрачена в пожарах. Курьер покачал головой и начал спуск по ветхой лестнице.

Карьер простирался перед Эллионом как открытая книга, написанная языком земли и камня. Здесь даже ветер шепчет иначе, словно стесняясь проникнуть в эту открытую рану земли. Гулкое эхо отдалённых шагов, возможно, даже нечеловеческих, разносятся по пустынному пространству, создавая ощущение, что карьер жив. Он слушает и наблюдает за незванным гостем.

Вода в старых глиняных ямах стоит, как зеркало, отражая лишь тусклый свет лун. Эллион услышал тонкий, едва уловимый звук — как будто капля падала в воду, нарушая её неподвижность. Звук этот был настолько тонким и коротким, что создал ощущение, будто сама земля под ногами задержала дыхание.

Рядом с прудами, где когда-то добывали глину, стояли остатки механизмов. Их металл уже давно сгнил, но если прислушаться, можно было услышать скрип старых шестерёнок, как эхо прошлого, что доносилось сквозь время. Эллион почувствовал, как в воздухе зависли ноты ржавчины и старой маслянистой смазки.

Он спустился ещё глубже в карьер, и его шаги отзывались глухим эхом, словно звуки уходили в недра земли, чтобы там, в глубинах, рассказать о его присутствии. Каждый камень, каждый кустарник здесь замер в ожидании. Даже звуки ночи приглушены, как будто природа соблюдает таинственный ритуал Лунисы.

Глубоко внизу раскинулось мутное озеро, грунтовые воды без откачки, заняли старые туннели. Над зеркальной гладью склонились молодые деревья, а по краю борется за жизнь кустарник. Из грязи и глины торчат каменные клыки породы. Дорога ведёт к ним. Курьер шагает осторожно, готовый в любой миг отскочить.

От культа Госпожи Тайн можно ожидать любых ловушек. В детстве слушал байки, что адепты Лунисы могут неделями прятаться в воде, дыша через соломинку. Могут висеть на потолке, зацепившись крючьями за щели меж камней. Байки, конечно, но он уже видел, как они могут двигаться. Так что, почти готов поверить и в их способность летать.

За кустарником угадывается тёмный провал меж двух пересекающихся обломков скал. Эллион со всей осторожностью раздвинул ветви и шагнул внутрь. Темно, но нюха коснулся тончайший аромат благовоний. Спустя десяток коротких шагов на стенах заплясали отблески света.

Курьер стиснул кулаки перед очередным поворотом, шагнул на ту сторону и остановился. Перед ним простирается треугольный зал. Пол выложен серой плиткой, на стенах развешены масляные светильники. Свет тусклый и будто бы сонный. В стенах ниши с белыми черепами, на лбах которых вырезаны причудливые символы. В центре зала, спиной к входу стоит человек в чёрном плаще с кожаным капюшоном. Он обернулся и свете ламп сверкнул золотой узор на фарфоровой маске.

— Оу... это ты? — Сказал убийца разворачиваясь. — Я ждал кого-то другого. Как ты нас нашёл?

— Грязь под ногтями. — Ответил Эллион, цепко оглядывая помещения на предмет затаившихся врагов.

— Ах... Дорс, я же говорил ему, помыть руки, но нет, «кто же будет смотреть?». Проклятый идиот. — Вздохнул золочёный, поклонился, делая плавные пасы руками. — Ну, что ж, добро пожаловать в храм Лунисы, курьер. Надеюсь, тебе нравится, как мы тут всё

обустроили.

— А тебе? Ведь оно станет твоей могилой.

— О! Я просто в восторге, особенно мне нравятся черепа. Эти люди проникли в наши тайны, твой тоже будет в такой стене. Но не в этом Осколке.

Жрец Лунисы обошёл алтарь и достал из ниши в стене два стула. На один сел сам, а на другой указал курьеру. Стулья простые, с короткими спинками и довольно грубо зачищенные.

— Присаживайся, в ногах правды нет. У меня к тебе предложение.

— Да ладно?

— Совершенно серьёзно. Вот.

Жестом фокусника убийца извлёк из складок плаща плотный конверт с золотой печатью. Поднял на уровень лица и только сейчас Эллион рассмотрел его глаза. Холодные, карие с парой точек на радужке.

— Что это?

— Ну, ты меня разочаровываешь, это срочная доставка! Новому настоятелю. Письмо от меня, верховного жреца Лунисы. Сам понимаешь, это очень важное отправление.

Эллион запнулся, остановился, глядя на письмо, как на нечто чего быть просто не может. Пальцы левой руки мелко дрожат. На негнущихся ногах приблизился к жрецу, тот медленно покачивает конвертом. Эллион готов поклясться, что под маской скрывается широченная улыбка.

— Что внутри?

— Письмо. В нём ничего такого, про веский довод для церкви Илмира убить тебя и девчонку.

Рука застыла на полпути до письма. Эллион сцепил челюсти и прорычал:

— И ты отдаёшь его мне?!

— Да. Это очень важное письмо. Такое можно поручить только лучшему курьеру. А ты он самый. погоди... ты, что отказываешься от доставки?!

— Нет...

— Вот и прекрасно. Прощу! Ах да... плата, совсем забыл. Вот, возьми, тут тебе ещё маленький бонус за срочность.

В ладонь с письмом, глухо звякнув, упала горсть золотых монет. Эллион рефлекторно сжал кулак, вдоль хребта стрельнула молния, яростный порыв ударить. Сцепив челюсти отступил и двинулся к выходу.

— Они всё равно тебя не послушают.

— Нет, они будут рады. — Со смешком ответил жрец, откинулся на стуле, закинув ногу на ногу и разводя руками. — Даже несмотря на твой статус паладина. Просто представь, Госпожа Луниса предлагает церкви Илмира ответы на два любых вопроса. В обмен всего лишь на жизнь одного святого и девки. По мне, так это очень выгодная сделка.

Эллион зарычал, почти смял письмо, но шумно выдохнул и спрятал во внутренний карман.

Письмо прижигает грудь через карман, как раскалённая сталь. Эллион идёт по пустым улицам города, прикусив нижнюю губу. Брови сдвинуты к переносице, вокруг рта собрались твёрдые складки. Над крышами собираются тучи, природа будто насмехается над курьером. Вдали гудит гром, похожий на раскатистый смех.

Переулки сверкают голодными глазами одичавших псов. Они следят за каждым движением Эллиона, как грифы в пустыне. На плечах чувствуется холодная хватка смерти. Костяные пальцы подбираются к горлу.

Письмо, смертный приговор.

Будь он хоть избранным Илмира, тайны Госпожи Теней стоят любой цены. Внутренний голос шепчет:

— Выбрось его! Вернись и убей жреца! Обезопась себя и Тишь!

За этим голоском есть нечто другое, тяжёлое молчание воли. Несгибаемой и непреклонной. Доставка его долг, любая. Он приносил клятвы Илмиру и не имеет права их нарушить. Однако... Тишь не давала их, она помогала ему, даже спасала.

Ладонь скользнула в карман и пальцы коснулись плотной бумаги, нагретой теплом тела. Шероховатая, даже на ощупь дорогая. Хрустит, как яичная скорлупа... Ладонь отдернулась и курьер взвыл от бессилия.

— Поступись, спаси девочку! Жрец рядом, убей, и больше никто не посмеет выступить против тебя!

Воля скрипит, но ноги твёрдо ведут к храму Илмира самым коротким путём. Доставка срочная, на некоторых участках дороги курьер переходит на бег. Стремясь убежать от внутреннего голоса, а не поскорее доставить письмо.

Дома с почтением раздвинулись, открыв площадь перед главным входом в храм. Эллион нос к носу столкнулся с патрулем илмиритов. Те на мгновение насторожились, но сразу же поклонились и расступились. На поясах блестят металлические дубинки и цепи. Они готовы отразить любое нападение, но совсем скоро будут охотиться на него и Тишь.

Внутри храма тихо и мрачно. Роан сидит на ступенях, ведущих на второй этаж. Тишь стоит перед ним и что-то пытается объяснить языком жестов. Парень смотрит внимательно, но лицо как и всегда, ничего не выражает.

Заметив Эллиона, девочка радостно помахала, и курьер неуверенно поднял руку. Натянуто улыбнулся. Послание будет доставлено любой ценой. Двое прислужников со всем почтением проводили в кабинет нового настоятеля. Двери распахнуты, и слуги выносят личные вещи почившего. Новоявленный настоятель стоит у входа и тщательно документирует, как и положено по традиции.

— А, Эллион, ты их нашёл?

— Да. — Сухо ответил курьер.

— Раз ты вернулся, полагаю они уже не представляют опасности.

— Не совсем. Мне выдали доставку для вас.

Настоятель передал наполовину заполненный планшет прислужникам и жестом велел остановить работы. Замедленно кивнул.

— Смотрю, луниты провернули с тобой такой же трюк, как юный Роан эл Скван.

— Почти такой же. — Ответил Роан, с явной неохотой доставая письмо.

Роан пытается понять жесты подруги, за ними явно кроется нечто важное. Девочка пыталась объяснить, чертя мелком на полу, но парень едва-едва умеет читать. Рыцарю в этом нет необходимости. Тишь не сдаётся и ему начинает казаться, что ещё чуть-чуть и жесты сложатся в слова.

На втором этаже раздались истошные крики. На лестнице загремели шаги, Роан поднялся хватаясь за меч и прикрывая собой Тишь... На пролёт выметнулся Эллион. Взъерошенный, с окровавленным лицом. Мгновенно огляделся и прыгнул вниз, хватая спутников за плечи. Понёсся к выходу, увлекая их за собой. Послушники и малочисленные курьеры провожают их изумлёнными взглядами. Кто-то шагнул навстречу, но тут же отпрыгнул и попятился.

По лестнице, держась за стену, спустился настоятель. Одной рукой закрывает лицо и смотрит вслед через пальцы. К нему подбежали два курьера. Но он остановил взмахом руки, крикнул, сплёвывая кровь:

— Убейте его! Во имя Илмира, убейте!

Эллион уже скрылся за дверьми и, скорее всего, пересёк половину площади. Настоятель обессиленно привалился спиной к стене, сполз на ступени и уронил голову на грудь. Пряча улыбку.

Утром два десятка курьеров выпорхнули из храма и поспешили во всех направлениях с самой срочной доставкой в их жизни. У каждого, у сердца короткое письмо с золотой тесьмой. Через два дня в кабинет настоятеля постучали.

Тот отложил бумаги, и дверь отворилась, пропуская женщину в чёрном плаще. Красноволосяя, с тонкими чертами, совсем не похожая на курьера. Она сдержанно поклонилась, но тёмные глаза остались холодными. Нос защекотал сладковатый аромат полевых цветов.

— Приветствую нового настоятеля, меня послал мастер Иан.

— О... я думал он давно отошёл от дел. — Пробормотал настоятель, гадая, стоит ли ему встать для приветствия. — А могу узнать ваше имя?

— Ринзара.

— Кваз, приятно познакомится... Я тут только осваиваюсь. Все протоколы ещё не заучил.

— Это не важно. У мастера Иана к вам вопросы.

— С радостью отвечу.

Женщина приблизилась к столу, и свет из окна упал на лицо. Бледное, будто у вампира, заиграл бликами на пухлых губах. Настоятель ощутил предательскую дрожь от страха. Есть в ней нечто такое, затмевающее красоту. Будто перед ним молодая и очень ядовитая змея.

— Как так получилось, что вы упустили курьера Эллиона и девочку. Он ведь сам принёс то письмо с печатью Лунисы?

— Со всем почтением. Этот курьер непрост, и вам это прекрасно известно. Я получил удар в лицо стоило дочитать послание. Люди б бывшие рядом всё ещё не пришли в сознание!

— Вот как?

Ринзара наклонилась оперев руки в стол, и под одеждой стала заметна крупная грудь. Кваз ощутил на лице тёплое дыхание с нотками яда. Ткнул пальцем в иссиня-чёрный синяк на половину лица.

— Да, так!

— Какое у него снаряжение?

— Только то, что было при нём.

— Хорошо. — Ринзара кивнула, подалась, вперёд почти касаясь губами уха мужчины, шепнула. — Спасибо, что дали ему шанс.

Настоятелю стоило огромных усилий не улыбнуться.

Если вы хотите поддержать меня и моё творчество, буду рад любой помощи. Нет, серьезно, даже 100 рублей — это уже большая поддержка. На данный момент собранна десятая часть от необходимой суммы.Сбербанк: 4274 3200 6585 4914ВТБ: 4893 4703 2857 3727Тинькофф: 5536 9138 6842 8034

Эллион привалился спиной к дереву. Грудь часто вздымается, на плече пламенеет свежая ссадина. Роан вытирает меч об одежду мёртвого разбойника. Лицо парня, как обычно, непроницаемо, но руки не дрожат. Он привык убивать. Потребовалось не так много времени. Тишь сидит на камне и задумчиво оглядывает побоище. Всего в засаде было пятеро разбойников. Грамотная, хорошая засада, стоит отдать должное. Чувствуется рука брата.

Эллион с раздражением потёр плечо.

Стыдно даже. Такой опыт, тренировки и отточенные рефлексy, а попался по-глупому.

Старшая Сестра освещает заброшенный карьер вдали от них, будто указывает путь. Заманчиво, вернуться и разнести храм лунитов, но там совершенно точно никого и ничего нет. Слуги Госпожи Тайн тем и славятся, что умеют сбегать и прятаться. Что делать дальше Эллион совершенно не знает. Привычный мир обрушился в момент, когда настоятель прочёл письмо и сказал, что даст фору в несколько часов.

Роану больше ничего не угрожает, его списали со счетов. Зато теперь охотятся только за Эллионом и Тишь. Значит, придётся избегать городов и удобных маршрутов. Курьер прикрыл глаза. Что ж, у него есть план из двух пунктов. Довольно простых, если подумать.

Пункт первый: доставить парня в долину бога войны.

Пункт второй: выжить.

В конце концов, его долг перед Илмиром это доставка любой ценой, а не жертвоприношение в обмен на секреты.

— Куда пойдём дальше? — Спросил Роан, пряча меч в ножны.

— В лес, там должны быть старые скалы со множеством пещер. — Ответил Эллион, мотнув головой на чашу. — Спрячемся на пару дней, там будем пробираться к долине.

— А дальше?

— А дальше всё, наши пути расходятся. Доставка будет завершена.

Парень открыл рот, что-то сказать, закрыл и кивнул. Тишь соскочила с камня, бросила взгляд на карьер и бодро зашагала к лесу. Эллион готов поклясться, что будь у неё язык, она бы напевала под нос. Кажется, теперь её совершенно не беспокоит охота лунитов. С другой стороны, чего ей бояться теперь? Самое страшное с ней уже случилось.

Эллион обогнал её, пошёл впереди, аккуратно раздвигая кустарник и выискивая следы. В темноте это очень сложно, если не знать, что именно ищешь.

Ринзан мог оставить ещё одну засаду, а то и две. Вполне в его духе. Обман внутри обмана, любимая забава жрецов Аргантоса. Лес охватывает группу, стягивает мраком, а вдали мерцают скопления светлячков. Они кружат меж тонких деревьев, танцуют. Слышно уханье совы и далёкий волчий вой.

Идти приходится медленно, проверяя каждый шаг. В темноте могут притаиться ловушки. На освещённой сёстрами поляне Эллион осмотрел снаряжение и едва сдержал ругань. В плаще нашлось огниво и кресало, сухари с фруктами и моток верёвки. Наруч и короткий нож. Курьер взвесил его на ладони, держа за кончик. Скривился сильнее. Проще убить зайца снежком, чем броском этого ножа.

Воды нет, еды хватит на день. Есть деньги, но негде их тратить. Золото, как и положено золоту, полностью бесполезно. Эллион едва сдержался вышвырнуть монеты в темноту. Желание избавиться от них усиливает факт, что это плата за доставку того самого письма.

Среди леса тянется скала, торчащая под острым углом, похожая на серый плавник. Зелень сторонится её, а вдоль северного края тянется тонкий ручей. Путники забрались в пещеру под коротким уступом.

Курьер вывалил на пол собранный по пути хворост, с трудом разжёл. Обессиленно опустился напротив огня, стянул ботинки. Плащ расстелил на каменном полу. Тишь и Роан сели рядом. Слабый свет освещает отполированные временем стены, а на них красуются отпечатки сотен и тысяч ладоней. Будто человек прикладывал кисть к камню и щедро распылял краску. Среди отпечатков затаились примитивные рисунки животных и людей.

— Это святилище какого-то бога? — Спросил Роан, указывая на рисунки.

— Можно и так сказать. — Ответил Эллион, подбрасывая в огонь веточки. — Но это скорее святилище Человека.

— Должно быть, он был великим героем.

— Нет, я имею в виду Человека, то есть всех людей. В этих пещерах люди жили до того, как появились первые королевства. Ну, по крайней мере, мне так говорил мой наставник, во время первых доставок.

— Ты уже бывал здесь?

— Я бывал в каждом осколке и даже в пустыне. Илмир не признаёт границ.

Роан сгорбился, перевёл взгляд в огонь.

— Знаешь, я хотел стать рыцарем и помочь захватить соседние осколки, но никогда не был за пределами своего. Я знал стариков, которые даже не покидали города... а теперь прошёл столько! Это радует и пугает одновременно. Будто я перепрыгнул в чужую жизнь.

— Если так подумать, не самое плохое, что могло случиться. Лучше уж побегать по осколкам, чем лишиться головы?

— Что теперь меня ждёт?

— Ну... ты в любом случае попадёшь в долину. А что будет дальше, я не знаю.

— А если... если тебя убьют?

— Тебя доставит другой курьер.

— А если я не хочу другого? Эллион... ты больше чем курьер.

— Разве?

— Да, ты мой друг.

Эллион едва сдержал нервный смешок, блёкло улыбнулся и потрепал парня по волосам.

— Ты тоже. Забавно, я настолько помешан на доставке, что уже дружу с посылками.

Сбербанк: 4274 3200 6585 4914**ВТБ: 4893 4703 2857 3727****Тинькофф: 5536 9138 6842 8034****Спасибо!**

Курьер проснулся от едва уловимого шороха у входа в пещеру. Свет луны, пробивающийся сквозь лесную крону, мягко охватывал стены, создавая блики на влажном, усыпанном росой камне. Мелькнула тень, и Эллион напрягся, готовясь к бою. Вскочить на ноги и молниеносно атаковать... Осознание пришло с опозданием: тень удалялась.

Быстро оглянулся на Роана, который должен стоять на страже. Парень сидит у потухшего костра, голова опущена на грудь. Рот приоткрыт, и на губе поблёскивает слюна.

Эллион рванул к нему, мгновенно прикладывая два пальца к шее. Пульс есть. Облегчённо выдохнул. Но нечто странное заставило насторожиться: Роан не проснулся от резкого прикосновения, как бы это сделал любой человек. И уснул на посту.

Эллион сжал губы в тонкую линию, вновь огляделся и с холодком по спине понял: Тишь пропала. Сердце стукнуло громче. Он бросился к выходу, глаза сузились, мышцы задрожали, готовые к любым действиям.

Лес встретил сырыми, наполненными мраком объятиями. Звуки ночи — жужжание насекомых, шелест листьев на ветру — обострили чувства. Эллион помчался, ориентируясь на звук и инстинкт. Он не видит дальше собственного носа, но тело и без зрения получает достаточно информации. Воздух у деревьев чуть теплее, запахи ярче. Но это не уберегает от кустов и ветвей, которые жестоко секут лицо и плечи. Хватают за одежду и волосы, пытаются выколоть бесполезные глаза.

Впереди лунный свет вспарывает чащу тонкими лезвиями, меж них мелькает тонкая фигура. Эллион ускорился, дистанция неумолимо сокращается. Тишь остановилась на свету, развернулась скидывая руки для хлопка и распахивая рот. Будто собираясь крикнуть. Курьер с ходу ухватил запястье, дёрнул в сторону и накрыл губы ладонью. Девочка замычала, дёргаясь и отчаянно пытаясь вырваться из хватки.

— Ты чего творишь?! — Крикнул Эллион.

Тишь обмякла, отвела взгляд и... заплакала. Осела на землю в заросли папоротника, уткнулась личиком в колено курьера. Тот осторожно опустился рядом, обнял.

— Ладно, всё хорошо. Я просто не сдержался... прости. Что с тобой?

Немая медленно подняла руки, дёргано сложила символы.

«Не хочу, чтобы умерли из-за меня. Возьмут меня и отстанут от тебя.»

— С чего ты так решила?

«Рационально. Слуги тёти очень рациональны.»

— Нет. Они не успокоятся, пока не убьют нас обоих. Это и есть рациональность. — Вздохнул Эллион, поглаживая девочку по голове. — Держись меня, и мы выживем.

«Как?»

Эллион запнулся, дёргано поднял взгляд к небу. Старшая Сестра затмевает Младшую и той виден только краешек. Лес вокруг мрачно тих, даже совы умолкли, соблюдая тишину. Близится час Волка. Самый тёмный и мрачный, предваряющий рассвет.

— Они берегут тайну, — мягко сказал курьер. — Значит нужно избавиться от неё. Ты знаешь, когда тайна перестаёт быть таковой?

«Когда известна всем».

— Умница.

Вдали меж деревьев танцуют светлячки, собираются в вихревые рои. Затмевая свет над

головами пролетает филин. Курьер потрепал Тишь по волосам, проводя птицу взглядом. Крякнув поднял девочку, усадил на плечи и зашагал к пещере. Осторожно, стараясь не ударить ношу о низкие ветви.

Глаза окончательно привыкли к темноте, и лес превратился в нечто из мрачных сказок. Почти волшебное и уютное. Так и тянет лечь в корнях, присыпавшись листьями, и ждать появления альвов. Тишь прижалась к затылку, свесила руки перед лицом, продолжая жестикулировать.

«Но как нам донести тайну до всех? Я не могу каждому встречному объяснять.»

Эллион невольно отметил, что она очень продвинулась в языке жестов. Хотя, когда нет другого выбора, человек либо мрёт, либо осваивает. Даже Роан научился махать мечом на приличном уровне.

— У меня есть пара идей. Но для этого нам нужно закончить доставку и связать с парочкой друзей.

«А как мы их найдём?»

— Боюсь, это они найдут нас.

Роан проснулся от головной боли и увидел перед собой печальное личико Тишь. Пещеру заливают яркий солнечный свет и видны верхушки деревьев. На горизонте скапливаются кучевые облака, а воздух пахнет живицей и мхом.

— Я... я уснул? Боги... я уснул!

Парень подскочил, завертелся на месте, заливаясь краской. Испуганно посмотрел на курьера. Эллион сидит на полу скрестив ноги и методично натачивает кольцо из ветки. У кострища лежит пяток готовых.

— Больше так не делай.

— Не знаю, как это вышло! Извини... боги, а если бы враги пришли, пока я спал?!

— Всё в порядке. Мы все устали, и все уснули. Теперь садись и помоги мне.

— А зачем это? — Спросил Роан, указывая на кольца.

— Еду добывать. Мечом или ножом зайца недобудешь.

— А колом да?

— Ну... колом больше шансов. А нам нужен провиант, ведь мы идём к Узкому Морю.

Узкое Море полоса воды, отделяющая Осколки от Стеклопанной Пустыни. Обжитая торговыми компаниями и бандами пиратов. Источник богатства прибрежных полисов и рассадник культов Аргантоса. Место, где сходятся тысячи путей. Роан о нём слышал столько, что будто сам там жил. Тем более его далёкий предок был адмиралом имперского флота. В родовой библиотеке до сих пор хранится или хранился, его дневник. На жёлтых и ветхих страницах скупо изложена история рейдов из Узкого Моря в океан Риун и схваток с флотами Вольных.

Теперь ему, на удивление предстоит посетить места боевой славы предка. Что ж, не так уж и плохо, для приключения, начавшегося со смертного приговора.

Выпивка отдаёт плодами ауки, крошечных красных ягод с долей остроты. Ринзар покачивает глиняную кружку и наблюдает, как разбойники забавляются с женой хозяина таверны. От женского крика звенят стёкла, а в углу плачет мужчина. Двое прижимают его к полу, а третий не даёт отвернуться. Собравшиеся вокруг разбойники гогочут и харкают на таверщика. Остальные бродят по таверне и обирают трупы посетителей.

Атаман раздумывает, не присоединиться ли? Нет, бездействие тоже преступление. А учитывая обстоятельства, в хаос нужно внести, ха-ха, толику разнообразия.

К тому же нужно осмыслить, что произошло с братом. Он как-то пережил Танец вне города, что уже само по себе чудо. Затем нашёл приют в монастыре единоверцев, но бежал оттуда в спешке. Теперь за ним охотятся вообще все. Если верить информаторам, а им Ринзан верить только наполовину. Однако большая часть информации сходится.

Жрец Аргантоса поморщился от особо сильного крика. Посмотрел в глаза женщине, на мужа и широко улыбнулся. Ткнул пальцем в одного из разбойников и сказал громко:

— Если ещё раз крикнет, отрежь язык.

Разбойник кивнул и, выхватив кривой кинжал, двинулся к жертве. В углу взвыл муж, забился в хватке. Женщина сцепила челюсти, по лицу текут слёзы, пот и кровь. Огромный клинок прижался к щеке, надавил, слегка скользнул. Под лезвием выступила рубиновая полоса. Мучитель наклонился и что-то зашептал на ухо, схватив за волосы и оттянув, вынуждая выгнуть шею.

Устав от довольно скучного и, чего греха таить, обыденного, зрелища, Ринзан пошёл на второй этаж. Последние события резко изменили поведение брата, и на свежую голову будет проще обмозговать план. Ступени скрипят под сапогами, старые доски заметно прогибаются. Атаман пошёл по коридору, касаясь стены двумя пальцами. Остановился у двери хозяев, в самом конце коридора, в почтительном удалении от других. Толкнул и остановился на пороге, отряхивая кисть.

В полумраке, освещённая лунным светом из окна, на столе сидит женщина. Чёрный плащ скрывает фигуру, но всё внимание оттягивают огненные волосы.

— А я всё думала, когда же ты соизволишь явиться.

— Ты ещё кто? — Спросил Ринзан с ледяным спокойствием, огляделся, вдруг в комнате ещё кто.

— О, моё имя тебе знакомо. Мы тёзки.

— Ну, что же, приятно познакомиться. Нечасто женщины сами ко мне приходят.

Ринзан улыбается широко, шутливо склоняется, тайком доставая нож из-за пояса. С такого расстояния промахнуться невозможно. Заточенный клинок ударит точно в глаз или горло, зависит от того, как он хочет её убить. Ринзара покачала головой и нарочито медленно потянула из кармашка колбу, заткнутую пробкой. Внутри серый порошок, блестящий в тусклом свете.

— На твоём месте я бы не делала резких движений, иначе не получишь вот это.

— Серьёзно? Что помешает забрать с трупа?

— Дозировка. Понимаешь, в отравлении очень важна дозировка. Даже с противоядием. Чуть больше и вместо излечения получишь второй яд. Чуть меньше и вот она, бурная диарея. Ты хоть представляешь, какого это, подышать дристая под себя?

— Хм... а когда же ты меня отравила?

Ринзара звонко засмеялась, подняла руку и поиграла пальцами. Атаман поднёс ладонь к лицу и выругался, кожа едва заметно блестит от вязкой жидкости. Которую он сначала принял за кровь или разбрызганное вино. Мало ли что учудили ребята, пока волокли хозяев из кровати.

— Чего тебе надо?

— Мелочи, сущие мелочи. Церковь Илмира хочет голову Эллиона и его спутницы, Тишь.

— А как же мальчишка?

— Всем плевать на мальчишку. — Закатывая глаза, ответила курьер. — До него было дело лишь парочке замшелых стариков. Но сейчас обстоятельства поменялись.

— Забавно. Я так понимаю, яд медленный...

Ринзан покачнулся и пол прыгнул в лицо. В последний миг выставил руки и обрушился на доски. Мышцы спины свела судорога и они потянули позвоночник, натягивая как лук. Жрец издал задушенный хрип, глядя на женщину выпученными глазами. В левом один за другим лопаются сосуды и белок заливают красным. На губах выступает пена.

— Зачем? Я не использую медленных ядов. Это глупо.

Ринзара грациозно соскочила со стола и села на корточки перед тёзкой. Ткнула пальцем в лоб и засмеялась.

— Переговоры лучше вести, когда у другой стороны нет аргументов и возможностей.

Если у вас есть возможность и желание поддержать моё творчество: Сбербанк: 4274 3200 6585 4914 ВТБ: 4893 4703 2857 3727 Тинькофф: 5536 9138 6842 8034 QIWI: qiwi.com/n/SHORS494 Буду рад любой поддержке и спасибо вам за внимание!

Роан устал ещё до полудня, последнюю неделю курьер гнал их через леса и холмы, сторонясь рек и городов. Парень чувствует, что запасы сил сошли к нулю, а в теле не осталось и намёка на жир. Хочется только упасть и сожрать сладкого. Не съесть, а именно сожрать, закинув в рот обеими руками и давясь от жадности. Меч на бедре кажется тяжёлым, как наковальня, а одежда промокла от пота и гадостно воняет.

Тишь выглядит не лучше, за время похода она похудела и стала тоньше, чем была в первую встречу. А ведь тогда она была больше похожа на умертвие. Волосы отросли и прикрывают личико до подбородка, она редко убирает их и смотрит на мир сквозь сальные пряди.

Эллион же смотрится бодро, как волк на охоте. Часто отлучается, а возвращается с ягодами и жёсткими, кислыми, плодами. Спутники быстро едят и двигаются дальше. Роан уже начал забывать вкус и запах мяса. А ведь в первые пару дней его было в избытке, они часто делали привалы и наслаждались плотным перекусом... Сейчас понятно, что курьер просто позволял им нагнать жирок перед почти смертельным рывком. Без костров, без полноценной еды и сна. Ведь опытный следопыт может выследить жертву по кострам и даже следам на костях.

Когда солнце вскарабкалось в зенит Роан ощутил новый запах. Нет, он осознал присутствие оного. Почувствовал уже много дней назад, но тогда запах был слабый, не выделяющийся на фоне ароматов трав и деревьев. Сейчас же стал всеобъемлющим и подавляющим. При этом невероятно приятным, хочется вдыхать полной грудью, смеяться и стремиться к источнику! Роан принюхался, пытаясь понять, что может источать такой дивный аромат. Ничего знакомого, совершенно новый запах!

Недоумённо посмотрел на Тишь, а та на него, в глазах девочки читается такое же изумление. Эллион обернулся и с улыбкой указал на вершину холма впереди. Высокая трава сгибается под порывами тёплого ветра, стрекочут кузнечики, а меж колосьев и цветов порхают пёстрые бабочки. Роан взял Тишь за руку, помогая подняться по склону, но на самом деле ища силу в её женской слабости. Ведь в этом и есть постыдный секрет всех мужчин. По-настоящему они сильны только рядом со слабой женщиной. Даже если она способна сжигать людей хлопком ладоней.

На мгновение перед внутренним взором ожило воспоминание. Двое в фарфоровых масках приближаются к ним с окровавленными мечами. Тишь подскакивает к стене, бьёт ладонями по камню, одновременно издавая звук, похожий на глухой рёв медной трубы. Вспышка и убийцы исчезают в огне и грохоте...

Эллион остановился на вершине, упёр кулаки в бока и терпеливо дожидается спутников. Запах усиливается, а слух ловит монотонный гул и крики птиц. С другой стороны море, парень знает это, ощущает огромные массы воды... но он никогда не видел ничего крупнее озера. Шаг, подтянуть Тишь, широкий шаг на вершину и... Впереди расстилается перевёрнутое небо. До самого горизонта, на поверхности у самого берега бегут волны с белыми верхушками. Море сверкает в солнечном свете, будто посыпанное золотом. Над гладью кружат птицы, срываются камнем вниз и скрываются среди волн, чтобы через мгновение появиться вновь. Вдали двигаются корабли, белые паруса ярко выделяются на сине-зелёном фоне.

— Добро пожаловать к Узкому Морю! — Прорекламировал Эллион, обводя рукой побережье.

— Узкое?! — Выдохнул Роан, во все глаза глядя на распахнувшийся простор.

— Не толще волоска. — Кивая, ответил курьер, перевёл руку в сторону, будто чертя линию вдоль кромки волн. — Нам туда.

— Если это «узкое», то каков океан? — Пробормотал Роан.

— У океана нет конца. — Серьёзно ответил Эллион, начиная спуск на пляж. — Все земли, что известным нам, лишь крупные острова на его поверхности. Все реки мира, так или иначе, втекают в океан.

Фантазии о море, полученные из дневников предка, выпорхнули и исчезли. Беспольные и блёклые перед истинным величием. Роан вдохнул полной грудью и осознал, что не хочет возвращаться в родной осколок. В груди засело то самое чувство, что появляется у человека после долгого путешествия оказавшегося дома.

Пляж покрыт песком, тёмно-серым у воды и почти золотым на удалении. Песчинки проседают под ботинками, мешают идти, свежий ветерок бьёт в лицо, задувает под воротник. Тишь танцующе скачет по кромке вод, позволяя волнам слизать следы.

— А что дальше? — Спросил Роан, нагнав курьера.

— Дальше? Найдём корабль, и он доставит нас к пойме Валр, а там поднимемся по реке до самой долины Мардука.

— А потом... конец?

— Да. Доставка окончена, а я буду занят... спасая себя и Тишь.

Парень умолк на несколько минут, оглядываясь и следя за спутницей. Девочка нашла выброшенную медузу и с круглыми глазами перекачивает с ладони на ладонь. На личике читается изумление от почти прозрачного существа.

— А если... — наконец начал Роан, неуверенно оглядываясь на друга. — Если я найму тебя вновь?

— Зачем?

— Доставить меня сюда.

— Ну, не вижу причин отказаться. — С улыбкой ответил Эллион.

На входе в портовый город их встретил отряд стражи во главе со жрецом Тирионы. Болезненно тощий, с острой бородкой и запавшими глазами. Он кутается в серый хитон и сверлит взглядом подходящих к воротам. Трое стражников лениво опираются на копья, а на стенах сучаю арбалетчики. Жрец богини правосудия подался вперёд при виде Эллиона. Крылья носа затрепетали, а в глубине глаз мелькнуло странное выражение.

Стража оживилась, поудобнее перехватила копья. Роан сбился с шага, едва удержался от порыва схватить меч. С другой стороны ворот показалось подкрепление с двумя бойцовскими псами. Те с любопытством оглядываются, готовые рвать кого укажут. Эллион невозмутимо приблизился и остановился перед жрецом, глядя сверху вниз из-за разницы в росте.

— От тебя смердит кровью. — Проскрипел жрец шурясь.

— У курьеров опасная служба. — Отметил Эллион невозмутимо.

— Верно, но как ты докажешь, что курьер?

Эллион медленно поднял руку, показывая стражникам, берущим их в кольцо, красный рукав. Роан и Тишь, спина к спине прижались к старшему товарищу. Девочка прижала два пальца к гортани, приоткрыла рот.

— Рукава, да, такие носят только курьеры. — Кивнул жрец, но взгляд стал холоднее. — Вот только красная ткань довольно распространена. Лет сто назад, такую могли купить только дворяне и илмириты, но те времена давно ушли.

Эллион хмыкнул, взялся за ворот и потянул вниз, оголяя верхнюю часть груди. На светлой коже темнеет вязь татуировки. Жрец медленно кивнул и сказал, отступая с дороги:

— Добро пожаловать в славный Вермилион, единственный оплот Тирионы на побережье Монеты.

— Даже удивительно, как оно ещё держится.

— Мне действительно надо это объяснять?

— Нет, не надо.

Компания прошла через ворота, а один из псов, виляя хвостом, потянулся за Тишь. Девочка, к ужасу псаря, протянула руку. Потрепала по широкой морде и почухала за ухом. Помахала на прощание, пёс же плюхнулся на зад и счастливо высунул язык.

Город представляет собой сетку, уходящую в море. Длинные дома, где первые этажи собраны из дикого камня и песчаника. Со стен свисают сети, они же перетянуты между домами. С крыш свисают побеги ползучих растений. Роан вертит головой, глуповато приоткрыв рот. Открытые двери постоянных дворов сочатся музыкой, от которой ноги сами начинают пританцовывать.

Тишь хватает курьера за рукав и тянет в гостеприимно распахнутые двери. Эллион качает головой и уверенно проходит мимо.

— А здесь есть храм Илмира? — Осторожно спросил Роан.

— Нет. Только часовня.

— Почему же? Город большой, столько торговцев...

— У культа Тирионы некоторые сложности с нами.

— П-почему?

— Доставка существует для всех, а у тиринистов на это свой взгляд.

Улица убегает вниз, будто в обрыв, дома по обе стороны вытягиваются, изо всех сил стараясь оставаться в горизонтальной плоскости. Мимо, ругаясь сквозь зубы, идут грузчики. Стягивают тюки с телег на вершине и спускают на телеги у подножия.

В стороне гремят молотки, рабочие собирают помост для грузовой канатной дороги. Ниже по склону возводят колонны, на которые будет крепиться канат. Дальше дорога перекидывается на пирс и будто уходит в море.

— Мы в порт?

— Нет, для начала ночлег и еда. Ну и безопасность.

Курьер остановился перед трёхэтажным домом из обожжённого кирпича. У двери расставлены пустые бочки для дождевой воды, а на крыльце сидят двое моряков. Седых с белыми, как молоко глазами. Оба потягивают трубки, слепо глядя в пространство перед собой. Синхронно повернулись к Эллиону.

Роан вздрогнул, показалось, что через слепые глаза на него смотрит нечто иное, отличное от человека. Чуждое, но не враждебное, как паук. Вот только от этого ничуть не лучше. Тишь схватила его за руку, сдавила и активно закачала головой. Прижала палец к губам и страшно выпучила глаза.

Курьер прошёл мимо, а слепые повернули головы, продолжая смотреть им в спины. Внутри трубок тлеет смесь трав, а едкий запах врзается в ноздри. Серый дым обволакивается лица и кажется, что волосы шевелятся как морские змеи.

— Что с ними не так? — Пробормотал Роан.

Лицо Тишь дрогнуло, но тут же расслабилось и стало отрешённым, будто она смирилась с неизбежным. Эллион обернулся на вопрос, озадаченно осмотрелся и спросил:

— С кем?

— Ну, со стариками?

— Какими ещё стариками?

— Вот этими...

Роан умолк, недоумённо глядя на пустое крыльцо. Заморгал и посмотрел на Тишь. Девочка сокрушённо покачала головой.

Курьер завернул за угол и двинулся вдоль ограждения, отделяющего порт от города. Ограда формальная, доски с натянутыми канатами. Установленные по прихоти бургомистра ещё до раскола империи, по одному ему известной причине. Нынче канаты представляют собой жалкое зрелище, почти чёрные, кое-где нещадно оборванные. На одном участке висит дохлый краб, по видимости принесённый и забытый чайкой.

Впереди толпится стража, древками пик теснит зевак от переулка. Роан засмотрелся через кутерьму, скривился, увидев заляпанные чёрным древние кирпичи. Запоздало признал запёкшуюся кровь. Один из стражей выбился из строя, подбежал, придерживая съезжающий набок шлем. Ухватил Эллиона за рукав и протараторил, часто оглядываясь:

— Срочно передай сообщение! Опять убили девку!

Курьер остановился, медленно повернулся к нему, придавил к брусчатке тяжёлым, как студёный свинец взглядом. Страж вздрогнул, поняв, что мог ухватить курьера на доставке и чем это чревато. Торопливо попятился, таратора извинения, мол обознался, он-то другого илмирита ждал...

— Всё в порядке. — Успокоил Эллион. — Какова плата и адрес? Возможно, мне по пути.

— Эм... две серебряные? В мэрию, начальнику гарнизона Тедолу Винразу.

Две монеты перекочевали в распахнутую ладонь и исчезли в кармане. Эллион кивнул, смерил взглядом переулочек и зевак. В толпе перешёптываются, судачат, порождая слухи один страшнее другого. Одни пеняют на древнее проклятие глубин, другие, что аргантоситы пробрались в город. В переулке над пятном крови сидит жрец Тирионы в чёрной мантии. На лице поблёскивает странный прибор из стекляшек разного размера, закреплённых друг напротив друга.

— Вы тут ждали, пока мимо будет курьер идти?

— Нет. — Огрызнулся стражник. — Её нашли полчаса тому, ну... то что осталось.

— Кровь почернела, а место проходное. — Заметил Роан, вклинившись в разговор.

Стражник посмотрел на него, как на заговорившую кошку. Скривился и отмахнулся.

— Мальчик прав. — Сказал Эллион.

— А чего тут странного? Каждый переулками бродит и смотрит на всякие пятна? Переулки вообще алтарь Аргантоса! У нас тут порт, если не заметил, такие пятна обыденность. И вообще, с каких пор курьеры вопросы задают?!

— Работа у нас такая, информацию собирать.

— Вот и собирай в другом месте!

Стражник сплюнул под ноги и ворча вернулся в строй. Жрец Тирионы бросил на них рассеянный взгляд. Заметил курьера, закатил глаза. Под его ногами сырой камень заляпан кровью, виден край чёрно-багровой тряпки. Эллион отвернулся и повёл спутников в сторону постоянного двора, виднеющегося в конце улицы.

У входа стоят потасканные женщины, густо покрашенные, чтобы скрыть изъяны лица. Завидев мужчин, они начали зазывать хриплыми, простуженными голосами, которые, по их мнению, должны быть чарующими. Роан посмотрел на них с ужасом, на грани обморока. Насколько же должен оголодать мужчина, чтобы позариться на такое?! Не поэтому ли про моряков так много мужеложных шуточек.

Первый этаж заставлен длинными столами и лавками, под потолком качаются люстры из колёс телеги, подвешенные на ржавых цепях. На скрип петель хмуро оглянулись докеры и моряки, распивающие в дальнем углу. Эллион прошёл к стойке и бросил на неё полученные монеты.

— Комнату на троих. С засовом и решёткой на окне.

Тощий мужчина с косящим глазом взял деньги, старательно рассмотрел и бросил ключи с толстой деревянной биркой. Кивнул на лестницу и отвернулся, занявшись протиркой столешницы, вощённой тряпкой. Дерево матово блестит и отражает таверну. Чем ближе к лестнице, там плотнее амбре дешёвого вина и перегара от гуляк.

Комната большая, из мебели четыре кровати по углам, шкаф и сундук. Единственное окно закрыто решёткой, на вид побывавшей вечность на дне моря. Роан с изумлением понял, что это деталь затонувшего корабля.

— Что дальше?

— Сидите здесь, а я схожу за едой и доставку проведу. — Ответил Эллион, разворачиваясь к двери. — Запритесь, а когда приду, постучу три раза в нижний левый угол, с интервалом три удара сердца. Понял?

Город ему не нравится, слишком хаотичный и неопрятный. Тут легко затеряться, а ещё легче исчезнуть навсегда. Несмотря на все усилия жрецов Тирионы. Законы плохо приживаются в месте с большими деньгами. Пираты, опять же. Хоть им и грозит повешение при входе в порт, но никто не мешает притвориться честным торговцем. На каждый корабль не найдётся жреца, способного читать душу.

У пирса на ленивых волнах покачиваются грузовые корабли, рядом стругают новые доски. Флаги осколков висят, как мокрые тряпки, лишь едва поддёргивая кончиками. Эллион прошёл мимо груды пустых бочек, из темноты меж них высунулась крысиная морда. Задёргала усами и спряталась обратно.

Гарнизон представляет собой угрюмое здание за каменным забором. Во дворе сад с пальмой и ухоженным лугом, за которым видны здания казарм. У ворот стоит дремлющая стража, завидев курьера, подобралась, но пропустили без вопросов. Войдя в здание, Эллион очутился в гротескной пародии на поместье. Голые стены контрастируют с картинами и статуями, стендами с красивым оружием. Пахнет цветочными маслами и деревом.

Эллион критично оглядел большую картину, изображающую Вардана Пятого, императора, правящего за столетие до раскола. Монарх стоит в волевой позе и смотрит вдаль.

— Нечасто ко мне заходят курьеры Илмира. Обычно местные посыльные, а они... не самые усердные.

Эллион оглянулся на голос и увидел мужчину средних лет облачённый в жилет из глубоко-красной бархатной ткани. Украшенный золотым узором, который перебрасывается на подшитые брюки. Над его одеждой явно старался гениальный портной. Впрочем, над причёской и бородой работал не менее умелый мастер. Ни единого лишнего волоска, напомаженные волосы и идеальная кожа. Настолько идеальная, что хочется ударить.

— Тедол Винраз?

— Он самый, неужели вы принесли сообщение о моём переводе?

— Нет. Меня просили передать, что опять убита девушка.

Лицо чиновника скривилось, будто укусил кислое яблоко.

— Вот ради этого, они послали илмирита? Боги, да я явно слишком много плачу этим людям!

— Я просто проходил мимо, а у вас... интересное жильё.

— Это? — Тедол обвёл зал рукой, покачал головой. — Увы, это лишь золотая клетка, прутья которой сложили мои предшественники. Впрочем, большинство из них сплясало на верёвке, прямо во дворе.

— За коррупцию?

— За жадность. Не хотели делиться с начальством. Ладно, я бы с радостью поболтал с вами, но, похоже, пора отдать пару поручений. Пойманный явно не является служителем Аргантоса. А жаль. Это бы решило много проблем...

Эллион хотел задать вопрос, но начальник гарнизона уже развернулся к дверям, забыв про курьера. А тот пожал плечами и пошёл к выходу. В конце концов, это не его дело. У него и своих забот полон рот. Надо выжить и найти корабль. С остальным пусть разбираются стражники и тирионцы, а его дело доставить груз.

Приморские города не знают тишины. Плещет волна, скрипят доски кораблей и мачты, хлопочут флаги. Кто-то пьяно орёт песню, брехают псы и кто-то умирает. Эллион сидит у окна и гадает, вглядываясь в полумрак снаружи, когда их найдут. Нет ни единого шанса, что он мог оторваться надолго или вовсе запутать след. Рывок на грани сил лишь выиграл время и прямо сейчас оно кончается. Горла будто касается холодное лезвие неизбежности.

Роан дремлет с мечом в руке, на коврике у двери. Тишь свернулась калачиком на кровати, как котёнок. Маленький, немой котёнок с большой тайной.

Курьер закрыл окно шторой и на цыпочках отошёл в дальний угол. Опустился на колени и начал молитву. Илмиру они не так важны, но важны людям. Сочетания слов, звуков и интонаций настраивает разум, как музыкант лютню. Если уж не сам бог знания пошлёт озарение, то оно само придёт из глубин сознания. Вместе с решимостью.

Эллион хотел бы начать действовать прямо сейчас. Но из-за убийств порт опечатали. Наместник и храм Тирионы решили взять за поимку убийцы серьёзно. Торговцы скрипят зубами, торговые гильдии брызжут слюной, но воспротивиться не могут. Город, редкий островок безопасности и порядка на побережье. Если уж хаос закрепится за стенами, то вся торговля станет значительно сложнее.

Ринзан Красный бросает в костёр промасленные волосы. Пахнет и мерзко, и приятно. Любимый запах бога. Остальная часть шайки разбила лагерь в стороне. Подальше от дороги, чтобы патруль не наткнулся и не заметил. Уединение омрачает отравительница, Ринзара, стоящая поодаль. В её руках поблёскивает хитроумный механизм из отполированной стали, шестерёнок и стрелок.

Женщина смотрит через него на сестёр, подкручивает мелкие штырьки и смотрит вновь.

— Ты чем это занимаешься? — Проворчал Ринзан, в который раз раздумывая, как убить курьершу и отобрать противоядие.

Точнее, как узнать, какая из десятков колб его содержит и пропорцию. Ведь если он даже сможет отыскать нужную, то не так концентрация убьёт.

— Ты когда-нибудь бывал в море? — Спросила Ринзана не поворачиваясь.

— Была идея, но на воде служить Аргантосу накладно. Корабль укради или купи, за людьми гонись и не факт, что догонишь. На земле нужен только нож и куст у дороги. Лепота же.

— Вот-вот, момент в том, что на море Танец действует несколько иначе. Сёстры притягивают воду к себе, отчего та отходит от берега. А там, в сердце вод дела творятся совсем уж непотребные. Эта же штучка, позволяет определить место, где будет хуже всего. Лучше это сделать заранее.

— Угу. А толку? По моей воле младший жрец устроил резню и тирионцы просто заблокировали судоходство в городе. А это единственное место, откуда он сможет отбыть.

— Не забывай про контрабандистов.

— Для этого ему надо будет выбраться из города...

Ринзан осёкся, запоздало вспомнив, что говорит о брате и на что тот способен. Женщина оглянулась и довольно кивнула, пряча механизм в кармашек плаща. Порыв ветра донёс от лагеря взрыв хохота. Ринзана встала у костра, нависая над тёзкой с лисьей улыбкой.

— Хорошо, завтра же отправлю подкрепление контрабандистам. — Буркнул Ринзан. — Заставлю блокировать тайные проходы или доложить на каком он корабле.

— Умница, заслужил.

Над огнём пролетела стеклянная колба и разбойник, дёрнувшись, поймал обеими руками. Прижал к груди, застыв на долю мгновения. Затем торопливо выплеснул содержимое в рот и зажмурился, переживая горечь.

Утро застало Роана врасплох, парень распахнул глаза и увидел Тишь. Девочка склонилась над ним и без затей тычет пальцами в лицо, меня выражение на нём, как скульптор, самоучка. Парень вскрикнул, и подружка соскочила с койки, как кошка. Роан подбежал к зеркалу, отполированной пластине металла, с ужасом взгляделся в отражение. Кончики губ искажены, левый задрался, а правый опущен. На лице запечатлено выражение не то конфуза, не то истерики.

Бормоча проклятья кое-как вернул на место привычное нейтральное выражение. Стрельнул глазами на Тишь, но та усиленно делает вид, что ничего не делала и очень увлечена завтраком. Грызёт булочку и потягивает травяной чай. Курьера нет.

— А где Эл?

Девочка пожала плечами и сложила несколько жестов, увы, их значение Роан ещё не изучил. Позёвывая, подошёл к окну, потянулся к ручке отворить и замер. На улице у противоположного дома стоят странные моряки и смотрят прямо на него. Не мигая и не двигаясь.

— Они опять тут. — Вздохнул Роан. — Думаешь, они вообще уходили?

Окно распахнулось со скрипом петель и в комнату ворвался свежий воздух, до одурения пахнувший морем. Тишь только пожала плечами и «сказала»:

«Я же говорила, не смотри на них».

— Ну блин, извини. Они что, теперь убьют меня?

Странно, мысль о собственной смерти не вызвала страха. Вообще ничего. Будничная и блёклая, как о походе на рынок или в туалет. Роан поймал себя на том, что попросту устал бояться гибели. Проклятье, за ним охотились лучшие наёмники и разбойники, а он до сих пор дышит. Что ему пара странных дедов?

«Не знаю»

— Ты же сама говорила не смотреть!

«Ну да, это я знаю»

— Ладно... в пёсью яму их. Жить не мешают, так пусть смотрят. Эллион говорил, чтонибудь перед уходом? Ну кроме «не высовываться»?

«Сказал, что найдёт нам корабль».

Пытаюсь собрать на оплату отопления, еду и творчество. Если у вас есть возможность, прошу, поддержите любой суммой:

Сбербанк: 4274 3200 6585 4914

ВТБ: 4893 4703 2857 3727

Тинькофф: 5536 9138 6842 8034

QIWI: qiwi.com/n/SHORS4943.Ы. Я благодарен за любую поддержку, даже сто рублей, это уже кошачий корм и спокойный день!

Жрец Тирионы снял сапфировые очки, протёр линзы краем хитона и водрузил их на нос. Похлопал веками, глядя на Эллиона, как на диковинного зверя. Курьер сложил руки на груди и мрачно посмотрел в глаза. За его спиной улица живёт собственной жизнью: десятки прохожих спешат в порт и из него. Кричит лоточник, продающий свежую выпечку.

— Вот так раз... — протянул жрец, потирая подбородок и подёргивая бородку. — Илмирит хочет помочь?

— Да, хочу.

— Удивительно, чем же я обязан такой чести?

— Мне нужно скорее уплыть отсюда, а пока убийца на свободе, я этого сделать не смогу.

— А... понятно. А как же жажда справедливости, праведное возмездие?

— Я слугитель Илмира. Знание не апеллирует к таким терминам.

— Знаю, знаю, — отмахнулся жрец. — Поэтому отказываюсь. Вы, илмириты, готовы служить каждой мрази в этом мире. Да и в любом другом. Нечего слугам Закона якшаться с вами.

Эллион поджал губы, стиснул кулаки и медленно кивнул. Внутри всколыхнулась горячая волна, ударила в голову, но на полпути обернулась ледяным спокойствием. Курьер развернулся на пятках и пошёл прочь, раздумывая, что теперь делать. Тирионец смачно плюнул вслед и вернулся к осмотру места преступления.

Корабли покачиваются на волнах, скрипят доски, волны стучат о борта. Паруса сняты, а на палубах сидят скучающие сторожа, следящие, чтобы до трюмов не добрался лихой люд. Несчастные юнги моют или скоблят под чутким присмотром сторожей. Матросы же разбрелись по многочисленным тавернам и пабам, где пропивают жалование со жрицами любви.

Эллион вышел на главную улицу, двинулся в сторону самых дорогих заведений. Там обычно селятся капитаны. Сделав два шага, он замотал головой и побрёл в противоположную сторону. Конечно, хорошо бы нанять мощный и дорогой корабль. Но тогда больше шансов попасть к пиратам. Выгоднее нанять лёгкий шлюп, где и команды не больше десятка. Вот только как покинуть на нём город?

Стоя на вершине холма, покрытого лачугами из песчаника и досок, Эллион повернулся к морю. Спокойное, безмятежное, оно мало заботится о людях и их дрязгах. В некоторой мере море куда божественнее всех божеств. Истинно беспристрастное и всеобъемлющее. Говорят, даже древние боги не в силах покинуть его глубин, а их мощь лишь пшик. Сёстры же пытаются притянуть воды к себе, но только вызывают отливы и приливы.

На стыке голубого неба и зеленоватой воды движется корабль. Едва различимый, как призрак, он будто парит над горизонтом. Даже не собираясь в порт, ведь по случаю блокировки ты можешь только войти на радость сборщику налогов. Налогов?

Эллион медленно обернулся на далёкую скалу, что остриём копыя пробивает море. На вершине раскинулся густой лес, но склоны голы, и даже отсюда видны базальтовые столбы.

— Налоги, значит, — пробормотал Эллион. — Значит, нужно найти тех, кто их принципиально не платит.

Конечно, такие люди есть везде. А у них есть свои методы проникновения и выхода.

Призрачные старики исчезли, чем обрадовали Роана. Парень, наконец, отпустил рукоять меча, будто тот мог навредить потусторонним. Из окна открывается вид на солнце, медленно клонящееся к горизонту. На первом этаже хриплые голоса тянут песню, играет музыка. Эл задерживается, это тревожит... даже пугает. Тишь сидит в углу и перебирает вещи, которые подбирала на улицах. Камешки, ржавые гвозди, куски стекла и ракушки. Детские сокровища. Вот только немая их взяла не для игр. Она сталкивает их, бьёт об пол и стены, вслушиваясь в получившийся звук.

Почти всегда морщится, но иногда довольно кивает и откладывает угодившие в сторону.
— Ты чем занята? — спросил Роан, просто чтобы отвлечься от нервных мыслей.

«Ищу силу»

— В мусоре? — Парень вздёрнул бровь и покачал головой. — Сила в золоте и стали.

«Это людская сила.»

— А ты значит нечеловеческую ищешь?

«Истинную. С большой буквы 'С'»

Роан склонил голову к плечу и большим пальцем поднял бровь. Девочка невольно прыснула, насколько это вообще возможно без языка. Начала объяснять, складывая пальцы в целые предложения с такой скоростью, что у Роана заболела голова.

«Звук и вибрация материала, это всё можно использовать для манипуляции миром»

— Ну... то есть магия?

«Магия? Она в сравнении не более чем клоунский фокус, пляска у костра».

На лице девочки появилось выражение полного презрения к любому, кто заявит что он маг.

«Все их длинные заклинания, нужны для одного коротко звука, вибрации пространства»

— Я ничего не понял. — Признался Роан, скребя затылок. — А тех стариков могла бы прогнать этой... силой?

«Они ещё не ушли?»

— Кажется, ушли, по крайней мере, там их больше нет.

«Ну, тогда всё не так плохо.»

— Ты точно не знаешь, что они такое?

«Откуда? Просто слышала, что на таких смотреть нельзя»

— Ладно, пропали и пропали, не о них беспокоиться надо.

Роан оглянулся на дверь, будто ожидая, что она распахнётся и войдёт Эллион. Ничего. Никого. Тишина на той стороне. Тихо даже на первом этаже... Тихо? Парень встрепенулся и схватился за меч... В дверь ударили с такой силой, что петли засова подались из стен. Тишь подскочила, от испуга раскидав сложенные «сокровища», замычала от досады.

Второй удар вышиб левую скобу и засов с грохотом обрушился на пол. Роан вытащил меч, скалясь и горбясь, как зверь перед прыжком. В комнату вошли трое в чёрных плащах и с красными рукавами. Илмириты. Один двинулся к парню, а оставшиеся к Тишь.

На кулаках поблёскивают причудливого вида кастеты. Ударная часть растянута и прикрывает кисть. Таким можно блокировать меч.

Курьер начал атаку за три шаг до Роана, движение ускорилось, и нога, смазавшись, устремилась в висок. Невероятно быстро, но в разы медленнее Эллиона.

Роан подставил меч.

Сочно и мерзко хрустнуло, в комнате все застыли и взгляды обернулись на парня.

Лезвие погрузилось в голень до самого дола и застряло, как в бревне. По металлу скользит тонкая струйка крови.

Илмирит истошно взвыл и рухнул на пол, меч вырвало из рук и он так и остался в ране. Ударился рукоятью об доски, чем вызвал протяжный вопль боли и удивления. Покалеченный катается, силясь вырвать меч, но только усиливает боль, окончательно теряя рассудок.

Двое переглянулись и, забыв про Тишь, бросились на парня. Первый ударил в голову, второй в бок. Оба достигли цели. Опешивший Роан даже не подумал увернуться. Мир качнулся и перевернулся, голова взорвалась болью. Она отрезвила и тело будто само по себе, откатилось, спасаясь от добивающего пинка в горло. Вскочило на ноги, и в руке сверкнул нож.

По левой стороне лица стекает вязкая кровь, волосы липнут к черепу. Боль ушла, оставив чувство давления на кости. Илмириты атаквали вновь. Два молниеносных удара в живот и руку с оружием. Роан отпрыгнул, пропустил финт по касательной и, развернувшись по инерции, резанул наотмашь. Илмирит отпрыгнул, зажимая руку и не сводя взгляда с парня. Этого его и убило.

Тишь выросла перед ним, хлопнула в ладони, прижимая большими пальцами ракушку и гвоздь. Роан услышал странный, вибрирующий звук и меж пальцев девочки вырвался слепящий свет. Ударил под подбородок мужчины, и голова исчезла. На потолке появились бурые брызги и обожженное пятно. Тело качнулось и с грохотом рухнуло на спину, доски под ним задрожали.

Последний целый илмирит застыл с занесённым кулаком. Скосил глаза на мёртвого товарища, на Тишь, разводящую ладони и... попятился. Развернулся и побежал не разбирая дороги. Выметнувшись в коридор, врезался в стену и, оттолкнувшись руками, скрылся из виду. Только грохот шагов по доскам и дробный стук по ступеням.

Замолк даже раненный, он вырвал меч из ноги и пытается уползти, не отрывая взгляда от обезглавленного. Роан нагнал его, опередив Тишь, пинком перевернул на спину и прижал нож к горлу. Слегка надавил и зарычал, наклонившись к бледному лицу:

— Куда собрался? Думаю, ты нам годишься.

Илмирит вжимается в пол, кося глаза на нож у горла и явно борясь с желанием сглотнуть. Старается не смотреть Роану в лицо, покрывается липким потом и стремительно иссушается. Под раненой ногой натекла внушительная лужа крови, но бледнеет скорее от вида холодного и без эмоционального лица парня, ну и от ножа у горла. Люди слишком привыкли читать намерения с лиц и отсутствие эмоций сбивает с толку.

Тишь осторожно приблизилась к ним, коснулась плеча и указала на раненую ногу. Роан с задержкой кивнул и, наклонившись, прорычал в бледное лицо:

— Не дёргайся.

Тишь достала крохотный ножик, которым обычно срезала стебли трав и грибы. Начала резать окровавленную штанину, от чего парень застонал и прикусил губу. Отбросив лоскуты, Тишь перешла к трупам и отрезала рукав рубахи, порвала на длинные ленты. Перевязка заняла на удивление мало времени. Немая стянула рану и над ней, чтобы остановить кровотечение.

Роан выждал, пока подруга закончит, и вновь наклонился к пленнику.

— Кто ты?

— Линд, курьер. — Пробормотал илмирит, кривясь от боли. — Я не собирался тебя убивать, просто оглушить.

— Ну да, ведь от удара в висок просто теряешь сознание. — Сказал Роан и чуть сильнее надавил на нож.

— Я умею...

— Меня это не интересует, ещё раз ляпнешь не по делу и клянусь Мардоком, я вскрыю твою глотку! — Полный ярости голос и каменное лицо с холодными глазами, курьер мелко задрожал, в очередной раз отвёл взгляд. — Учти, я быстро теряю терпение. Сколько вас?

— Трое... — Пробормотал Линд, едва сдерживая стон боли и ужаса, посмотрел на обезглавленный труп. — Двое.

— И всё?

— Ещё настоятель, но он стар и просто сидит в келье. У нас маленькое отделение тут, даже не храм.

— Это я знаю, а вот откуда вам известно о нас?

— Голубиная почта...

— Что с Эллионом?!

— Н-ничего... лучше голым драться против стаи волков, чем идти против него! Мы не идиоты!

— Вот как...

Голос Роана стал ниже и глуше, нож усилил давление, от чего пленник мелко задёргался пуча глаза, как жаба под сапогом.

— Мы не знали, что она маг... она же девчонка...

— А мне плевать. — Прохрипел Роан, внезапно осознав, что он в ярости.

Холодной, бурлящей ярости, но не за то, что его пытались убить, а за то, что угрожали Тишь. Вот так раз, с чего бы это? Задумавшись, не сразу заметил, что на первом этаже появились голоса и тяжелые шаги. Тишь обернулась на дверь, стискивая гвоздь и ракушку. Роан подобрался, готовясь... к чему готовясь? Он чудом выжил сейчас! Если сейчас по лестнице поднимается враг, то шансы на успех стремятся к нулю.

В дверном проёме появился крепко сбитый мужчина, низкий, даже коренастый. Загорелое лицо обрамлено пышными баками, а голова блестит, как полированное дерево. Облачён в кожаную кирасу поверх потрепанного мундира, на груди блестят знаки отличия. А на левой руке кожаный наруч с символикой Тирионы. В правой руке сжимает длинную дубинку.

Увидев сцену с заложником и мертвецом, мужчина замер и осторожно поднял левую руку, показывая наруч и говоря:

— Стража! Не делай резких движений.

— Да-да! Слушай его! — Протараторил илмирит.

— Это самооборона. — Ответил Роан, прекрасно понимая, как это всё не правдоподобно выглядит.

Парень с ножом, в комнате с обезглавленным трупом, придавил к полу почти ровесника. Хороша самооборона. Тишь свела ладони, почти касаясь гвоздём ракушки. Роан остановил её, выпрямившись и положив ладонь на запястье. Курьер, торопливо пополз к стражнику, стена и оставляя на досках мокрый след. Штанины промокли, причём не только над раной.

В проёме появилось ещё трое, а на лицах вспыхнула странная радость. Роан на мгновение подумал дать Тишь отмажку и просто посмотреть, что случится с ними. Пришлось прикусить губу.

— Так, вы трое пойдете с нами. До разбирательства. — Сказал пришедший первым, повернувшись к напарникам. — Вапс, допроси хозяина, Дор, убери тело. А я с Лоросом в конвой.

— Начальник, а если это те самые убийцы?

— Вот и разберёмся. В любом случае, премия у нас в кармане, парни.

Роан едва сдержал стон, закатил глаза. Ну конечно, когда у него всё шло как надо, без выкрутасов и неудач? Да никогда! Начинает подозревать, что даже его рождение было лишь чередой несчастий и случайностей. В любом случае, если сейчас он и Тишь перебьют стражу, если получится, что мало вероятно. На них ополчится весь город. За такое Эллион спасибо им не скажет.

— Только бережней с нами, а то... наш опекун может рассердиться.

— И что? — Фыркнул стражник, проходя к обезглавленному трупу. — Нас это должно беспокоить?

Остановился, чеша затылок, завертелся, ища голову. На лице отразилась озадаченность.

— Обязано. — Буркнул Роан, позволяя застегнуть на запястьях кандалы.

Две стальные пластины, стянутые тремя болтами. Просто, дёшево и надёжно. Тишь заковыдывать не стали, даже отнеслись с какой-то жалостью, особенно когда поняли, что у неё нет языка. Конвоир, Лорос, аж выругался от неожиданности, покопался в кармане и протянул девочке конфету в бумажной обёртке.

— Держи... ох... ох... прости, не подумал.

Тишь покачала головой и с кивком приняла угощение. Спрятала в кармашек.

— Пусть кто-нибудь сообщит нашему опекуну, где мы, когда он вернётся. — Сказал Роан, следуя за стражником.

Тот лишь вяло отмахнулся.

«Ну, что ж, тебе же хуже» — подумал парень. — «Ты мешаешь курьерской доставке».

Решётка захлопнулась с такой силой, что с них посыпались хлопья ржавчины. Щёлкнул замок и стражник исчез в сумраке, среди запахов сырого камня и гнилой соломы. Роан прикусил губу, попытался просунуть голову меж прутьев, чтобы увидеть, куда посадили Тишь. Колючая лапа тревожности стискивает основание хребта. Вдруг он допустил ошибку? Вдруг мраморные маски придут за ней, пока он здесь?!

В тюрьме нет газовых труб, как в храме Илмира, а гвоздь отобрали!

Внутренний голос говорит, что переживать нет смысла. Ведь ничего изменить уже не можешь. Ошибка, если она есть, высечена в граните истории. Будь бесчувственен, как и твоё лицо, так положено императору.

Роан зажмурился и опустил на узкую шконку. Та мерзко заскрипела, перебив внутренний голос. Стало совсем тошно, Роан сгорбился. Если Тишь и Эллион погибнут, это будет только его вина. Даже не потому, что согласился пойти со стражниками. Всё началось именно с его желания выжить, а курьер и немая девочка стали лишь ступеньками на пути к этому.

Следом появилась другая мысль. Жуткая, жестокая и холодная.

Он УЖЕ прошёл по ним. Опасность осталась позади, а само путешествие перестал иметь ценность. Ему не нужна долина Бога Войны. Не нужна возможная сила. Отца убили из-за провала заговора, а значит, трон короля лишён одной ножки. Возможно, и двух. Толкни, и монарх рухнет под ноги пронзённый десятками мечей и с ядом в полном вина брюхе.

Ему не нужны Тишь и Эллион.

Роан замотал головой. Прочь! Это чужие мысли, не его! Думы того, чьё бесчувственное лицо — это отражение души, а не последствие травм.

В темноте коридора появились размеренные шаги. Звук их отскакивает от влажных стен, резонирует меж прутьев. В смраде тюрьмы появился другой запах, тонкий и сладкий. Аромат цветущего абрикоса. Сумрак с неохотой расступился перед мужчиной в чёрно-красном бархатном жилете с золотым узором. Витки перетекают на брюки, а с них на туфли и закручиваются у заострённых носков. Роан вздрогнул. Лицо незнакомца скрыто фарфоровой маской, по левому краю которой вытянуты серебряные символы.

Вот и всё. Тишь умрёт с минуты на минуту.

Лунисит остановился перед камерой и элегантно поклонился, не как королю, но гораздо ниже, чем Роан заслуживает.

— Какая, юный Роан эль Скван. Не думал, что мне выпадет такая честь.

— Не такая уж и великая. — Ответил парень, борясь с внутренним голосом.

— Почему же? — Незнакомец обвёл камеру рукой, будто сдвигая занавесь и открывая нечто большее. — Ты разве не знал, что именно твой предок основал этот город? Ну, если быть точнее, тут у него был тайный причал. Но тем не менее именно он заложил первый камень. Так что для меня это честь.

— А заодно способ уколоть меня, перед тем, как убить мою подругу?

— Что? Нет... как минимум я не идиот, заходить к ней в камеру один, даже просто появляться в прямой видимости. Увы, она далека от понятия обычности, даже не учитывая те знания, что ей открыла Луниса.

— Так чего ты хочешь?

— Я пришёл с предложением.

«Выслушай его» — Воспрял внутренний голос и Роан ощутил призрачные руки на плечах, будто внутренний демон решил приободрить.

Незнакомец с явной неохотой подошёл ближе, боясь, что ржавчина с прутьев попадёт на жилетку. Свет из узкого оконца упал на маску и символы вспыхнули, в узких прорезях стали видны глаза. Тёмно-карие, блестящие холодом.

— Каким же?

Лунисит запустил ладонь в ворот жилета и вытянул короткий кинжал без гарды. Рукоять из блестящего, чёрного дерева, ножны из матовой кости.

— Убей хотя бы девчонку, и мы сделаем тебя Императором, чья власть распространится далеко за стеклянную пустыню.

«Соглашайся!»

— Сейчас?

— Нет, конечно, со временем. Увы, некоторые осколки нам неподвластны, но десяток лет и они падут. А у тебя, мальчик мой, времени ещё с запасом.

— Убить, сейчас?

Молчание. Незнакомец медленно опустился и положил кинжал на пол, так, чтобы Роан мог взять через решётку. Отступил в сумрак.

— Ты поймёшь когда.

Он исчез, а Рона молча смотрит на кинжал, навершие рукояти посверкивает, отражая тусклый свет. Манит к себе и просится в руку.

Если у вас есть возможность, прошу, поддержите любой суммой:Сбербанк: 4274 3200 6585 4914ВТБ: 4893 4703 2857 3727Тинькофф: 5536 9138 6842 8034QIWI: qiwi.com/n/SHORS4943. Ы. Я благодарен за любую поддержку, даже сто рублей, это уже кошачий корм и спокойный день!

Ринзан опустился на плоский камень, на вершине холма и мрачно воззрился на город внизу. Цепь холмов будто стена щитов, готовая защитить материк от гигантской волны. Видно, как у далёкой скалы, врезавшейся в море будто копьё, на волнах покачивается корабль контрабандистов. Будто издевается над стражниками города, прекрасно зная, что им нельзя покинуть его пределы. Жрец Аргантоса невольно улыбнулся, мысленно аплодируя капитану.

Мелочь, конечно, но забавная.

Ринзара стоит в стороне и рассматривает город через подзорную трубу. Улицу за улицей, словно решила именно так найти Эллиона. Ветерок теребит плащ, открывая облегающую фигуру одежды и множества ремешков. На них блестят металлические и стеклянные колбы. Некоторые стянуты вместе грубой нитью или полосами ткани разной текстуры. Видимо, чтобы вслепую различать, что попало в руку.

Опасная женщина, как ни крути.

Впрочем, яды это женская стихия, в конце концов, все они змеи. Хорошая жена отличается от плохой, только тем, что она не кусает мужа.

В гортани будто тёплый песок, Ринзан хочет и не может вдохнуть полной грудью. При попытке в лёгких появляется раскалённый свинец, совсем немного, но этого достаточно.

— Дай мне лекарство. — Просипел разбойник, помахивая рукой.

— Зачем?

— Нам скоро драться, а я не хочу захлебнуться кровью в процессе.

В лучах солнца сверкнул стеклянный пузырёк. Ринзан поймал одной рукой, другой сорвал восковую пробку и вылил содержимое в плотку. Застыл, переживая лютую горечь. Боль в груди отступила, но затаилась. Глубокий вдох показался слаще насильно взятой женщины.

— Как же я хочу тебя убить... — Просипел Ринзан.

Стиснул пузырёк в кулаке и задумался, если бросить в висок, это убьёт курьершу? Нет, слишком лёгкий, а вот если ударить им... Нет, для неё заготовлена особая смерть. Такая, какой он ещё никому не приносил.

— Многие хотят, уж поверь.

— Охотно верю, ну что, твои ребята подали знак?

— Пока... а, вот и он!

— Что там?

— Девка в тюрьме.

— А Эл?

— Ничего не сказано. Странно.

Ринзан сощурился и с трудом разглядел цветные флажки на высоком шпиле, на который как раз смотрит илмиретка. Надо будет разобраться в этом тайном языке, может быть полезно. Разбойники переговариваются свистом, тирионцы шифрами, а илмириты тайными знаками. Скорее всего, у каждого культа своя тайнопись.

— Ладно. Пошли. — Сказал Ринзан, хлопая по коленям и поднимаясь.

— У тебя есть тайный проход?

— Зачем, когда есть ворота?

Перед городскими воротами скопилась толпа торгового люда. Обочина забита телегами, расставлены мелкие прилавки, идёт бойкая торговля. Ворота распахнуты, стража лениво взирает на торговшей с той стороны. Ведь город нельзя или посещать, но никто не запрещал торговать через ворота. Многие корабли успели завезти товары, если не сбыть вовремя, то потери будут огромны.

На шайку Ринзана поначалу даже не обратили внимания, подумаешь, ещё один купец. Затем навстречу вышло трое стражников и жрец Тирионы. Поборник правосудия поднял руку и Ринзан с улыбкой остановился.

— Город закрыт для всех. Можете разбить лагерь под стенами и торговать, следуя особым правилам.

— Боюсь, мне срочно нужно внутрь. — Ответил Ринзан, смотря прямо в глаза.

— Это невозможно. — Отрезал стражник, вставший рядом со жрецом.

— Ворота открыты.

— Это...

Стражник захрипел хватаясь за горло и силясь вырвать пробивший шею нож. Рухнул на колени, а Ринзан играючи прыгнул на жреца, повалил и ударил локтем в нос, вкладывая весь вес и инерцию. Хрустнуло, и ошарашенной тишине разбойники ломанулись в ворота. Ринзара встала рядом, сложив руки на груди и оглядываясь, на разбегающихся торговцев.

— Знаешь, я думала ты придумаешь что-то более оригинальное и изощрённое.

— Зачем? Толика хаоса всегда уместна.

Зазевавшуюся стражу смяли, один разбойник поймал копьё грудью и повалился в пыль. Остальные пробились в город, рубя всех, кто попался на пути. На стене зазвенел бронзовый колокол, звук разнёсся над городом. А затем мир взорвался запоздалыми криками.

— Ты собрался воевать со всем гарнизонном?! — Выпала илмиретка, на миг потеряв самообладание.

— Зачем? Нужно просто убить девку и пацана, если он там. Лучше бы он был там, ведь тогда Эллион сам придёт к нам.

— Отличный, только не забывай, что прямо сейчас сюда мчится целый взвод!

Она указала на распахнутые ворота и будто в ответ, над крышей одного из домов взметнулся язык пламени. Женщина застыла, недоумённо глядя на внезапный пожар. Крыша соседнего дома вспучилась и оглушительным хлопком разлетелась в стороны огненным дождём. Ринзан захохотал.

— Я ведь говорил, у меня тут хорошие друзья!

Огонь перебрасывается с крыши на крышу, как дикий зверь, мечется, выискивая пищу. Квартал перед воротами погружается в хаос из треска огня и криков.

Продолжая смеяться, Ринзан прошёл через ворота, широко раскинув руки, будто приветствуя нарастающее безумие. Ринзара зажмурилась на миг, выдохнула через плотно сжатые губы и пошла за ним.

Разбойники действуют без чёткого плана, полностью доверяя атаману. Горстка, не больше двадцати человек, но ущерб, как от маленькой армии. Наглядная демонстрация концепции удара в критическую точку. Когда даже маленькие отряды разбивали многочисленные армии. Ринзара прикусила губу, наблюдая, как сообщник упивается хаосом. Нет, это не просто жрец Аргантоса, это апостол преступления! Не совершила ли она ошибку, притянув его к делу?

За стенами тюрьмы закричала женщина, звук долетел до Роана приглушённый. Крик подхватило десяток глоток, загредел толстый бронзовый колокол. В коридоре лязгнула дверь, загредели удаляющиеся шаги и голоса стражников. Слов не разобрать, но эмоции так и сквозят. Страх и удивление.

Роан потянулся за кинжалом, замер, заметив ключ, торчащий из замка с той стороны. Издал короткий стон и, схватив оружие, вскрыл замок. Дверь отворилась с леденящим нервы скрежетом, который затерялся за шумом снаружи. Рукоять кинжала обжигает ладонь, внутренний голос бубнит, подталкивает руку. Парень с ключом в одной руке и с кинжалом в другой идёт по коридору, заглядывая в камеры.

Тишь нашлась на противоположном конце. Подружка методично скоблит пол камешком, который припрятала под одеждой. Увидев Роана, подскочила широко улыбаясь, задвигала пальцами.

«Что там случилось?»

— Не знаю, но явно что-то нехорошее. Нам надо уходить.

Ключ легко зашёл в скважину, провернулся с щелчком. Роан на миг заколебался, глядя на Тишь, подходящую к двери. Пальцы стиснули рукоять до боли, до треска дерева и костей.

Ударить в сердце. Она ничего не подозревает, ведь его лицо не способно отобразить бурю эмоций, сжигающую изнутри. Умрёт, прежде чем почувствует боль. Одна жизнь, безродной калеки и его будущее будет сиять подобно бриллианту. Осколки сольются в единую империю, чья власть распространится далеко за узкое море!

Свободная рука легла на прутья, потянула, Тишь шагнула навстречу. Полностью доверяющая, открытая, он почти видит, как бьётся её сердце. Дверь распахнулась и Роан быстро шагнул к девочке, рука с кинжалом пошла вверх. Крепко обнял, прижал к себе и замер, зарывшись носом в спутанные волосы. Закрыв глаза.

Тишь тоже застыла, озадаченно похлопала по спине, но не сделала попытки вырваться. Спустя целую вечность, расцепил объятия отстранился, впервые в жизни благодаря судьбу за увечное лицо.

«Что такое?»

— Ничего, просто... просто переживал, когда нас разлучили.

«Я тоже.»

Тишь мягко улыбнулась, левой рукой поправила волосы и глянула на лестницу, ведущую на первый этаж. Прислушалась к чему-то и потянула за собой парня. Роан последовал, послушный, как молодой бычок, которого тянут за кольцо в носу. Рука с кинжалом подрагивает, но уже от желания выбросить треклятый клинок. Зачем он вообще его взял? Как он мог даже подумать убить верного товарища? Более того, девушку, которая за месяцы пути даже начала нравиться...

Новая мысль пронзила хребет колючей молнией. Тишь действительно ему нравится. Проклятье...

Обогнал Тишь и начал подниматься по лестнице, держа кинжал и готовясь встретить на этаже засаду луниситов. Но там никого, двери распахнуты. Улица пуста, только в отдалении гудит колокол и слышен пугающий гул. Выйдя, Роан будто налетел на невидимую стену.

Квартал у городской стены полыхает, как праздничный костёр. Языки пламени

вздымаются над крышами, извиваются и гудят, будто торжествуя. В ту сторону от портовых казарм большими группами бегут солдаты. На парочку выбравшуюся из тюрьмы внимания не обращают.

— Какого тут творится... — Пробормотал парень, глядя на пожар.

— О, привет, малец!

Роан дёрнулся, на крыше соседнего здания стоит Ринзан красный в компании женщины в чёрном плаще. Одежда разбойника покрыта сажей и кровью. Женщина стоит сложив руки на груди и пряча лицо под капюшоном, влажно блестящим на солнце.

Жрец Аргантоса легко спрыгнул, выпрямился, разводя руки и широко улыбаясь. Тишь прижалась к Роану, нервно оглядываясь в поисках мелкого мусора, из которого можно получить нужный звук.

— Знаешь, парнишка, мне заказали только девчонку, но кто же откажется от добавки? Братец будет очень недоволен и это хорошо.

— Не подходи! — Выпалил Роан, выставляя кинжал.

— А то что? Убьёшь меня?

— Он нет, я да.

Все четверо повернулись на голос. На площадь из горящего квартала выходит Эллион. Почти чёрный от сажи, забрызганный кровью. Шаг курьера пружинистый, но в нём чувствуется подступающая слабость. Пробежки через пожар и вдыхание дыма не проходят без последствий.

— Пришлось заглянуть на постоянный двор. — Сказал Эллион, стирая сажу с лица и приглаживая волосы назад. — Привет, Ринзара, давно не виделись.

— Лучше бы ты убежал... — Ответила женщина.

Мотнула головой скидывая капюшон и на солнце заискрились влажные, кроваво-красные волосы.

— Ты же знаешь, я так не могу. Твой подарок для меня уже готов?

— Давным-давно. — С горечью выдохнула Ринзара.

Достала руки из-под плаща, и меж пальцев сверкнули две стальные колбы. Эллион кивнул, но не сбавил шаг, приближаясь к брату. Ринзан позабыл про Тишь с Роаном и идёт навстречу, широко разведя руки и хищно улыбаясь.

Ринзан качнулся, быстро переставляя ноги и резко ударил в голову. Сапог описал короткую дугу, врезался в подставленное предплечье. Эллион скрежетнул зубами, шагнул вперёд, ухватил левой рукой за ногу. Дёрнул вверх, опуская локоть на колено. Ринзан подпрыгнул, и используя захват как опору ударил в скулу. Курьер расцепил хватку, качнулся вбок, едва удерживая равновесие, накренился готовый упасть. Глаза закатились.

Пользуясь моментом Ринзан направил кулак к челюсти. Эллион выпрямился, перехватил руку, вывернул и нанёс два удара по рёбрам в район подмышки. Роану показалось, что разбойника от них приподняло над землёй. Ринзан ответил серией быстрых ударов.

Противники почти прижались друг к другу, сковывая движения и сокращая окно возможностей. Обмениваются короткими ударами локтями и коленями, стремясь перевести их в смертельный захват. Движение жестоки и молниеносны, любая ошибка означает смерть.

Пожар за ними разрастается, пламя перебрасывается на крыши соседних кварталов. Ветер с моря тянется к огню, а тот торжественно гудит и вздымается к голубому небу. С которого на площадь сыплет жирный пепел. Будто последние дни Империи решили проявиться в настоящем.

Лицо Эллиона заливают кровь из рассечённой брови, левый глаз Ринзана заплыл. Губы обоих лопнули, движения замедляются, но сохраняют убийственную мощь. Дыхание рвётся из груди с хрипом и свистом. Пот смешивается с кровью, затекает в глаза.

— Я в любом случае победил. — Прохрипел Ринзан, разорвав дистанцию и выставив руку перед собой.

Двинулись по кругу, почти касаясь костяшками кулаков. Курьер заметно прихрамывает, а разбойник кривится и порывается схватиться за бок.

— Да что ты говоришь...

— Братоубийство, так или иначе.

Ринзан издал сиплый смешок, а вместе с ним изо рта брызнула кровь.

— Илмир меня простит, будь уверен.

Они сцепились в клинче, ломая друг друга. Сила на силу. Каждый удар разбрызгивает рубиновые капли по земле широким шлейфом. Трещат кости, рвутся мышцы. Левая рука Ринзана повисла сломанная в локте, с кистью, вывернутой в обратную сторону. Эллион отшатнулся, зажимая глаз и скалясь.

— Я сломаю тебя, так же как твои игрушки. — Прохрипел Ринзан, пошатываясь из стороны в сторону, как маятник.

— Ах да, а я совсем забыл про это.

Эллион метнулся к нему, со стороны это похоже на неуклюжее падение, ударил всем корпусом. Пропустил ощутимый удар в шею, но ухватил за ногу и резко потянул вверх. Разбойник упал, ударился головой и грудью о землю, но нога осталась в захвате. Пнул второй в лицо, но сапог лишь оцарапал скулу у повреждённого глаза.

Курьер опустил стопу на поясницу и со всей оставшейся силой надавил. Одновременно поднимая ногу и проворачивая. Влажно хрустнуло и ногу перекосило, как сломанную ветку. Ринзан взвыл, изо рта пошла кровавая пена, а глаза задёргались в орбитах.

Тишь зажала уши ладонями, зарылась лицом в спину Роана.

Эллион выпустил ногу, качнулся, назад почти падая на спину. Попятился, кривясь от острой боли, медленно повернулся и... нос к носу столкнулся с Ринзарой. Женщина стоит, опустив руки, и смотрит в глаза. Ветер играет багряными волосами, тянет пряди в сторону пожара. Огонь отражается в глазах, придавая ей вид почти демонический.

— Ах да... — Прохрипел Эллион, кое-как выпрямляясь и сляясь поднять руки. — Я совсем забыл, прости.

— Ничего, я привыкла быть на втором плане. — Тихо ответила женщина.

Положила ладонь на грудь курьера. Тот застыл, шурясь и виновато улыбаясь Роану.

— Похоже, я облажался.

Ладонь отстранилась от груди, и пальцы впились в подбородок.

— Смотри на меня, хоть раз в жизни, удели мне достаточно внимания! Хотя бы сейчас!

— Убивай, а то это становится совсем неловко. — Прохрипел Эллион. — Только...

— Что? Хочешь просить пощады?

— Нет... куда там... доставь мою посылку за меня.

— Что, даже не попытаешься сам? — Брови Ринзары взлетели на середину лба.

— Нет, я всё... — Пробормотал Эллион, почти теряя сознание. — Я облажался... думаю... мне вообще не стоило браться за доставку...

— Идиот...

Ринзара оттолкнула, почти опрокинув на агонизирующего брата, прошла мимо и бросила, не оборачиваясь:

— Сам доставишь. Время у тебя ещё есть.

— Сколько?

— Неделя, может, две. Я этот яд ещё не тестировала.

Она подняла ладонь, демонстрируя испачканные кровью пальцы. Помахала и быстрым шагом направилась в только начавший гореть квартал.

— Спасибо! — Сипло крикнул Эллион, но Ринзара не ответила и скрылась из виду.

Медленно повернулся к подопечным, шагнул и упал. Едва успел подставить руку, но всё равно, ударился всем телом. В глазах потемнело, не то от яда, не то от усталости.

Роан и Тишь подняли за плечи, поволокли куда-то. Голова курьера раскачивается, безвольно падает на грудь. Перед глазами удаляясь дёргается Ринзан на фоне горящих домов. Брат пытается ползти, за ним остаётся отчётливый красный след. В ушах гудит кровь, а кожа на подбородке, где схватила Ринзара, горит огнём.

Курьер потерял сознание, из носа течёт кровь, лицо покрыто запёкшейся корочкой. Черты распухли от набухающих синяков, выглядит так, будто его били лицом об камни. Тишь пыхтит, свободной рукой щёлкает пальцами, но чтобы она не хотела этим добиться, ничего не получается.

Роан изловчился и забросил мужчину на спину, охнул, но поволок. Мимо них бегут матросы, на странную компанию внимания не обращают. Большие корабли расправляют паруса, по мачтам снуёт команда. Швартовые рубят под крики капитанов. Когда город горит, чудесным образом указы его властей перестают работать.

Парень остановился у небольшого корабля, почти ялика, чья команда уже откинула канаты. Заорал, размахивая рукой и прогибаясь под тяжестью курьера.

— Эй! Эй! Возьмите нас!

Над бортом появилось бородатое лицо, оглядело их с любопытством.

— А с чего бы нам это делать?

— Я заплачу!

— Не похоже что у тебя есть деньги. — Заметил бородач, с подозрением смотря на Эллиона.

— У меня их горы! Я, Роан эль Скван!

— Скван говоришь... погоди, тот самый?

— Его потомок, мать твою!

— Ну, допустим, а это кто с тобой?

Бородач указал на Тишь и Эллиона.

— Невеста моя и курьер Илмира, нам в Долину Мардока.

Тишь дёрнулась и посмотрела на него дикими глазами, захлопала ресницами. Бородач подвигал губами, на лице появилось странное выражение.

— А чего она сама не представится?

— Она немая! — Крикнул Роан, поправляя курьера на плечах и мысленно проклиная весь мир. — И сирота, идеальная жена!

— Ха, а тут прав, мне бы такую, а не как у меня... Вот бы по молодости таким же умным был... ладно. — Бородач обернулся и зычно крикнул. — Опустить сходни!

Спустя пару мгновений через борт перевалилась широкая доска с приколоченными «ступенями». Корабль медленно отходит от причала, и её край трётся о доски. Роан поспешил на борт, почти падая под весом Эллиона.

Корабль отчалил и неспешно удаляется, следуя за более крупными, от полыхающего города. Огонь успел охватить половину, в пламени на высокой башне продолжает гудеть бронзовый колокол. Роан опустил курьера на палубу, привалил спиной к борту. Порывисто обнял Тишь. Прошептал на ухо:

— Клянусь, они и никто вообще не причинит тебе боли. Я перебью их всех, если осмелятся.

Тишь обняла в ответ, прижалась к груди. От неё идёт тепло и это странным образом вливает силы и уверенность в Роана. Он действительно сокрушит всех, пройдётся огнём и мечом по всем Осколкам! Теперь не ради себя, собственной жизни, но ради безопасности Тишь.

Конец первой книги.

Сбербанк: 4274 3200 6585 4914 ВТБ: 4893 4703 2857 3727 Тинькофф: 5536 9138 6842 8034 QIWI: qiwi.com/n/SHORS494